БРЯЧЕСЛАВ ГАЛИМОВ
ВОКРУГ ТЮДОРОВ.
ЭПОХА ПЕРЕМЕН
И ВРЕМЯ СТРАСТЕЙ
ИЗМЕНА АННЫ БОЛЕЙН
КОРОЛЮ ГЕНРИХУ VIII

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга написана на основе воспоминаний начальника тайной полиции времен английского короля Генриха VIII. Действия произведения разворачиваются вокруг возлюбленной Его Величества Анны Болейн, ради которой он решает бросить жену Екатерину. Любовные страсти приводят к большим внутриполитическим изменениям в стране… Роман «Измена Анны Болейн королю Генриху VIII» – это политико-любовная драма, которая открывает трилогию под названием «Вокруг Тюдоров. Эпоха перемен и время страстей». Роман Брячеслава Галимова выходит далеко за рамки историко-биографического произведения. Он приобретает большую познавательскую ценность, удачно передавая дух эпохи, изображая многочисленные портреты современников короля Генриха VIII.

- Брячеслав Галимов
  - Часть 1. Охота короля
  - Часть 2. Письмо королевы Екатерины
  - Часть 3. Развод
  - Часть 4. Праздники и казни
  - Часть 5. Измена
  - Эпилог

Брячеслав Галимов
Книга 1
ИЗМЕНА АННЫ БОЛЕЙН КОРОЛЮ ГЕНРИХУ VIII

Часть 1. Охота короля

Путь от часовни до личных покоев короля проходил через длинную галерею, где толпились придворные, желавшие лишний раз показаться перед своим государем, и всякого рода просители, попавшие во дворец по протекции или за взятку. Король Генрих ненавидел эту галерею: пройдя через нее, он лишался даже той жалкой частицы религиозного чувства, которую давала ему утренняя молитва. Людские помыслы были настолько далеки от идеалов веры, что религия начинала казаться Генриху фантазией, имеющей мало общего с реальностью. Подобные мысли пугали короля, он мрачнел и с трудом скрывал раздражение.

В то же время его жена Екатерина, находясь в прекрасном расположении духа после заутрени, милостиво улыбалась народу. Королева лишь в периоды собственных неудач замечала несоответствие между тем, что говорили священники в церкви, и тем, что было в жизни. Тогда она плакала и обвиняла причинивших ей огорчение людей в несоблюдении религиозных заповедей и в отступлении от веры. Своим доверенным фрейлинам королева шепотом поясняла при этом, что главным виновником всех бед, происходящих с королевством и лично с ней, является, конечно же, сам король, известный вольнодумец и циник.

Генриха возмущали выпады Екатерины против него. Он женился на ней не по любви, а из высших государственных соображений; из подобных соображений и она вышла за него замуж. В отношениях с женой король старался соблюдать правила, основанные на принципах взаимного уважения и невмешательства в жизнь друг друга, однако Екатерина постоянно нарушала эту договоренность, и часто вела себя враждебно в отношении Генриха. Ее женские обиды причудливым образом перемешивались с присущим Екатерине религиозным фанатизмом, создавая ядовитую смесь ненависти и презрения, которая стала совершенно непереносима для Генриха в последние месяцы.

Простившись с женой у дверей своих личных покоев, Генрих не смог сдержать облегченного вздоха, не оставшегося незамеченным членами Ближнего Королевского Совета. Многозначительно переглядываясь, они проследовали за королем в зал гобеленов, где Генрих обычно отдыхал после заутрени. Здесь слуги быстро и ловко сняли с шеи короля тесное жабо, распустили шнуровку на камзоле и ослабили подвязки на чулках. Генрих грузно опустился в большое кресло, вздохнул еще раз и

сказал своим приближенным:

– До чего не люблю я современную мужскую моду! Чертовы чулки с чертовыми подвязками сжимают ногу, как «испанский сапог». Камзол не дает дышать, а жабо, мало того что давит горло, так еще не позволяет повернуть голову. Тому, кто телом тощ, и то нелегко, а каково мужчине дородному, да тучному, – такому, как мне. Кровь приливает к затылку, в глазах темнеет, а лодыжки так болят, что начинаешь хромать, подобно нищему калеке.

Члены Совета сочувственно поддержали короля:

– Вы правы, ваше величество! Ужасная мода!

– Ужасная. Да, ужасная, – повторил Генрих. – Одно, хорошо, господа, – буфы широкие, не стесняют задницу, и гениталии также не стеснены. Это очень важно для продолжения рода, господа, чтобы гениталии не были стеснены, – мне ведь еще предстоит обзавестись наследником. Моя жена родила мне дочь, да на том и успокоилась, а мне нужен сын – принц и будущий король. Сэр Джеймс, вы хотите мне что-то сказать? Говорите.

Вперед выступил человек выше среднего роста, скорее молодой, чем зрелых лет. Почтительно поклонившись королю, сэр Джеймс потрепал свою изящную темную бородку и вкрадчиво проговорил:

– Ваше величество, то, что я сейчас скажу, вы можете счесть неслыханной дерзостью, но моя совесть и мое чувство долга побуждают меня сказать вам это, даже если моя голова будет срублена палачом и выставлена на всеобщее обозрение на мосту.

– Ближе к делу, сэр Джеймс, ближе к делу! Потом решим, что делать с вашей головой, – сказал король.

– Позвольте мне сообщить вам то, о чем со скорбью сердечной думают все подданные вашего королевства: ее величество недостойна вас. Такому выдающемуся королю, как вы, подобает жена под стать вам, – я имею в виду, конечно, ваши душевные качества, а не телесную оболочку.

– Вы, действительно, дерзки, сэр Джеймс. Высказываться подобным образом о моей жене, об особе королевской крови. Неслыханная наглость!.. Впрочем, продолжайте, я всегда готов услышать слова правды, как бы горько они не звучали.

– Вы – образец государя, ваше величество, чего никак нельзя сказать о ее величестве, – продолжал сэр Джеймс. – Интересы ее родной страны ближе королеве, чем интересы нашего государства.

– Так вот как думают мои подданные, сэр Джеймс!

– Они страдают от несправедливости к вам судьбы, ваше величество. Денно и нощно они молятся о вашем благополучии.

– Но что вы предлагаете?

– О, ваше величество, смею ли я советовать вам?

– Бросьте, милорд! Для чего же я включил вас в состав Ближнего Королевского Совета, как не для того чтобы вы мне советовали?

– В таком случае, я рискую окончательно потерять ваше доброе ко мне расположение, но я должен посоветовать вам расстаться с королевой для того чтобы связать свою жизнь с другой, более достойной особой, – решительно произнес сэр Джеймс.

– Бог мой! Вы, должны быть, сошли с ума, достопочтенный сэр! Мне расстаться с королевой? Это невозможно, немыслимо! Как я могу оставить ее? К тому же для этого надо иметь веские основания. Вы, наверно, забыли, что разрешение на развод мне может дать только сам святейший папа, а он тесно связан с императором Карлом, племянником моей жены, и никогда не пойдет против его воли.

– Однако у вас, ваше величество, есть причина для развода…

– Что за причина?

– Веская причина. Причина, о которой вы сами изволили упомянуть, причина, вызывающая тревогу во всем нашем королевстве…

– А! Отсутствие наследника… Да, причина действительно веская. Мне кажется, в истории королевских семей были подобные прецеденты?

– Безусловно, ваше величество. Я могу составить соответствующий меморандум.

– Благодарю вас, сэр Джеймс. А что думают по поводу развода другие члены Совета?

– Сэр Джеймс прав. Ваше величество, конечно, не может остаться без наследника, – согласно закивали головами члены Совета.

– Но я вижу, что сэр Томас молчит. Сэр Томас, мне бы хотелось услышать ваше мнение, – сказал Генрих.

Сэр Джеймс, низко склонившись перед королем, отступил назад, и место перед королевским креслом занял сэр Томас.

– Отчего у вас печальное лицо, дорогой сэр Томас? – спросил король. – Несмотря на некоторые сложности, дела в нашем государстве идут неплохо. Отчего же вы так грустны, милорд?

На бледном лице сэра Томаса промелькнуло некое подобие улыбки.

– Ваше величество, я польщен тем, что вы проявили внимание ко мне, но боюсь мне нечем вас порадовать.

– Ну, сэр Томас, я и не жду от вас развлечений! Вы – не

акробат, забавляющий публику ловкостью своего тела, не актер, заставляющий нас поверить в игру выдуманных страстей, и не музыкант, веселящий наши сердца мелодичными звуками. Вы дороги нам как человек острого ума и обширной эрудиции, как человек, обладающий большим государственным опытом и глубоким знанием жизни. Ваши советы всегда ценны для нас, даже если они не вызывают удовольствия. Я знаю, что вы философ, милорд, и во многом я с вами согласен, но вы чересчур мрачно смотрите на мир, – чересчур мрачно, говорю я вам! Есть в нашем мире и светлые стороны, уверяю вас! Впрочем, я спрашивал вашего совета насчет моего развода, если вы помните, – заметил король.

Среди членов Совета послышались смешки. Сэр Томас не повел и бровью; выпрямившись во весь свой невысокий рост, он произнес холодным официальным тоном:

– Что касается вашего развода, ваше величество, то я считаю его неосторожным и необдуманным шагом, вредным и опасным для государства.

Члены Совета возмущенно заохали и начали шептаться, а сэр Джеймс иронически засмеялся.

– Сохраняйте тишину, уважаемые господа! – повысил голос король. – Продолжайте, сэр Томас, мы с нетерпением хотим услышать ваши аргументы.

– Слушаюсь, ваше величество. Во-первых, развод с королевой приведет к неизбежному конфликту с императором, что может вызвать войну с сильнейшим государством мира, войну, в которой мы не имеем никаких шансов на победу в настоящее время. Полагаю, что не нужно объяснять, какие итоги будет иметь эта война для нашего королевства. Священная Римская империя, которой правит родственник вашей жены, раскинулась на целый мир: кроме Испании, Италии, Австрии, Германии и Нидерландов, ей принадлежат многие заморские владения, в том числе в Америке. Как мы можем воевать с этим гигантом?…

Во-вторых, развод вашего величества с королевой никогда не будет разрешен святейшим папой. Как вы верно заметили, папа теснейшим образом связан с императором Карлом и поэтому не позволит вам развестись с королевой, несмотря ни на какие обоснования, приведенные нами. Если же вы пойдете на разрыв отношений с его святейшеством, то это приведет вас к отлучению от церкви, что восстановит против вашего величества большую часть ваших подданных. В стране произойдут беспорядки, которые могут вызвать новую междоусобную войну, – и это тогда, когда мы еще не оправились от последствий прежней междоусобицы!

– Сэр Томас сильно сгущает краски. Он хочет запугать нас, – громко прошептал сэр Джеймс.

– Если же вы, ваше величество, будете сохранять хотя бы видимость добрых супружеских отношений с королевой, то мы не только избежим всего этого, но достигнем процветания и могущества, ибо все необходимые предпосылки для этого у нас есть, – продолжал сэр Томас. – Добавлю, что негативное влияние ее величества на дела вашего королевства и ее попытки проводить здесь политику, отвечающую интересам императора, можно легко нейтрализовать, поскольку королева, как справедливо заметил сэр Джеймс, не любима народом, и не имеет поддержки ни в ком, кроме своих ближайших фрейлин. Итак, ваше величество, сохранение вашего брака – благо для королевства, развод – зло для него.

– Да, есть о чем задуматься, – сказал король после паузы. – Что же, благодарю всех за помощь и более не задерживаю. Я хочу побыть один.

* * *

Когда все ушли, Генрих тяжело поднялся с кресла, подошел к одному из гобеленов и нажал на рычаг, спрятанный за ним. В простенке между гобеленами открылась потайная дверь, из нее вышел человек в одежде простого горожанина.

– Вы все слышали, мастер Хэнкс? – спросил его Генрих.

– Конечно, ваше величество.

– Кто прав – сэр Джеймс или сэр Томас?

– Оба не правы, – коротко ответил Хэнкс.

– Вот как? Интересно. Почему? – удивился король.

– Сэр Джеймс не прав в том, что святейшего папу удастся уговорить. Папа не даст разрешения на развод с королевой.

– Значит, прав сэр Томас. Он говорил именно об этом.

– Нет, сэр Томас тоже не прав. Если вы без папского позволения разведетесь с королевой, то не будет ни войны с императором, ни серьезных беспорядков внутри страны, – твердо сказал Хэнкс.

– Откуда у вас такая уверенность, мастер Хэнкс?

– Ваше величество, я состою на вашей секретной службе и получаю от вас жалование как раз за то, чтобы с уверенностью отвечать на ваши вопросы.

– Хорошо. Но объясните мне, почему не будет войны, и не будет беспорядков? – нетерпеливо произнес король.

– Войны не будет от того, что императору Карлу теперь не до

нас. Подчинив себе половину мира, его императорское величество должен постоянно заботиться об удержании своих земель в повиновении, что совсем непросто. То там, то тут случаются всяческие неприятности, и он вынужден посылать свои войска и флот то в одну, то в другую страну. Сейчас, например, его императорское величество пытается излечить чрезвычайно болезненный процесс, поразивший подбрюшье его континентальных владений… Поэтому до тех пор пока мы не будем представлять собой непосредственную угрозу могуществу империи, Карл не начнет войну против нашего королевства. Возможно, он предпримет какие-то вылазки против нас, но до широких военных действий дело не дойдет.

– Убедительно. Ну, а папа и отлучение от церкви?

– Отлучение вашего величества от церкви, видимо, случится, но оно не вызовет анархии и смуты в вашем государстве. Папская власть уже не та, что была раньше, – ее святость померкла, а сила ослабла. Самое же главное, что на удовлетворение своих прихотей папам требуется все больше и больше золота. Согласитесь, ваше величество, что дворцы, ювелирные украшения, роскошная мебель, дорогие ткани, изысканная еда и прочие приятные мелочи жизни стоят немало денег, а добавьте к этому многочисленных папских любовниц и любовников… Отсюда вполне понятное стремление папского престола нажиться любыми способами. Выбор между Богом и Мамоной сделан папской церковью в пользу последнего. Сомнительные торговые сделки, покровительство бандитам и пиратам, взимание платы за церковные таинства, отпущение грехов за деньги дополняются увеличением поборов с народа и безжалостной борьбой со всеми недовольными. В результате люди теряют веру в то, что церковь служит Христу; повсюду смута, брожение умов и расколы. Римский пастырь теряет своих овечек, их подбирают другие пастухи.

– Мой Бог! Что вы такое говорите, мастер Хэнкс! От ваших слов пахнет жареным! – Генрих покачал головой.

– Я обязан докладывать вашему величеству о настроениях в обществе, – ни одна черта не дрогнула на лице Хэнкса.

– Не желаю вас слушать! Отправляйтесь в часовню и молитесь, чтобы Господь утвердил вас в вере!

– Как прикажете, ваше величество.

– Постойте, мастер Хэнкс! Скажите мне еще, в чем причина заблуждений сэра Джеймса и сэр Томаса? – остановил Хэнкса король.

– Они не заблуждаются, ваше величество, они слишком умны для этого.

– Стало быть, они лгут?

– Политики никогда не лгут, ваше величество, потому что у них нет понятий о правде и неправде. Политиками движет расчет – для них истинно то, что им выгодно.

– Какой же расчет движет сэром Джеймсом?

– Сэр Джеймс является фактическим предводителем тех ваших подданных, которые добились власти и богатства после смуты в королевстве. Они не хотят делиться своими доходами и своим влиянием с остатками прежней знати и с церковью, поэтому им выгодна ваша ссора со святейшим папой, который поддерживает, как известно, старые порядки. Эти люди станут вашей верной опорой в борьбе за создание нового уклада жизни в государстве.

– Хорошо, а что касается сэра Томаса? У него какие тайные мотивы? – спросил король недоверчиво.

– Сэр Томас устал от реальности и впал в мечтательность. Он считает, что людские пороки можно исправить, если людей постоянно направлять и наставлять к лучшему. Существующую церковную организацию, при условии избавления от вопиющих недостатков, сэр Томас полагает прототипом идеальной системы устройства общества, в котором будет достигнуто духовное единение всех людей под властью мудрого правителя.

– И кого он видит в роли такого правителя?

– Боюсь, что не вас, ваше величество, – ответил Хэнкс.

– Опасные мечтания, опасные, – сказал король. – И много моих подданных поддерживают сэра Томаса?

– О, нет, ваше величество! Совсем немного, – произнес Хэнкс с мимолетной усмешкой.

– Я, однако, не понимаю, как мы станем жить без папского благословения, – проговорил король, помолчав минуту. – Ну ладно, на сегодня довольно разговоров о делах, хватит политики! Вы почтите своим присутствием завтрашнюю королевскую охоту, уважаемый мастер Хэнкс?

– Среди благородных господ не место простолюдину, – сказал тот.

– Если вы достойны компании короля, то тем более достойны компании его слуг, – заметил Генрих. – Впрочем, не настаиваю, зная вашу нелюбовь к публичным зрелищам. До свидания, мастер Хэнкс!

– Да хранит Господь ваше величество! – склонился перед королем Хэнкс.

Дождавшись, когда он выйдет, Генрих достал из ящика массивного дубового стола маленький овальный портрет с изображением миловидной девушки и долго смотрел на него.

– Политика, расчет, выгода… Любовь, любовь и еще раз любовь – вот что правит миром! Какая красота, какое совершенство, какое изящество! Разве можно сравнить ту и эту? Пока Екатерина была молода, я еще находил в ней некоторую привлекательность, особенно в тех частях тела, что скрыты под платьем: у нее были крепкие красивые ягодицы, а грудь, хотя и мала, но упруга. Я женился на Екатерине не по любви, но любовь все равно взяла себе дань; видит Бог, я исполнял свои супружеские обязанности с должным усердием и даже с выдумкой! Однако Екатерина в постели всегда была холодна, как январский день, и принимала мои ласки лишь по обязанности жены; родив же дочь, она вовсе перестала отвечать на мои порывы. Конечно, я мог обладать ею по праву мужа, но кому понравится ласкать бесчувственное тело, которое, к тому же, безвременно увяло и состарилось.

Перестав быть единой плотью, мы с Екатериной окончательно стали чужими людьми, потому что душою мы всегда были чужими. Пусть Господь рассудит, кто из нас прав, кто виноват, но клянусь всеми святыми, дальнейшая супружеская жизнь с Екатериной для меня невозможна! Если бы моя супруга была только сварлива, капризна, плаксива и переменчива, я бы легко всё это вытерпел: есть ли на свете женщина, которая была бы лишена этих недостатков? Что делать, такими женщин создал Бог! Но Екатерина, помимо всего прочего, пытается возвыситься надо мной, сделать из меня покорного исполнителя ее воли и взять в свои руки управление моим королевством. Она распускает сплетни обо мне, ведет интриги и составляет заговоры против меня. Во имя чего я должен терпеть такую жену?

А эта… – король снова посмотрел на портрет. – Как она хороша: живой взгляд, милое доброе лицо, очарование молодости и красоты! Представляю, какое стройное у нее тело, какие восхитительные формы… Ну, не будем об этом, слишком волнительно… К дьяволу все политические расчеты, я хочу жениться на ней, – и я на ней женюсь!

* * *

Более трехсот человек выехали ранним утром на королевскую охоту. Кроме господ, приглашенных королем, и пожелавших сопровождать их дам, кроме загонщиков и егерей, в состав охотничьей компании входили многочисленные слуги, которые должны были обслуживать пикник, повара, чтобы порадовать благородное общество вкусным и обильным обедом, а также

музыканты и актеры, призванные увеселять короля и его гостей.

Длинная процессия проехала через сонный город и направилась к обширному лесу, находившемуся в двух часах езды от Лондона. Луга, поля и огороды были скрыты белесым туманом, сырым и зябким, наполненным запахами мокрой травы, земли и дыма, поднимающегося из печных труб, – последние дни осени были коротки и быстротечны, поэтому поселяне вставали перед рассветом, чтобы закончить полевые работы уходящего года.

Не привыкшие рано просыпаться придворные дремали в повозках и седлах своих лошадей; дамы дрожали от холода и кутались в меховые плащи. Не было слышно ни разговоров, ни шуток, ни смеха, обычных для большого общества, – лишь стук колес повозок, цоканье подков лошадей и бряцание плохо уложенной поклажи нарушали утреннюю тишину.

Но когда кавалькада приблизилась к лесу, солнце уже поднялось над деревьями, и туман начал быстро рассеиваться. На багряных, оранжевых, желто-зеленых листьях деревьев засверкали капли росы; сначала робко и неуверенно, а потом все громче запели птицы; прозрачный осенний воздух, пронизанный солнечными лучами, чуть дрожал, переливаясь золотистыми оттенками пышного увядания природы.

Охотники оживились и с веселым шумом подъехали к большой поляне, на которой было решено разбить походный лагерь.

– Богиня Флора прекрасна даже во время своего угасания… Да, но Венера всегда молода!.. А Купидон – и вовсе мальчишка, – переговаривались кавалеры.

Дамы, улыбаясь им, успевали шептаться между собой:

– Природа, конечно, прекрасна, но, согласитесь, что в плане удобств… Ах, не напоминайте, мне уже давно надо отойти!.. А у меня юбка сбилась, нужно поправить, а где?…

Пока слуги расставляли шатры и столы, раскладывали кресла, вынимали посуду, вино и закуски, егеря произвели поиск в окрестных зарослях и доложили королю, что видели свежие оленьи следы неподалеку от поляны.

– Джентльмены, добыча рядом, – сказал король. – Я имею в виду оленей, господа. Приступим, и да поможет нам богиня Диана загнать их!

Генрих направился по указанному егерями направлению с таким расчетом, чтобы оказаться на пути оленей. Несмотря на свою грузность, король прекрасно держался в седле; он пустил лошадь крупной рысью, ловко увертываясь от низких веток деревьев.

Сделав широкий полукруг, охотники оказались в мелком

перелеске, в который, по мнению егерей, должны были выйти олени, спасавшиеся от загонщиков. Встав по ветру, король и дворяне замерли, вглядываясь туда, откуда доносились звуки облавы; чем ближе она подходила, тем томительнее становилось ожидание, и тем больше разгорался азарт, одолевавший охотников.

– Черт возьми, вдруг олени уйдут через болото? – не выдержал один из них.

На него зашикали, а король недовольно покачал головой. Наконец, на опушку дубравы выбежали два оленя: самец с мощными рогами и самка. Они настороженно принюхивались к запахам перелеска, расстилающегося перед ними, и испуганно пряли ушами, вздрагивая от криков загонщиков и собачьего лая. Если бы не облава, олени, наверное, уловили бы опасность и не попали в засаду, но сейчас у них не было выбора, – они побежали в перелесок, прямо на охотников.

Увидев оленей, Генрих опустил пику наперевес, ударил плетью свою лошадь и галопом бросился им навстречу. В тот же миг животные, заметив угрозу, резко свернули в сторону и большими прыжками, не разбирая дороги, попытались уйти от охотников.

– Бычок мой, а телка ваша, джентльмены! – прокричал Генрих дворянам, не оборачиваясь к ним.

– Егеря, дьявол вас забери, не давайте оленю заваливать влево! Он может по краю леса обойти облаву! – прибавил король, отчаянно стараясь догнать свою жертву.

Олень метался и прыгал, стараясь вырваться из смертельного кольца, но скоро был обложен и прижат к непроходимому густому кустарнику, сквозь который он не смог пробиться, хоть и прыгал на него всей грудью. Тогда олень, тяжело дыша и роняя пену с губ, остановился, повернулся к своим мучителям, обвел их ненавистным взглядом налитых кровью глаз, опустил рога и с трубным ревом пошел в последний бой в своей жизни. Егеря закричали и хотели выстрелить в оленя, но Генрих остановил их:

– Не мешать! Он – мой! – и мощным ударом пики пробил ему шею.

Олень захрипел, захлебнулся кровью, рванулся было вперед, но в тот же миг пошатнулся и упал на землю, ломая кусты. Король спрыгнул с лошади, выхватил кинжал и подбежал к поверженной жертве. Олень еще пытался встать с земли, дергая ногами и поднимая голову; увидев своего убийцу, он сначала забился еще сильнее, а потом вдруг замер и со смертной тоской посмотрел на Генриха.

Король, торжествуя, мгновение постоял над ним, чувствуя

свою силу и превосходство, а затем добил его.

– Отличный выпад, ваше величество! Вы прекрасно владеете и пикой, и кинжалом! Да здравствует король! – восторженно воскликнули егеря.

– Да, удачная вышла охота, – возбужденно сказал Генрих. – Каков красавец! – прибавил он, пнув оленя ногой. – Матерый бычок. До конца боролся за свою жизнь… Глядите: у него слезы на глазах, вот до чего не хотел умирать! Все, как у людей… Интересно, как дела у моих достопочтенных джентльменов? Затравили они телку?

– Да, ваше величество. Я видел, как они ее убили, – ответил один из егерей.

– Хорошо. Славная сегодня вышла охота, – повторил Генрих, усаживаясь на коня.

* * *

Возвращение охотников вызвало неподдельный восторг у королевской свиты. Музыканты заиграли веселую бравурную мелодию, а проголодавшиеся придворные жадно разглядывали добычу, предвкушая вкусное жаркое. Однако, поскольку на приготовление оленины нужно было много времени, обед начался с блюд, которые были изготовлены поварами из привезенной с собой провизии. Как только Генрих умылся после охоты, мажордом тут же подал знак слугам, и они принесли огромный котел с гороховой похлебкой, заправленной кусочками свиного сала, клецками, зеленью и тертым чесноком.

Генрих, вообще любивший покушать, а сейчас еще и страшно проголодавшийся, едва дождался, когда ему нальют суп, и, обжигаясь, принялся жадно есть, не задумываясь о соблюдении приличий. Придворные также решили забыть про этикет и вели себя шумно и непринужденно. Король благосклонно кивал им, поощряя застольное веселье.

Гороховую похлебку сменила телятина, зажаренная в сметане с грибами и черносливом; вместе с ней был подан нежный розовый окорок с листьями капусты и с перышками лука-порея. Всё это входило в первую перемену блюд, призванную слегка утолить голод обедающих. Во вторую перемену повара включили рыбу, сваренную в белом вине, копченные бараньи колбаски, нашпигованные ягодами барбариса, гусиный паштет с протертыми орехами и заливное из свиных ножек. Кроме того, на столы были поставлены большие блюда с сыром всевозможных сортов, искусно нарезанным или свернутым в трубочки. Сыр, по

мнению кулинаров и лекарей, способствовал усилению пищеварения, а это было необходимо, чтобы подготовить желудки короля и его гостей ко второй части обеда, в которую должны были войти жаркое из оленины и десерт из засахаренных фруктов, хрустящих вафель, кремовых пирожных и сливочных пудингов.

Поев сыра, Генрих лениво откинулся на спинку кресла, отпил порядочный глоток из кубка, наполненного крепким виноградным вином, и подозвал мажордома.

– Любезнейший, чем вы повеселите нас? – спросил он.

– Ваше величество, у нас в программе выступление артистов, которые хотели показать отрывок из трагедии Софокла, – напомнил королю мажордом.

– Да, да… Но три часа смотреть Софокла! Надо сократить представление, пусть вначале будет музыка и танцы, а уж потом Софокл. Кстати, насчет Софокла… У меня появилась неплохая идея. К черту Софокла, – смогут ли ваши фигляры наскоро выучить и представить нам небольшой кусок из пьесы, который я им передам?

– Полагаю, что смогут, ваше величество, – понимающе улыбнулся мажордом.

– Вот и чудесно! Пусть подойдут ко мне, я скажу, что им надо будет сыграть. Постойте, еще одно: если моим гостям будет угодно послушать, как их король музицирует, я готов доставить им эту маленькую радость. Вы понимаете меня?

– О, конечно! Я понял вас, ваше величество. Все будет исполнено!

Король сделал жест, разрешающий мажордому удалится. Отпив еще глоток из кубка, Генрих, щурясь от яркого солнца, осмотрел ряды своих придворных. Разомлевшие от сытной еды, упоенные ароматами осеннего леса, согретые теплом погожего дня они лениво болтали между собой, не обращая внимания на своего государя. Генрих увидел, как сэр Джеймс о чем-то оживленно беседует со своими приятелями, и услышал уверенные интонации его голоса. Взгляд короля скользнул и по мрачной физиономии сэра Томаса, который сидел в одиночестве в глубокой задумчивости. Генрих с досадой отвернулся от него и в следующее мгновение невольно улыбнулся: он увидел Анну Болейн, взор ее чудесных глаз был устремлен на короля. Генрих выпрямился в кресле, вобрал живот и погладил свою аккуратно подстриженную бороду.

– Актеры, ваше величество, – раздался голос мажордома.

Генрих милостиво кивнул им:

– Очень рад, господа артисты. Надеюсь, вам объяснили, чего

мы ждем от вас?

– Мы готовы исполнить все приказания вашего величества, – ответил ему старший из них с глубоким поклоном.

– Прекрасно! Вот вам текст из пьесы, который случайно оказался у меня. Автор нам неизвестен, но это и неважно: нас заинтересовали характеры и ситуация. Речь здесь идет о любви некоего мудреца к молодой девушке, с которой его разделяет немалое число лет, но, несмотря на это, она отвечает ему взаимностью. Что девушка нашла в нем, чем он тронул ее сердце? Величием и мудростью, – так говорится в пьесе, и я согласен с автором. Молодость и красота женственности, зрелость и значимость мужественности прекрасно сочетаются друг с другом, – вот главная мысль сочинителя, которую вам надлежит донести до зрителей. Действующих лиц в пьесе, соответственно, двое – Философ и его возлюбленная по имени Леда; кроме них, как того требует от нас традиция, присутствует Хор, разъясняющий публике смысл происходящего на сцене и делающий правильные выводы из действия. Сможете ли вы примерно за час выучить этот отрывок, чтобы затем разыграть его перед нами?

– Не сомневайтесь, ваше величество, благороднейший из государей! Дабы угодить вам, мы выучим это отрывок и за меньшее время! – воскликнули артисты.

– Итак, берите текст и приступайте! В нужный момент вас позовут, – сказал им король и обратился к мажордому:

– Любезнейший, я ведь просил вас еще кое о чем.

– Мог ли я забыть ваше приказание, государь? Соблаговолите сообщить мне, когда вы захотите музицировать.

– Когда? Да прямо сейчас, черт возьми! – Генрих с беспокойством отыскивал взглядом Анну, куда-то исчезнувшую за время его разговора с артистами.

– Слушаюсь, ваше величество, – мажордом подмигнул кому-то за столом, и немедленно раздался возглас:

– Ваше величество, простите за дерзкую просьбу и за то, что я осмелился обеспокоить вас, но клянусь спасением души, никто не играет на лютне лучше вас! Окажите великую милость, – порадуйте нас своей игрой, ваше величество!

– Очень просим вас, ваше величество! Пожалуйста, ваше величество! Мы так давно не слышали вашей чудесной игры! – присоединились к первому голосу другие голоса.

– Прошу прощения, дамы и господа, но сегодня я вряд ли смогу сыграть. Я слегка устал на охоте и боюсь, что мои руки будут плохо слушаться меня, – сказал король, по-прежнему отыскивая взглядом Анну.

– Но мы очень просим вас, ваше величество! Пожалуйста, пожалуйста, окажите нам милость! – продолжали упрашивать придворные.

Тут лицо Генриха просияло от удовольствия: он увидел Анну, вернувшуюся на свое место.

– Ладно, дамы и господа, я сыграю, если вы настаиваете, – согласился он. – Но не судите слишком строго мою игру.

Королю немедленно принесли лютню, взятую на время у музыкантов. Генрих попробовал, как она звучит, потом, сделав паузу, пристально посмотрел на Анну и принялся играть старинную песню трубадуров, в которой говорилось о любовных страданиях рыцаря и о великих подвигах, совершенных им во имя его возлюбленной, – но, увы, не вызвавших ответной любви в ее душе. Эта песня была хорошо знакома всем, и сердца придворных, размякшие после прогулки на свежем воздухе и сытного обеда, растаяли; у дам полились слезы из глаз, мужчины загрустили. Анна, тоже растроганная грустной историей о несчастной любви рыцаря, потупила взор, вытирая заплаканные глаза.

Взяв последний аккорд, Генрих отодвинул лютню и застыл, глядя поверх голов своих придворных.

– Как хорошо! Как замечательно! Великолепно! – закричали они. – Ваше величество играет на лютне лучше всех на свете.

– Вы преувеличиваете, господа. Я всего лишь умею перебирать струны – и только, – возразил король.

– О нет, ваше величество! Вы отличный музыкант, – не соглашались с королем придворные. – Умоляем вас, сыграйте еще!

– Ну, не знаю, не знаю… Разве что, вот это я попробую исполнить. Это свободная трактовка веселого лангедокского танца. Говорят, его очень любил герцог Раймонд.

Король заиграл, и улыбки появились на лицах придворных. Задорная музыка разогнала печаль, навеянную грустной песнью; сразу захотелось танцевать, и многие начали отбивать пальцами по столу такт мелодии. Генрих выразительно посмотрел на музыкантов: они подхватили мотив танца, и тогда король, отложив лютню, поднялся, подошел к Анне, подал ей руку и вывел на середину поляны. Зардевшаяся девушка облокотилась на руку короля и грациозно прошлась с ним, приседая и кланяясь, как того требовало искусство хореографии. Король тоже танцевал на удивление изящно, – они были прекрасной парой.

Придворные зашептались: разлад в королевской семье ни для кого не был секретом, и подчеркнутое внимание короля к Анне Болейн могло стать предвестником больших перемен в обстановке при дворе. Сэр Джеймс, не скрывая ликования,

перемигивался с друзьями, а сэр Томас, напротив, помрачнел еще больше.

После окончания танца у придворных появился новый повод для пересудов: король отвел леди Анну к своему столу и усадил рядом с собой. Это было неслыханно, это был прямой вызов королеве, которая, хотя и не присутствовала на охоте, но отнюдь не утратила положенные только ей привилегии.

Анна, чувствуя десятки взглядов, устремленных на нее, сидела ни жива, ни мертва, поэтому с первого раза не услышала, что сказал ей Генрих.

– Дорогая леди Анна, я безумно влюблен в вас. Выходите за меня замуж, – повторил он.

Она испуганно взглянула на него:

– Помилуйте, ваше величество… Я не понимаю вас. Вы шутите? Как же можно – так, сразу… К тому же, вы женаты.

– Какие пустяки! Я разведусь, я давно собираюсь развестись. Я не люблю жену: более того, – я ненавижу ее! Я люблю вас! Мое чувство к вам глубоко, оно прочнее стали и долговечнее пирамид! Чего мне ждать? Пока я состарюсь? Увы, ведь я не молод… Надо ловить каждое мгновение жизни!

– Но, ваше величество, я вовсе не уверена, что хочу выйти за вас замуж, – пробормотала Анна.

– Я понимаю. Подумайте. Видит Бог, я люблю вас так, как никто не будет любить! Я сделаю вас счастливой, моя дорогая леди, клянусь вам! Подумайте.

Анна, совершенно растерянная, не знала, что сказать.

– Подумайте, – повторил Генрих. – А теперь я хотел бы развлечь вас. Актеры собираются показать нам какую-то пьесу. Посмотрим?

Он подозвал мажордома и шепнул ему:

– Ну, что, готовы эти бездельники?

– Почти, ваше величество.

– Дьявол их раздери! Я не желаю ждать, – пусть начинают, и сейчас же! Извольте распорядиться, любезнейший.

Мажордом направился к артистам и не позже чем через минуту объявил:

– Ваше величество! Дамы и господа! Извольте посмотреть небольшое театральное представление – отрывок из пьесы о жизни некоего философа! Актеры просят вашего всемилостивейшего внимания!

Под большим дубом, стоявшим на поляне, была натянута занавесь, за которой скрывались актеры. По знаку мажордома загремели барабаны, заревели трубы, и оттуда вышел тучный и высокий трагик, исполняющий роль *Философа*. Он прошелся

перед занавесью с видом глубокой задумчивости, затем остановился, прижал левую руку к груди, а правую вытянул в сторону зрителей. Трубы и барабаны стихли; трагик, дико вращая глазами, мрачным громовым голосом начал читать свой монолог:

С тех пор, как стал я знаменит
Мир обо мне лишь говорит.
Живущий всяк меня хвалит,
Мой ум мудрец боготворит!

Но знал бы кто тоску мою:
Я водопадом слезы лью,
Почти не ем и мало сплю,
Не отдыхаю и не пью!

Вся жизнь моя ей отдана.
Душа страданием полна:
Любовь меж нами иль стена?
Но, тсс… Шаги… Идет она!

На сцену вышел исполняющий роль *Леды* молодой человек, ибо женщинам строго запрещалась участвовать в представлениях. Он был одет в женское платье и ярко раскрашен; раскачиваясь и жеманно хихикая, он приблизился к трагику, изображая смущение и робость, которые обычно испытывает молодая девица на первом свидании с мужчиной. Зрители засмеялись и захлопали, а Генрих, насупившись, проворчал:

– Проклятые фигляры! Превращают высокую любовную историю в фарс!

Молодой актер прокашлялся и тоненьким голоском выкрикнул:

Невольно я к тебе влекусь неведомою силой!
Но отчего так грустен ты… э-э-э… философ мой любимый?

Генрих фыркнул от негодования: – Не могли выучить слова, чертовы комедианты!

Далее в пьесе шел диалог, в котором Философ уверял Леду в своей любви, а Леда отвечала ему взаимностью. В заключение, взявшись за руки, они пропели:

Так заключим союз священный,

Любви союз благословенный!
И будет он надежный, верный,
Прочнее стали закаленной!

Затем вышли артисты, изображающие *Хор*. Выстроившись полукругом, они тоже спели:

Позвольте нам вниманье ваше еще на пять минут занять,
Мораль увиденного вами позвольте нам растолковать…
Не надо, право, удивляться, что юность к зрелости влечет,
Там опыт, мудрость, постоянство, там уваженье и почет!
Жар страсти там не остывает, – не то, что вспыхнул да погас,
Как в младости огонь пылает, не грея, но сжигая нас…

Король захлопал, и тут же раздались дружные аплодисменты всех присутствующих. Довольные актеры раскланялись и удалились. Они рассчитывали получить хорошее вознаграждение, однако король распорядился, чтобы им заплатили самую малость:

– Мы оказали им честь, позволив выступить перед нами. Да и нельзя им заплатить много, – я их повадки знаю: напьются, безобразничать станут. Еще в полицию их заберут, выпорют… С ними вообще надо построже, для их же пользы.

Повернувшись к Анне, король спросил ее:

– Понравилось ли вам представление, мой ангел?

– Да, ваше величество.

– Мне тоже. Стихи, признаться, довольно скверные, но исполнены глубокого смысла: отрадно видеть союз мудрой зрелости и прекрасной юности… Выходите за меня замуж, моя милая, любимая, драгоценная леди Анна! Клянусь, что стану любить вас до гробовой доски!

– Ваше величество, дайте мне время, – испуганно сказала она.

Король нагнулся и поцеловал руку девушки. Распрямившись, он громко произнес:

– Пора продолжить наш пир. Мне не терпится попробовать оленя, которого я убил, а дамы, полагаю, заждались сладкого. Мажордом, распорядитесь, пожалуйста!..

Часть 2. Письмо королевы Екатерины

Королева Екатерина плакала у себя в спальне. Предыдущей ночью она долго дожидалась возвращения короля с охоты: невзирая на сложные отношения с ним, Екатерина продолжала беспокоиться о Генрихе, когда он задерживался дольше положенного, а тем более на охоте, где всякое может случиться. К тому же, существуют правила приличия, нарушать которые не позволено даже королю, – как можно настолько пренебречь женой, чтобы не оповестить ее о своем возвращении, не зайти к ней и не пожелать доброй ночи!

Да, она выходила замуж не по любви, но двадцать три года супружества не отбросишь просто так. Со временем у Екатерины возникла привязанность к мужу и, возможно, что-то похожее на любовь. Несмотря на все сложности, у нее еще теплилась надежда на то, что их супружеская жизнь каким-нибудь образом наладится. Именно потому, что эта надежда по-прежнему существовала, Екатерине особенно больно было видеть, как король безжалостно уничтожает последние жалкие остатки того, на чем еще держался их брак.

Отослав камеристку, королева провела жуткую бессонную ночь, и самые страшные мысли приходили ей в голову. В сущности, позднее возвращение короля не было чем-то из ряда вон выходящим, также как и его нежелание зайти лишний раз в покои королевы, но Екатерина, измученная постоянным невниманием к ней Генриха, раздраженная против него, уже не могла воспринимать спокойно ничего из того, что делал король. Страдания Екатерины были безмерны, – если бы она не являлась ревностной христианкой, она, наверное, выпила бы яд, или постаралась отравить Генриха.

Наступило утро, и обычные ритуалы умывания и одевания несколько отвлекли королеву от ее переживаний. При свете дня у нее вновь проснулась надежда на благополучный исход затянувшегося конфликта с мужем, на возрождение разрушенной семьи, – тем ужаснее стал для королевы доклад ее любимой фрейлины Сью о поведении короля на охоте, о возмутительных, недопустимых знаках внимания, оказанных им Анне Болейн.

В глазах у Екатерины потемнело, она замахала руками на служанок и дам из своей свиты, чтобы они поскорее покинули ее спальню, и зарыдала, как только последняя из них закрыла дверь. Королева плакала, облокотившись на стол и закрыв лицо руками;

она плакала все горше и горше, растравливая себя воспоминаниями о бесчисленных обидах, причиненных ей Генрихом, о жестокой судьбе, сделавшей ее женой этого чудовища, и о своей молодости, погубленной им.

Наплакавшись, Екатерина взглянула на себя в зеркало. Вид у нее был хуже некуда, – постаревшая осунувшаяся женщина с морщинами на лбу, около глаз и в уголках рта, с тусклым серым цветом лица, с дряблой кожей на шее и на руках. Конечно, Екатерина и в молодости не была красивой, но тогда ее кожа была нежной и гладкой, а тело – стройным. Она была привлекательна и вызывала желание в мужчинах, и Генрих тоже желал ее, – прости, Господи! Боже, как быстро проходит молодость, как быстро увядает женская красота!

– Старуха, я уже старуха! – сказала себе Екатерина и снова заплакала.

Вскоре, однако, на смену слезам пришла злость.

– Негодяй, мерзавец, грязный развратник, еретик! – ругалась Екатерина, вытирая красные, опухшие от слез глаза. – Разве это король? Грубый мужлан, скотина, ожиревший боров, похотливая обезьяна! Говорят, в его роду были свинопасы; если бы не та злосчастная война, никогда бы его семья не пришла к власти!.. Долго я терпела ваши гнусности, ваше величество, но теперь всё кончено! Можете попрощаться с короной и с королевством: о, я покажу вам, как я умею мстить! Вы меня плохо знаете, дорогой Генрих!

В дверь постучались.

– Кто там? – крикнула королева.

Фрейлина Сью заглянула в спальню и сказала:

– Простите, мадам, но вас ожидает монах Бенедиктус. Он говорит, что вы назначили ему аудиенцию.

– Пусть подождет. Бумагу мне, перо, чернила! Я напишу императору. Скажи сэру Фердинанду, чтобы он был готов немедленно отправиться к нему!

Через час письмо было написано, но Екатерина решила пока что не отправлять его. Излив в этом послании свой гнев и свою горечь, королева немного приободрилась и велела позвать монаха Бенедиктуса, а сэру Фердинанду было приказано ждать.

Лицо Бенедиктуса имело, по обыкновению, серьезное и многозначительное выражение, взгляд был потуплен, а руки теребили веревочный пояс темно-коричневой сутаны, мешком висевшей на длинном и тощем теле монаха.

– Что ты можешь сказать мне, Бенедиктус? Ты гадал сегодня ночью?

– Пресветлая королева хочет обидеть меня, – угрюмо ответил

он. – Гадание – темное и недостойное занятие, сродни колдовству и волхованию. Я никогда не гадаю, я молюсь святым угодникам, чтобы они открыли мне истину. Иногда святые нисходят к моим мольбам и дают мне дар предвидения.

– Я никогда не связалась бы с тобой, если бы здесь была хоть капля колдовства, – желчно заметила Екатерина. – Не придирайся к словам, монах, говори о том, о чем тебя спрашивают!

– Королева изволит гневаться? Напрасно. Следует избегать гнева, также как и чрезмерной радости, скорби, и вообще любых бурных чувств. Смирение и терпение – наши верные спутники в земной жизни.

– Перестань меня поучать! Я хочу услышать, что тебе открылось прошлой ночью?

– Упаси меня Христос поучать кого-нибудь! Я недостойный грешный человек, червь во прахе, – могу ли я поучать? Напротив, я должен внимать поучениям и наставлениям, которые, несомненно, идут мне на пользу. Благодарю тебя, государыня, за то, что по великой своей милости, ты наставляешь и ругаешь меня, смиряешь мою гордыню и указываешь на мое ничтожество – твоя доброта зачтется тебе.

– Ладно, Бенедиктус, будет сердиться, – примирительно сказала Екатерина. – Я заставила тебя ждать лишь потому, что у меня было действительно срочное дело. Я сгораю от нетерпения услышать о результатах твоих ночных опытов. Пожалуйста, расскажи, что тебе открылось. Твоя королева просит тебя.

– Воистину, ты образец христианского поведения, государыня! Прошу простить меня, если я стал причиной твоего раздражения. Слушай же, королева, что я узнал этой ночью.

Бенедиктус извлек из складок сутаны кусок пергамента и прочел:

Когда найдет на короля затменье,
Тогда начнутся смута и броженье.
Обманчивой бывает тишина,
Под завесой ее готовится война.

Пустыней станут нивы и сады,
И русла рек засохнут без воды;
И пропадут людские все труды,
Песком засыплет ветер их следы.

Екатерина упала на колени перед большим распятием на стене.

– Господи! – воскликнула она. – Вразуми заблудшего, прозри

слепого! Спаси, Господи, человецев твоих от разорения и гибели! За грехи одного не карай всех, милосердный Боже!.. А впрочем, – прибавила королева, помолившись и поднимаясь с колен, – пусть свершится по воле Твоей! Ты – отмщение, и от Тебя воздаяние!

В дверь снова постучали.

– Кто там еще? – крикнула королева.

– Это опять я, ваше величество, – ответила Сью.

– Что случилось?

– Позвольте войти, мадам? У меня есть для вас важная новость.

– Войди. Видно сегодня утром Господь решил испытать меня, – сказала королева.

– Ох, ваше величество, к сожалению, вы угадали! – подтвердила фрейлина, подойдя к Екатерина. – Только что я узнала, о чем шла речь на заседании Королевского Совета: они говорили о разводе короля с вами.

Екатерина поморщилась:

– Сплетни! Кто-то специально распространяет их.

– Ах, ваше величество, это не сплетни! Король будет просить святейшего папу о расторжении брака. Приехав ночью с охоты, его величество определенно сказал об этом в присутствии некоторых джентльменов, – один из них иногда рассказывает мне о королевских тайнах. Еще король упоминал об Анне Болейн и говорил, что она будет ему прекрасной женой.

Лицо Екатерина покрылось красными пятнами.

– Значит, это правда… Негодяй, негодяй, негодяй! – сдавленным голосом произнесла она и снова заплакала.

Фрейлина сочувственно вздохнула, в глубине души, впрочем, довольная, что именно она принесла королеве такое важное известие. Бенедиктус, сцепив пальцы, молча стоял рядом. Екатерина, всхлипывая, подошла к Сью, сняла кольцо с мизинца и отдала ей:

– Постарайся узнать подробнее о замыслах короля. Ты будешь вознаграждена за усердие.

– О, мадам, служить вам – лучшая награда для меня! – ответила фрейлина, принимая кольцо.

– Иди, – приказала ей Екатерина и обратилась к Бенедиктусу. – Что же нам делать, монах?

– Папа никогда не разрешит королю развестись с вами. Ну, а если король пойдет против его воли, то сбудется пророчество, – сурово и внушительно пробормотал Бенедиктус.

– На все Божья воля! – перекрестилась королева. – А я, пожалуй, дополню письмо к императору вестью о том, что я скоро буду брошена мужем. Оставь меня, монах.

* * *

Сэр Джеймс после королевской охоты лег спать только утром. Вернувшись в город, он вместе со своими приятелями поехал в известную харчевню, хозяин которой в один момент выгнал засидевшихся здесь допоздна добрых горожан и устроил для компании благородных джентльменов великолепный пир. Было очень весело: музыканты, не переставая, играли до самого утра, шуты смешили своими выходками, девицы, стройные и симпатичные, были соблазнительны и податливы. Приятели сэра Джеймса напились и вели себя непристойно: под утро они раздели всех девиц догола и в таком виде повезли по улицам Лондона, оглашая спящий город дикими криками и пением неприличных куплетов.

Сэр Джеймс благоразумно уклонился от участия в этой вакханалии и приказал слугам отвезти его домой. Невзирая на утомительную королевскую охоту, бессонную ночь и огромное количество выпитого, он чувствовал себя неплохо. В его голове непрерывно крутилась одна и та же приятная мысль: «Король все-таки решился, наступает наше время!» Довольная улыбка не сходила с лица сэра Джеймса: с ней он приехал домой, с ней его раздели и погрузили в ванну, с ней вытащили оттуда и положили в постель.

Спал сэр Джеймс, однако, недолго. Скоро он был разбужен своим секретарем Джонсом, которому пришлось изрядно потрудиться, чтобы привести шефа в чувство. Наконец, сэр Джеймс открыл глаза, посмотрел на Джонса и ясным звучным голосом сказал:

– Спасибо, милая девушка, ты можешь идти домой.

– Но милорд…

– Иди, ты мне больше не нужна, – сэр Джеймс отвернулся и заснул.

– Милорд! Проснитесь! Да проснитесь же! – потеряв терпение, секретарь бесцеремонно потряс шефа за плечи.

– Что? Что? Что? – приподнялся сэр Джеймс на кровати. – Как ты смеешь прикасаться ко мне, трактирщик? Я не стану платить за то вино, которое не пил!

– Я не трактирщик, милорд! Я ваш секретарь! – отчаянно воскликнул Джонс.

– Секретарь? – задумчиво проговорил сэр Джеймс и затем пробормотал, засыпая: – Может быть, может быть…

– Ну, проснитесь же, милорд! Умоляю вас! У меня чрезвычайное сообщение, – Джонс снова потряс его за плечо.

– Сообщение? Вы говорите «сообщение»? – сэр Джеймс

вздохнул и приложил руку к голове. – Что означает *сообщение*?

– То есть как? – изумился Джонс. – Сообщение – это известие, новость, сведение.

– Боже мой, как много слов! – прервал его сэр Джеймс. – Для чего их так много, если все они означают одно и то же? Вы меня совсем запутали. Вернемся к этому… как вы сказали?

– Сообщению, милорд!

– Ради бога, не кричите, – поморщился сэр Джеймс. – Сообщение… Что-то я никак не могу уловить смысл этого слова… Сочетание букв вроде знакомое, но что за ними стоит, не могу понять. Но оставим в покое буквы, – скажите то, что вы хотели сказать просто: без букв и без обозначений, – он устало откинулся на подушку.

Секретарь удивленно пожал плечами.

– Я хотел сказать, милорд, что королева написала письмо императору, в котором она обвиняет нашего государя в преступлениях против религии, нравственности, против законов государства, а также в оскорблении ее королевского величества, – и пишет также о намерении короля развестись с ней. Королева просит императора принять все меры к низложению короля Генриха.

Сэр Джеймс в одно мгновение поднялся с постели.

– Откуда вам это известно? – спросил он, недоверчиво глядя на Джонса.

– Королева поручила своему придворному, сэру Фердинанду, тайно отвезти письмо. Но тот оказался благоразумным человеком, и прежде чем ехать к императору, встретился со мной и показал мне послание королевы. Мне пришлось заплатить сэру Фердинанду тридцать серебряных монет.

– Вам возместят ваши расходы, – небрежно махнул рукой сэр Джеймс. – Итак, разрыв между королем и королевой стал окончательным. Более того, королева решилась на государственную измену – на свержение законного правителя Англии. Ах, как хорошо все складывается, – удача сама стучится к нам в дверь! Быстро мне одеваться, – я еду на прием к королю. И позвать лекаря, – пусть даст мне что-нибудь, избавляющее от головной боли и тошноты!

* * *

Почти в тот же час сэр Томас сидел у себя в кабинете в кресле перед камином, перелистывая старинную книгу, оплетенную почерневшей телячьей кожей. Дверь в кабинет беззвучно

открылась, вошла жена сэра Томаса. Она приблизилась к мужу, обняла его и заглянула в книгу, которую он читал.

– Что это? – спросила она.

– «Основания стоицизма», – ответил сэр Томас.

– Я думала, ты пишешь.

– Нет. Я больше никогда не буду этого делать, – сказал он, нахмурившись.

– Почему?

– Подчинить перо запросам толпы и выгодно продавать свои литературные изделия – вот единственное, ради чего можно заниматься литературой. Тот, кто следует этим принципам, заслуживает уважения как хороший ремесленник и расчетливый купец. Но горе пришедшему в литературу с высокими побуждениями, с искренними душевными порывами! В лучшем случае его ждет небрежное внимание избранных ценителей, в худшем – шиканье растревоженной публики. Я не хочу больше стоять у позорного столба, не хочу слышать злобные выкрики своих врагов и ядовитые слова утешения от своих друзей. Слава богу, мы достаточно обеспечены, и мне не надо торговать своими мыслями и чувствами, чтобы заработать себе на жизнь!..

– У тебя что-то случилось? На вчерашней охоте? – насторожилась жена.

– У меня – нет. У всех нас – да.

– Я не понимаю тебя.

– Король оказал особые знаки внимания леди Анне Болейн, – коротко объяснил сэр Томас.

– Ну и что? Слабость короля к молодым девицам известна всем.

– Государь хочет развестись с королевой.

– Вот новость! – засмеялась жена. – Да он уже много лет хочет с ней развестись!

– Нет, теперь его намерение решительно и серьезно. Сама королева убеждена в этом. Сегодня она отправила письмо императору, в котором просит заступничества и требует принять меры к низложению короля.

– Святая Дева! Неужели это правда? – жена сэра Томаса испуганно взглянула на него.

– Я читал письмо королевы.

– Ты читал ее письмо?

– Не удивляйся. Посланец королевы показал мне его; мудрый он человек, посланец королевы, – решил, что в интересах государства я должен знать об этом письме! – невесело улыбнулся сэр Томас.

– Что же будет? – с тревогой спросила жена.

– Я обязан доложить государю. Но тем самым я дам повод королю для обвинения королевы в заговоре. Развод станет неизбежным даже и без согласия церкви. Мы поссоримся с императором, мы поссоримся с папским престолом, но не это самое страшное.

– Боже мой! Война, отлучение от церкви – и это еще не самое страшное? О чем ты говоришь! – ужаснулась жена.

– Войны может и не быть, а власть папы сейчас не так сильна, как раньше, когда он легко менял королей и перекраивал королевства по своему усмотрению. Нет, меня тревожит не война и не отлучение от церкви… – сэр Томас замолчал, поглощенный своими мыслями.

Жена легонько дунула ему на волосы.

– Очнись. Что же тебя беспокоит, если не война и не проклятие папы?

– Разрыв с папой позволит сэру Джеймсу и подобным ему джентльменам поставить церковь в зависимость от короля, – и уж они постараются использовать преимущества этого нового порядка, уверяю тебя! Они превратят веру в свою послушную служанку, которая станет исправно трудиться во имя их обогащения, – сказал сэр Томас. – Освободиться от власти деспота – еще не значит получить свободу; деспотизм папы они хотят заменить тиранией безжалостных хищников, пожирающих своих слабых собратьев. Кто спорит, наша страна тяжело больна, но вместо того чтобы бороться за ее исцеление, эти джентльмены хотят поскорее умертвить ее, да еще и забрать себе оставшееся наследство. Справиться с болезнью, убив больного, – таков метод их лечения. Не исцеляют они, а убивают, и потому будут прокляты во всех делах своих!

– Как ты разволновался, дорогой мой, – жена поцеловала сэра Томаса в щеку. – Так ли все ужасно, как тебе представляется?

– Боюсь, что еще ужаснее. «Чуму проказе предпочтем, мы с нею лучше проживем!» – неожиданно пропел фальцетом сэр Томас.

Он встал с кресла и принялся расхаживать по кабинету; его жена с удивлением смотрела на своего разгорячившегося мужа, обычно спокойного и хладнокровного.

– Извини меня, дорогая, я должен ехать к королю. Я обязан сделать все возможное, чтобы не допустить расторжения его брака и разрыва с папой. Тяжело плыть против течения, но я должен! – сказал он.

– А ты подумал о последствиях? – настороженно спросила жена.

– Да. Я подумал о последствиях, и поэтому я пойду до конца,

чем бы это мне не грозило, – ответил сэр Томас, остановившись перед ней.

Она покачала головой и вздохнула, не решившись перечить ему.

* * *

Пока сэр Джеймс беседовал со своим секретарем, а сэр Томас – со своей женой, король принимал ванну, наполненную душистой теплой водой, и с удовольствием вспоминал вчерашнюю охоту. Он позволял себе шутить со слугами, омывающими и массирующими его большое грузное тело.

После ванны короля облекли в удобную домашнюю одежду, и он направился в малую столовую, где обычно завтракал в узком кругу своих гостей. Малая столовая находилась во флигеле дворца; ее широкие окна выходили в уютный маленький садик, отделенный от остальной части королевского парка высокой кирпичной стеной. Когда было тепло, Генрих приказывал открыть двери в сад, и столовая наполнялась свежим влажным запахом листьев и хвои.

Сотрапезники короля занимали незначительные придворные должности и не имели ни малейшего влияния на государственные дела, зато хорошо разбирались в вопросах гастрономии и кое-что смыслили в искусстве. Разговор за столом шел исключительно на эти темы, и если кто-нибудь нарушал негласное правило, запрещавшее обсуждение иных предметов, то больше он не появлялся на королевском завтраке.

Среди прочих гостей бессменным сотрапезником короля на протяжении многих лет был сэр Френсис. В молодости он отличился во время гражданской войны: сэр Френсис со своим отрядом четыре года занимал глухую оборону в лесах, а когда в войне определился победитель, немедленно вышел из лесной чащи и встал под его знамена, за что получил награду и почетное место при королевском дворе. Сумев благополучно пережить все государственные потрясения, сэр Френсис достиг старости, не ведая бед и разочарований. Не зная почти ничего о живописи, музыке и литературе, он слыл знатоком искусства на завтраках Генриха, – короля забавляли его суждения на сей счет.

Этим утром у короля было прекрасное настроение, поэтому он решил потолковать с сэром Френсисом о поэзии. Заняв свое место во главе стола, Генрих посмотрел на косые лучи осеннего солнца, сквозь ветви деревьев проникающие в окна столовой, и сказал:

– Не открыть ли нам двери в сад? Чудесные дни стоят нынче! Не помню уж, когда была в последний раз такая погожая осень; после полудня воздух прогревается, как летом. Ночи, правда, холодные, и утром не тепло… Нет, не будем открывать двери, а то сэр Френсис, не дай бог, простудится.

– О, благодарю вас за заботу, ваше величество! – приподнялся тот из-за стола.

– Пустое, пустое! Мне бы хотелось продолжить наш разговор об итальянском искусстве, – а кто, кроме вас, милорд, может дать нам наилучшее представление о нем! Позавчера мы говорили о Петрарке – автор хоть и не новый, но интересный. Как, по-вашему, сэр Френсис, в чем притягательность его любовного стиха?

– Любовного стиха? – сэр Френсис вытер салфеткой губы. – Ваше величество, да стихи ведь и пишутся от любви! Если вы любите, предположим, какую-нибудь молодую девицу, то спрашивается, как вам быстрее всего затащить ее в постель? Тут два способа подойдут: подарки и красивые слова. И до того и до другого девицы очень охочи. Подарите ей, к примеру, колечко, и скажите что-нибудь эдакое, красивое, о том, как она хороша, и как вы ее любите, – и вы уже сделали один из трех шагов по пути к победе!

– Вот как? А еще два шага? – улыбаясь, спросил Генрих.

Сэр Френсис выдержал артистическую паузу:

– Разве вы не знаете, ваше величество?

– Ожидаю, что вы меня просветите.

– Почту за честь, ваше величество. Второй шаг – поведайте ей о своих тайнах. Женщины обожают чужие тайны. Правда, надо помнить о том, что ваши секреты перестанут быть секретами, как только вы о них расскажете, поэтому душу следует открывать с осторожностью и не увлекаться искренностью. Но можете не сомневаться, ваше величество, что став поверенной ваших тайн, девица приблизится к вам, как рубашка к телу.

– Ваши рассуждения основательны, милорд. А третий шаг?

– Развеселите ее, говорю я, развеселите, если хотите добиться ее симпатии! Девицы смешливы от природы; посмотрите на них, – такое ощущение, что они непрерывно хихикают. Поразите ее своим остроумием, заставьте смеяться, – и крепость падет, не выдержав последнего удара! Но, упаси вас боже, смеяться над самой девицей: они этого ужасно не любят. Лесть и похвала должны сопровождать ваше наступление.

– Прекрасная речь, сэр Френсис! Она обличает в вас опытного соблазнителя, но я не понимаю, какое отношение всё это имеет к поэзии Петрарки? – с усмешкой спросил Генрих.

– К поэзии? Да самое что ни на есть прямое, ваше величество! Где, как не в стихах, вы можете красиво рассказать о любви, открыть свою душу и показать свой ум?

– Но поэзия более склонна к трагедии, чем к комедии. Как же быть с последним пунктом вашей теории соблазнения?

– Трагедия? Гм, притворство, одно притворство, ваше величество! Без этого, впрочем, тоже нельзя, нужно же показать, как ты страдаешь! Но если вглядеться пристальнее, то за любой трагедией скрывается комедия. Иначе и быть не может, ибо в нашей жизни все – сплошная насмешка, ваше величество. Ох, помню, ухаживал я в свое время за графиней необыкновенной красоты! Ухаживание проходило строго по правилам, размеренно и методично, в соответствии с требованиями любовной науки. Но графиня мне попалась несговорчивая; тогда я решил прибегнуть к поэзии…

– Вы, сэр Френсис? – король уронил вилку. – Вы писали стихи?

– Нет, ваше величество. Помилуй бог, разве я стал бы заниматься подобной дичью? Я покупал стихи у безвестного рифмоплета, который задешево сочинял их по моему заказу. К сожалению, мой стихотворец был неравнодушен к Бахусу, и страсть к творчеству часто растворялась у него в стакане с вином. В таких случаях мне приходилось воровать стихи у признанных поэтов, благо, дамы у нас не читают поэтические книги. Кое-что я помню до сих пор:

Мадам, вы красоты храните клад,
Алмазной чистоты победный взгляд,
И пламенный рубин щеки румяной…

А что дальше? Проклятая память! Ах, да!

…Но не видать от вас ни ласки, ни привета!
Поймите, ведь плачу я и день, и ночь подряд,
И говорю несвязно, невпопад,
Так сильно к вам любовью я объят!

Не может сердце горевать…
…Постоянно,
Пролейте ж мне бальзам на раны!

Ну, нечто вроде этого! И что бы вы думали, ваше величество? Целый год правильных ухаживаний не дал никакого результата, а

мои стихотворные послания в два счета добыли мне сердце графини! Святые угодники, как это понять, почему такая чушь трогает сердце женщины? Если бы я принялся изъясняться подобным образом на людях, меня по справедливости отправили бы в приют для душевнобольных. Но женщины – все немного сумасшедшие, так что поэзия для них годится в самый раз!

Генрих расхохотался:

– Благодарю вас, милорд! Вы изрядно развлекли нас… Кушайте, джентльмены, кушайте! В следующий раз будут поданы рыбные блюда. А потом мы обсудим, насколько хорошими они получились у моих поваров.

* * *

Продолжая пребывать в благодушном расположении духа, король вышел в парк, уселся на скамью под старым вязом и позвал мажордома.

– Много ли народа дожидается моего выхода? – спросил Генрих.

– Все придворные чины хотят засвидетельствовать почтение и преданность вашему величеству, – ответил мажордом.

– Подождут! – отмахнулся Генрих. – А кроме них?

– Ваш духовник, государь.

– Опять будет упрекать меня за то, что я пропустил заутреню, – скривился король. – Подождет! Еще кто?

– В особой комнате вас дожидается мастер Хэнкс, – сообщил мажордом, понизив голос.

– Хэнкс? Дожидается? – Генрих удивленно повел головой. – Попросите его придти сюда… Хэнкс дожидается… Странно, – сказал себе король.

Пока мажордом ходил за Хэнксом, Генрих успел задремать на солнышке, и ему приснился хороший сон. Увидел он синее прозрачное озеро, окруженное просторным дубовым лесом. На берегу был раскинут громадный шатер из прозрачных шелковых тканей, весь пронизанный светом и наполненный легким теплым воздухом. В шатре пировали сотни благородных господ, одетых в яркие пестрые одежды, и Генрих был среди них, но почему-то не в центре стола, как ему полагалось, а с краю, у самого выхода. Короля несколько расстроило это обстоятельство, но тут он увидел рядом с собой леди Анну и улыбнулся.

Анна без тени смущения весело болтала с Генрихом и норовила прикоснуться к нему. Король, очень довольный подобным обращением, с восторгом ощущал ее прикосновения и,

млея от счастья, внимал ее милой болтовне.

Поведение Анны становилось, между тем, все более вызывающим и страстным; наконец, расшалившаяся проказница увлекла короля к выходу из шатра, на берег озера. Здесь она стала торопливо раздеваться, успевая в то же время снимать одежду с Генриха. Едва Анна и Генрих обнажились, полог шатра вдруг широко распахнулся, пирующие там дружно повернулись и принялись пристально рассматривать наготу короля и его спутницы. Смущенный король пытался закрыться руками, но Анна с хохотом схватила его под локоть и потащила в воду. Вода подняла их, и они заскользили по глади озера, подобно двум лебедям. Генрих вскрикнул от восторга – и пробудился…

Зевая, он потянулся, с кряхтением расправил затекшую спину, и заметил мажордома и Хэнкса, стоявших в нескольких шагах от скамьи.

– Вы можете быть свободны, – сказал король мажордому.

Тот поклонился и ушел. Генрих обратился к Хэнксу:

– Как вы деликатны, мастер Хэнкс! Не потревожили меня за завтраком, дали поспать в саду, – по-видимому, дело, с которым вы пришли ко мне, не столь значительное?

– Боюсь, что вы ошибаетесь, ваше величество, дело значительное, – возразил Хэнкс, вглядываясь куда-то вглубь парка.

– Да? Тогда я слушаю вас. Что вы молчите?

– Сегодня утром ее величество отправила письмо императору, в котором категорически требует лишить вас престола в связи с вашим намерением развестись с ней, а также оскорбительным поведением вашего величества, – сказал Хэнкс, по-прежнему глядя мимо короля.

– Что? Что вы сказали? Что?! – Генрих поднялся и подошел вплотную к Хэнксу. – Не может быть!

– Я ознакомился с посланием королевы и скопировал его. Письмо мне дал сэр Фердинанд – доверенный ее величества, которому она приказала отправиться к императору с этим посланием.

– Где копия письма? – резко спросил король.

– Вот она, ваше величество, – Хэнкс достал бумагу из папки и передал ему.

Король быстро читал послание. Лицо Генриха потемнело от прихлынувшей крови, а левая щека задергалась, что случалось с королем в минуты сильного душевного волнения.

– Сэр Фердинанд и раньше рассказывал мне о некоторых секретах ее величества, но в данном случае он превзошел самого себя, – говорил Хэнкс. – Он показал письмо королевы не только

мне, но еще и сэру Томасу, и сэру Джеймсу. Глупый, трусливый, жадный человек! Теперь трудно будет скрыть его предательство. Что же касается сэра Томаса и сэра Джеймса, то они уже едут к вам. Один станет уговаривать вас простить королеву, другой – покарать ее.

Но король не слушал Хэнкса; прочитав письмо, Генрих напрягся и закусил нижнюю губу. Хэнкс опустил голову, зная, что король взбешен, и его гнев сейчас выплеснется наружу.

– Вы с *этим* шли ко мне, и могли задержаться под предлогом того, что не хотели меня тревожить? – глухо произнес Генрих, потрясая бумагой. – Надеюсь, вы арестовали посланца королевы, и оригинал письма также находится у вас?

– Я не мог так поступить без приказа вашего величества, – возразил Хэнкс, не поднимая головы.

– Дьявол меня побери! – закричал король, затрясшись от ярости. – Вы ротозей или изменник, Хэнкс! Немедленно догнать этого Фердинанда! Немедленно! Что вы стоите, черт вас возьми?!

– Догнать сэра Фердинанда не удастся, ваше величество. Он уехал в порт около трех часов назад. Там его ждал корабль; поскольку погода сегодня благоприятная, и ветер попутный, то корабль теперь уже в открытом море, – бесстрастно сказал Хэнкс, все так же не поднимая глаз на короля.

– Изменник! Предатель! – прорычал Генрих, сдерживаясь, чтобы не ударить Хэнкса. Повернувшись к нему спиной, король стремительно пошел по дорожке парка, крикнув из-за поворота: – Вы будете казнены, мастер Хэнкс! И перед смертью будете долго мучаться! Я прикажу палачам, чтобы они растянули казнь на целый день и применили к вам самые зверские пытки! Вы заплатите мне за ваше предательство, мастер Хэнкс!

Грохнула калитка, ведущая в основную часть парка, и тяжелые шаги короля затихли вдали. Тогда Хэнкс поднял голову, и в глазах его промелькнула усмешка. Он сел на мраморную скамью, нагретую королем, небрежно развалился на ней и вынул флягу из потайного кармана своего короткого суконного плаща. Провожая взглядом опадающие с вяза листья, Хэнкс с наслаждением, размеренно и не спеша, сделал несколько глотков душистого травника.

Просидев так несколько минут, он прислушался, убрал флягу, поднялся и принял прежний виноватый вид. Через мгновение снова грохнула калитка, и в дальнем углу сада показался Генрих. Подойдя к Хэнксу, король мрачно сказал:

– Ну, какие у вас есть оправдания? Предоставляю вам последнее слово.

– Спасибо, ваше величество, – ответил Хэнкс с поклоном. –

Мои оправдания заключаются в том, что я стремился точно исполнить вашу волю, государь.

– Как это? – спросил король, сдерживая свой гнев.

– Вчера ночью, вернувшись с охоты, вы определенно заявили, что хотите добиться развода с королевой, не так ли?

– Так.

– Письмо ее величества является решительным шагом к разводу. Королева взяла на себя неприятную обязанность сообщить императору о распаде вашего брачного союза. Мы можем быть только благодарны ей за это.

– Но она в своем письме обвиняет меня во всех смертных грехах! – раздраженно заметил король.

– Естественно. Чего еще ждать от разозленной женщины? Извольте заметить, однако, что ее нападки на вас основаны на эмоциях, а не на фактах, поэтому письмо не может служить обвинительным документом против вашего величества, – и не будет использовано в этом качестве ни императорским, ни папским двором. Они бы выставили себя на всеобщее посмешище, если бы стали ссылаться на вздорные женские измышления в борьбе против вас.

– Но Екатерина требует, чтобы я был свергнут! Она хочет лишить меня короны! – закричал Генрих.

– Конечно. Женщины необыкновенно мстительны, и в своей мести безжалостны. Тем не менее, призывы королевы остаются пустым сотрясением воздуха, поскольку право принимать решения принадлежит не ей, а императору и святейшему папе. Полагаю, что они захотят лишить вас короны и без подсказки королевы. Но мы, ваши преданные слуги, сумеем защитить ваше величество от их козней, – Хэнкс встал на одно колено перед королем.

– Подсказка! Это не подсказка – это заговор! Екатерина могла бы взойти на эшафот, если бы вы задержали ее посланника и перехватили письмо, – жестко сказал Генрих.

– Да, у вас были бы неоспоримые доказательства ее вины, на основании которых ваш суд, несомненно, приговорил бы королеву к смерти, – согласился Хэнкс, глядя на короля снизу вверх. – Однако, ваше величество, развестись с королевой – это одно, а казнить королеву – это совсем другое. Казнь ее величества настроила бы против вас весь цивилизованный мир, и война с императором стала бы неизбежной.

– Но письмо могло бы стать если не основанием для смертного приговора, то формальным поводом для развода, – об этом вы не подумали, мастер Хэнкс? – проворчал король.

– Зачем выносить на люди всю ту грязь, которую ее

величество вылила на вас? Я уже имел честь доложить вам, что нельзя серьезно относиться ко всякому вздору. Есть более серьезные основания для развода; о них говорилось на Совете, и в ближайшее время они будут вынесены на рассмотрение парламента. Таким образом, не ваша прихоть и не капризы королевы, но воля народа, которым вы, ваше величество, управляете, станет причиной расторжения вашего брака. Глас народа – глас Божий, и король не может не прислушаться к нему, – торжественно сказал Хэнкс.

Генрих скрестил руки на груди и насупился. Хэнкс терпеливо ждал королевского волеизъявления.

– Ладно, мастер Хэнкс. Считайте, что на этот раз вы спаслись от топора палача. Но горе вам, если вы когда-нибудь мне измените! – произнес Генрих с угрозой.

– Моя жизнь всецело принадлежит вашему величеству, – склонился Хэнкс почти до земли.

– Конечно, а как же иначе? – буркнул король. – Поднимитесь, мастер Хэнкс, вы прощены.

Хэнкс встал и снова поклонился королю. После этого мажордом, наблюдавший эту сцену издали, решился подойти к Генриху и доложить ему:

– Ваше величество, лорд-канцлер сэр Томас и королевский советник сэр Джеймс почтительно просят аудиенции.

– Позвольте мне удалиться, ваше величество? – спросил Хэнкс.

– Да, но эти джентльмены? Что мне сказать им?

– Если вам угодно, государь, обнадежьте обоих. Ее величество не поплатится за свое неосторожное послание, – скажите вы сэру Томасу; развод с ее величеством отныне неизбежен, – сообщите вы сэру Джеймсу. И то, и другое – сущая правда.

– Я разведусь с королевой, однако не причиню ей вреда… Да, вы правы, мастер Хэнкс. Но, Господь Вседержитель, с каким наслаждением я бы посмотрел, как моей дорогой Екатерине отрубили бы голову на плахе!..

* * *

Этот день едва перевалил на вторую половину, а в Лондоне уже стали распространяться слухи о заговоре королевы. Никто ничего точно не знал, но все почему-то одинаково утверждали, что королева замыслила произвести государственный переворот по плану императора, но заговор был вовремя раскрыт (одни говорили – сэром Томасом, другие – сэром Джеймсом), после чего

король приказал поместить королеву под домашний арест до суда. Про Анну Болейн рассказывали разное: некоторые упоминали о ее хитрости и коварстве, и жалели короля, страдающего от происков этой хищницы; но были и такие, кто считал Анну подставной фигурой в сложной политической игре.

Прямым следствием всех этих слухов стал неожиданный интерес высшего общества к леди Анне. После обеда к ее дому подъезжала карета за каретой, и визитеры занимали очередь, чтобы засвидетельствовать свое почтение и уважение. Отец и мать Анны вначале не могли понять, отчего это гости едут и едут к ним в дом? Когда они получили соответствующее разъяснение, то были настолько обрадованы, что отец Анны, несмотря на возраст и болезни, вскочил со своего одра и сделал какой-то немыслимый пируэт, а мать немедленно решила заказать у портного новое платье.

Леди Анна была, однако, невесела вопреки обстоятельствам. На лице девушки отражались явное смущение и неудовольствие, из-за чего посетители за глаза называли ее притворщицей, ханжой и гордячкой.

Ближе к вечеру поток визитеров иссяк; наконец, усталый дворецкий объявил о приезде последнего на сегодня посетителя – сэра Джорджа. Так как сэр Джордж приходился кузеном Анне, то ее родители не особенно с ним церемонились: для приличия поговорив минут пять о погоде, они отправились отдыхать, оставив молодых людей под присмотром старой няни.

В гостиной установилась неловкая тишина. Леди Анна сидела у стола, рассматривая нидерландские гравюры с аллегорическими сценами, сэр Джордж упорно разглядывал свои замшевые перчатки. Няня скоро уснула в кресле, в комнате послышалось ее размеренное посапывание. Сэр Джордж положил перчатки на колено, прокашлялся и спросил тусклым голосом:

– Значит, вас можно поздравить? Не каждой девушке удается занять такое высокое положение.

– Так низко упасть, хотели вы сказать? – живо возразила Анна.

– Упасть? Поднявшись на высоту королевского трона?

– О, нет, опустившись во мнении людей!

– Во мнении людей? Сотни девушек завидуют вам; отцы и матери мечтают, чтобы их дочери оказались на вашем месте!

– Мне грустно это слышать.

– Как не завидовать супруге короля и королеве!

– Но я ни то и не другое. Король женат, трон с ним разделяет королева Екатерина. Опомнитесь, милорд!

При этих словах сэр Джордж вскочил, поклонился, пошел

было к дверям, потом остановился, вернулся к леди Анна и бросился перед ней на колени.

– Простите меня, простите меня, о, простите меня, милая Анна! Я сам не знаю, что несу! Когда мне рассказали о желании короля жениться на вас, кровь вскипела в моих жилах, волосы встали дыбом, сердце остановилось от боли! О, если бы я мог стать ветром и унести вас далеко-далеко отсюда, в волшебные края, где люди живут счастливо и беззаботно! О, если бы я обладал чудесной силой, чтобы предотвратить ту участь, которая вас ожидает!

Анна поморщилась:

– Остановите поток высокопарных речей, Джордж, и отвечайте попросту: вы действительно меня любите?

– Больше жизни! – ответил он, покрывая ее руку поцелуями.

– Тише! Вы разбудите няню. Если вы меня действительно любите, то докажите это действием.

– Как? Не понимаю… О чем вы говорите, любимая?

– Давайте обвенчаемся. Как можно скорее!

– Обвенчаемся? Разве это возможно? Но ваши родители, но мои родители? А король? Боже мой, а как же король? – сэр Джордж встал и растерянно посмотрел на Анну.

– Какое вам дело до них до всех, включая короля, если вы меня любите? Мы обвенчаемся, и никто не посмеет разлучить нас.

– А король?

– Король может развестись со своей женой, но даже он не сможет заставить чужую жену развестись с ее мужем.

Сэр Джордж побледнел, отвел глаза, вынул кружевной платочек и вытер губы.

– Вас что-то смущает, Джордж? – спросила Анна, пытаясь поймать его взгляд.

– Анна, вы плохо знаете короля, – ответил он, мельком взглянув на нее и снова отведя глаза. – Король не выносит ни малейшего сопротивления своим желаниям. Он способен на всё. Понимаете – на всё!

– В таком случае, наше счастье будет коротким; может быть, мы погибнем, но мы все-таки будем вместе! – твердо сказала Анна.

– Нет, нет, нет, моя несчастная Анна, вы не представляете себе последствий этого поступка! Король расценит нашу женитьбу как прямой вызов ему, как неслыханное оскорбление! – сэр Джордж в ужасе воздел руки вверх.

– Значит, вы отказываетесь от меня, Джордж? – голос Анны напрягся и зазвенел.

– Отказаться от вас? Разве это возможно? Разве можно

отказаться от воздуха, от воды, от света? Отказаться от вас – значит, отказаться от жизни, дорогая Анна! – вскричал сэр Джордж.

– Тише, пожалуйста, тише! Я вас не понимаю. Что же вы предлагаете?

– Увы, увы мне, горькому страдальцу! Я должен буду наблюдать, как злая судьба безжалостно отнимает у меня мою любимую! Зачем я только полюбил вас, и зачем дожил до этого дня! – сэр Джордж начал рвать на себе волосы.

– Перестаньте, Джордж, вы сейчас больше похожи на неумелого актера из балагана, чем на доброго мужественного человека, каким я вас знала. Скажите прямо: вы отказываетесь обвенчаться со мной?

– Обвенчаться с вами? Это моя самая заветная мечта!

– Так вы согласны?

– Если бы я мог! О, если бы я мог!

– Так вы не согласны?

– Потерять свое счастье?

– Ответьте: да или нет?

– Вы слишком жестоки, Анна! Если бы вы могли почувствовать то, что чувствую я! Меня словно четвертовали, разорвали на части; мои страдания невыносимы! «Меж сердцем и рассудком нет согласия; душа болит, потоки слез из глаз струятся!».

– Вы можете сказать определенно?

– Хочу сказать я – «да», но не могу!

– Не можете?

– Но как бы я хотел сказать вам «да» и повести вас к венцу, и ангелы нам пели бы супружеские гимны, и Дева Пресвятая осенила бы наш брак своею благодатью, и скрепил бы его Господь невидимой, но прочною печатью, и…

– Хватит! Я вас поняла. Вы хотели бы, но вы не можете. Наше венчание не состоится. Ладно, я выйду замуж за короля! – с отчаянной решимостью проговорила Анна. – Прошу меня извинить, но я должна оставить вас. Уже наступила ночь, давно пора спать. Да и что подумает его величество, если ему доложат о вашем позднем визите ко мне.

– О, не будьте так суровы со мной, Анна! Я умру от горя, если вы отнимете у меня всякую надежду на ваше расположение! – сэр Джордж схватил ее руку.

Анна громко позвала няню:

– Проснитесь! Сэр Джордж нас покидает.

Няня встрепенулась, поправляя чепчик и добродушно улыбаясь после хорошего сна.

– Благодарю вас за визит, милорд, – холодно произнесла леди Анна и позвонила в колокольчик, вызывая дворецкого.

– Я был счастлив засвидетельствовать вам свое почтение, дорогая леди, – уныло ответил он.

– Дворецкий проводит вас до выхода. Спокойной вам ночи и спокойных дней, сэр Джордж, – Анна сделала реверанс и в сопровождении няни удалилась из гостиной.

Сэр Джордж с тоской проводил ее взглядом, глубоко вздохнул, одел перед зеркалом шляпу и перчатки, поправил перевязь шпаги, – и вслед за сонным дворецким пошел к выходу из дома.

* * *

Внеочередное собрание парламента вызвало повышенный интерес публики; галерея, предназначенная для гостей, быстро заполнилась народом. Парламент должен был принять обращение к святейшему папе с просьбой разрешить развод его величества короля с ее величеством королевой. Всем было интересно, что скажут достопочтенные члены парламента по поводу королевского развода, поэтому за места на гостевой галерее платили большие деньги, и нашлись оборотистые джентльмены, неплохо заработавшие на этом.

Погода в день заседания выдалась гнуснейшая: еще накануне было ясно, тепло и солнечно, но ночью поднялся холодный ветер, небо затянулось тяжелыми тучами, полил ледяной дождь, а утром посыпались густые хлопья мокрого снега. Городские улицы немедленно покрылись слякотной грязью, а местами стали вовсе непроходимыми, но даже это не остановило любопытствующих: кто верхом, кто в карете, кто в портшезе, кто на своих двоих, – они добирались сквозь снег и грязь до унылого безликого здания парламента, чтобы присутствовать на историческом собрании.

Старый сэр Френсис, сотрапезник короля, тоже явился сюда со своим племянником Джоном.

– Нипочем бы не поехал в такую мерзкую погоду в такое мерзкое место, если бы не ваша добрая матушка, моя любимая сестра, – ворчал он, усаживаясь в кресло в одной из гостевых лож.

– Но согласитесь, дядя Френсис, сегодняшнее заседание имеет судьбоносное значение для Англии. Обидно было бы не приехать и не посмотреть на всё своими глазами, – возразил Джон.

– Наивный молодой человек! Вы думаете, что судьбоносные решения принимаются на виду у публики, что процесс их

обсуждения выносится на всеобщее обозрение? Нет, важные решения принимаются без лишних ушей и без лишних глаз, и мы никогда не узнаем, как и почему они принимаются, – глубокомысленно изрек сэр Френсис.

– Я понимаю, дядя, но мне интересно послушать, что будут говорить уважаемые джентльмены из парламента, – сказал Джон.

– Вот в этом я с вами соглашусь, сэр племянник! Здесь, в парламенте, много интересного. Какие грандиозные сделки здесь совершаются, какие деньги делают тут! А какая игра здесь ведется, и с каким мастерством ее ведут здешние джентльмены! – восторженно произнес сэр Френсис, жмурясь от удовольствия. – Что там ваш театр с его жалкими лицедеями! Настоящей подлинной игрой вы можете насладиться только тут: какие таланты блистают в этих стенах! Видели бы вы, как господа из парламента умеют изображать сострадание, жалость, праведность, благородный гнев, искреннюю заботу, неустанный труд. Какой энергией полны их речи, каким огнем пышут их очи, как дрожат их голоса! А какие жесты, какая походка, какая осанка, – да, редко найдешь актера, подобного этим джентльменам. Впрочем, есть тут, конечно, и люди, не имеющие особых дарований; больше того скажу вам, дорогой Джон, таких здесь большинство, но какой же спектакль обходится без статистов? Пусть они не умеют связать двух слов, пусть они необразованны, неграмотны, грубы, глупы и грязны, – это не важно. Их задача – обеспечить игру ведущих актеров и поддержать сценическое действие. Без них не было бы театра.

– Хорошо, ну, а что вы скажете о верхней палате парламента, дядя? – спросил Джон, смеясь.

– Верхняя палата? Ее назначение – служить примером для нижней палаты. «Вот чего можно достичь, если верно служить королю», – как бы говорит верхняя палата нижней. Должности, звания, богатство, власть, – все дано джентльменам из верхней палаты. С высоты своего положения они лениво и снисходительно наблюдают за суетой джентльменов из нижней палаты, как сытый кот наблюдает со своей лежанки за возней мышей на полу.

– Я вижу, вы прекрасно разбираетесь в механизме власти, – саркастически заметил Джон, – отчего бы вам, дядя, самому не попробовать себя в политической деятельности?

– В молодости я был слишком ленив, а теперь стал слишком стар, чтобы заняться этим. Да и зачем? Моя жизнь прекрасна: я завтракаю в компании короля, имею место при дворе, у меня есть, пусть и небольшой, но стабильный доход, – чего еще желать в моем возрасте? Но лет тридцать назад мне предлагали выдвинуть мою кандидатуру в нижнюю палату парламента с гарантией того,

что я обязательно буду избран. Да, я вращался в парламентских кругах, да и поныне имею здесь приятелей, – откуда, вы думаете, у меня появилась гостевая ложа? Мои друзья так почитают короля, что ловят каждое его слово, а поскольку я завтракаю с его величеством, то и рассказываю им о настроении государя, и о некоторых его изречениях. Эти люди умеют быть благодарными, поверьте, молодой человек! – сэр Френсис потрепал племянника по плечу.

– Вы лично знаете парламентариев? – удивился тот.

– Конечно. Со многими я знаком, о других наслышан. Могу утверждать, что они относятся к особенному, можно сказать, избранному роду человечества. Я знаю среди них, по меньшей мере, десяток убийц, около пятидесяти бандитов, почти сотню крупных воров и шесть растлителей малолетних, – не считая мелких жуликов, аферистов, шулеров и содомитов. Исключительные качества натуры этих джентльменов позволили им достичь успеха на поприще политики. Не кривитесь, сэр племянник, вы молоды и не понимаете очевидной истины – для того чтобы добиться чего-нибудь в нашем мире, надо отбросить некоторые обременительные условности.

Джон дернул головой, но ничего не ответил.

В зале становилось душно; галерея для гостей была заполнена народом так плотно, что люди стояли на ней, прижавшись друг к другу. Палата заседаний, занимавшая весь нижний ярус зала, была освещена множеством нещадно коптивших масляных ламп, отчего над верхней галерей висел густой едкий туман, усиливающий духоту здесь. Расположившиеся в отдельных ложах счастливцы, обмахиваясь платками и шляпами, недовольно оглядывались на простую публику и морщились от гула и гомона толпы.

Парламентарии уже собрались. Представители верхней палаты, явившиеся на совместное заседание с нижней, чинно сидели на первых скамьях, не обращая никакого внимания на публику, лишь изредка на лицах почтенных сенаторов проскальзывало выражение некоторой брезгливости. Кресло короля пустовало; по слухам, его величество не собирался сегодня приезжать в парламент, дабы не оказывать своим присутствием давление на парламентариев при принятии ими важного решения.

Ожидание становилось утомительным; пора было открывать собрание, но почему-то задерживался председатель парламента.

– Что-то случилось, наверное, что-то случилось, – говорил Джон, ерзая на своем кресле, – странно, что председателя все еще нет.

– Как это – нет? – сказал сэр Френсис, снисходительно улыбаясь. – Он давно приехал.

– Приехал? Но где же он?

– Пьет грог у себя в комнате. В такую сырую и холодную погоду одно удовольствие выпить стаканчик горячего грога, – мечтательно вздохнул сэр Френсис.

– Но, милорд, он же председатель парламента! Его ждут, сегодня должно быть принято важнейшее решение. Нет, это невозможно; что вы говорите, дядюшка! – возмутился Джон.

– Почему бы человеку не выпить грог, если ему хочется выпить и у него есть такая возможность? – проникновенно спросил сэр Френсис. – Председатель вообще любит выпить, а выпивая сейчас, он, во-первых, получает удовольствие, – что является самым главным в жизни; во-вторых, подкрепляет свои душевные и физические силы, готовясь к речи, которую он должен произнести; в-третьих, показывает собственную значимость, ибо без него не может состояться обсуждение первостепенной государственной проблемы; в-четвертых, создает необходимый в сегодняшнем заседании драматический настрой. Только подумайте, сколько пользы заключает в себе всего один стакан грога.

– Невозможно, нет, невозможно! Уверен, что вы ошибаетесь, дядя, – сказал Джон.

– А вам хотелось бы, конечно, чтобы тут была некая тайна и высший смысл? Молодой человек, поверьте мне, жизнь – необыкновенно простая штука. Все ее загадочные явления имеют наипростейшие объяснения, поэтому, чтобы не умереть от скуки, мы придумываем себе тайны.

– Нет, я не согласен с вами, сэр! Мне кажется, вы упрощенно смотрите на мир, – возразил Джон.

– Не соглашайтесь, дорогой племянник, не соглашайтесь! Пока вы сохраняете веру в чудеса, вам веселее жить… Но глядите, вот он, председатель! Какая красная у него физиономия, – видимо, от ветра и от холода на улице. Что же, вы дождались исторического события, сэр Джон, – заседание начинается.

Секретарь парламента ударил в гонг, и зал затих, приготовившись выслушать речь председателя. Гостей на верхнем ярусе, однако, постигла большая неприятность: слова председателя отчего-то разносились только по нижнему ярусу, почти не достигая галереи. Публика заволновалась; люди сначала напряженно вслушивались, а потом стали переглядываться и шептаться:

– Черт возьми, ничего не слышно! Что он сказал?… Не понимаю, что он говорит?… Откуда я знаю, что он говорит?

Ничего не слышно!

Джон, пытаясь разобрать речь председателя, наполовину свесился из ложи.

– Сэр Джон, если вы хотите, чтобы ваше имя попало в историю, то вы выбрали исключительно правильный момент, – флегматично произнес сэр Френсис. – Если вы теперь свалитесь вниз и разобьетесь, то в протоколах парламента это непременно будет отмечено. Таким образом, о вас долго будут вспоминать: «А, это тот молодой человек, который разбился во время исторического заседания парламента!» Или «это историческое заседание парламента примечательно еще и тем, что во время него разбился тот самый молодой человек!» Пожалуйста, если хотите получить посмертную славу, можете высунуться из ложи еще немного, – и готово! Мне, правда, придется вытерпеть слезы и упреки вашей матери, но не думайте об этом, – я справлюсь.

– Но не слышно же ничего, дядя! – отчаянно воскликнул Джон.

– Экая беда! Но я вас утешу: я могу пересказать вам всё, о чем говорит наш уважаемый председатель, а также о чем станут говорить наши честнейшие и мудрейшие парламентарии.

Джон взглянул на сэра Френсиса, пытаясь определить, шутит тот, или говорит серьезно:

– Вам известно содержание их речей?

– Я знаю, что они должны сказать, знаю их характеры, поэтому знаю и то, как они это скажут.

– Ну, – разочарованно протянул Джон, – ваш рассказ будет весьма приблизительным.

– Зато я поведаю вам о некоторых мотивах выступлений наших ораторов, о коих сами эти джентльмены никогда вам не расскажут. Вы ведь любите скрытые мотивы, сэр племянник… Впрочем, я не настаиваю; от духоты меня клонит ко сну, и я с удовольствием вздремну до конца заседания, если вы не имеете желания меня слушать, – сэр Френсис удобнее устроился на кресле и закрыл глаза.

– Извините, дядя, я не хотел вас обидеть. Дядя! Не засыпайте, прошу вас! Скажите, о чем говорит председатель?

Сэр Френсис лениво потянулся, распрямился и посмотрел вниз.

– В данную минуту он благодарит его величество за высокую честь, предоставленную парламенту в решении важного государственного вопроса, – сообщил сэр Френсис. – О, даже слезы потекли по щекам нашего уважаемого председателя, – мастер, настоящий мастер! За это его и ценит наш государь и прощает ему небольшие вольности в отношении каких-то там

общинных земель… Но глядите, – парламентарии в восторге от королевской милости. Многие вскакивают со своих скамей и что-то выкрикивают. Понятное дело, – они требуют составить особый благодарственный вердикт в адрес его величества. Председатель полностью разделяет их чувства… А теперь, обратите внимание, как изменилось выражение его лица: печаль и скорбь сменили благодарственную гримасу; почтительность, однако, сохранилась. Предстоит рассказ о разладе в королевской семье из-за неспособности ее величества родить наследника мужского пола. Уверен, что голос председателя дрожит, когда он говорит об этом. Ни слова осуждения в адрес королевы, – упаси боже, лишь сожаление о том, что Господь не дал ей сына. Члены парламента внимают председателю с тоской, головы их опущены, и тяжелые вздохи услышали бы мы, если бы были там, внизу.

Сэр Френсис, сделав паузу, покосился на публику на галерее: люди в ложах и на стоячих местах, наблюдая за почти беззвучной для них сценой заседания, были заняты собственными разговорами по поводу происходящего. Тем не менее, сэр Френсис пододвинулся ближе к племяннику и понизил голос:

– Убежден, что среди наших парламентариев нет ни одного человека, который не желал бы избавиться от ее величества. Королева не умеет расположить к себе людей, к тому же, всем прекрасно известно об отношении к ней государя. Развод будет утвержден единогласно, но надо соблюсти правила игры. Вот председатель заканчивает свою речь, – и вот она, ключевая фраза: «Тяжелая государственная необходимость вынуждает короля смиренно просить святейший престол о расторжении брака с ее величеством». Могу ручаться, что я передал вам слова председателя близко к тексту, а сказано это им, хоть и с горечью, но и с сознанием своей правоты. Молодец, какой он молодец! Исполнил роль без сучка, без задоринки, – мастер, мастер, мастер!.. Боюсь, что дальнейшее будет неинтересно. Парламентарии на разные лады станут повторять пассажи речи председателя, ни на шаг не отступая от заданного им тона. Труднее всего придется сенаторам, – представляю, каких усилий им будет стоить борьба со сном.

Сэр Френсис откинулся на спинку кресла и перевел дух.

– Можно было бы спокойно ехать домой, да народу здесь чересчур много. Наш уход будет замечен, – прибавил он с сожалением.

– Уехать? Когда судьбоносное решение еще не принято? Да вы что, милорд, издеваетесь надо мной? – возмутился Джон.

– А вы разве сомневаетесь, что решение будет принято? Неужели я вас не убедил? – сэр Френсис удивленно поднял

брови. – В следующий раз, когда будет меньше народа, я отведу вас в кулуары парламента, и вы увидите, как парламентарии общаются между собой и как они договариваются со своими клиентами, – то есть я хотел сказать, с людьми, с которыми они связаны. Там решаются все вопросы, там идет настоящий торг, там совершаются сделки! А здесь лишь зрелище, предназначенное для публики; все решения уже приняты, можете не сомневаться.

– Да, но как же? Если мы приехали, то… как же? – пролепетал Джон.

– Успокойтесь, сэр племянник! Мы дождемся конца заседания. Я совершу сей подвиг для вас. Но мои предположения уже начинают сбываться. Смотрите, слово берет достопочтенный сэр Арчибальд. Это ставленник небезызвестного сэра Джеймса, члена Королевского Совета. Сэр Арчибальд превзошел египетских жрецов и этрусских царей в искусстве магии: деньги делает просто из воздуха – еще три года назад он был беден, а ныне владеет огромным состоянием. Если у вас в кармане завалялась монета-другая, держите их крепче, а не то в один миг они окажутся в руках сэра Арчибальда! Не улыбайтесь, молодой человек, – ваше счастье, что вы не испытали на себе силу его магии. Этого джентльмена не привлекли к ответственности за колдовство лишь потому, что он охотно ссужает короля, когда его величество ощущает нехватку наличных средств. Сэр Арчибальд имеет все шансы стать сенатором, если его не казнят до тех пор… Если позволите, дорогой племянник, я не буду пересказывать вам речь этого славного человека, так как в ней не прозвучит решительно ничего нового по сравнению с речью председателя… Итак, сэр Арчибальд высказался, и сэр Джеймс может быть им доволен. Ну-с, кто следующий?… Что?! Невероятно! Сэр Гуго, мой старый друг сэр Гуго берет слово! Невероятно.

– Почему невероятно, дядя? Кто такой сэр Гуго? – улыбнулся Джон.

– Как, вы не знаете сэра Гуго? Да он нянчил вас, когда вы были еще ребенком! Неужели вы не помните его? Мой старый друг сэр Гуго, вы должны его помнить.

Джон пожал плечами.

– Эх, молодежь! Не знать одного из самых выдающихся людей нашего королевства, – укоризненно сказал сэр Френсис.

– Чем он знаменит?

– Как же! Старейший член парламента, несколько раз менявший своих политических союзников, переживший всех своих покровителей, умнейший человек – сэр Гуго! Если бы он был адмиралом, его прозвали бы «Непотопляемый». А какая твердость характера, – за всю жизнь ни разу не изменил своим

принципам, то есть всегда был верен себе и никогда не предавал собственные интересы… Но он не любит выступать, предпочитает оставаться в тени, зачем же он сегодня взял слово?… Вот теперь я могу лишь пожалеть вместе с вами, сэр племянник, о том, что ничего не слышно. Впрочем, я так хорошо его знаю, что постараюсь понять, о чем он станет говорить. Помолчите, Джон, ради бога, помолчите несколько минут, – я буду всматриваться и вслушиваться.

Сэр Френсис перегнулся через барьер ложи и застыл в напряженном внимании.

– Ба, вот оно что! Ай да сэр Гуго! – воскликнул он, принимая прежнее положение в кресле. – Вот она – старая школа политики! Нынче уж нет таких людей, – нет, сэр, даже не ищите!

Сэр Френсис вздохнул.

– Но расскажите же мне, дядя, о чем говорил сэр Гуго? Ну, дядя, ну, мне же интересно! – взмолился Джон.

– Охотно расскажу. Учитесь, молодой человек, как надо вести политику, – назидательно произнес сэр Френсис. – Мой старый друг Гуго, полностью согласившись с тем, что говорили председатель и сэр Арчибальд, попросил парламент не забыть о дочери королевы и его величества – о принцессе Марии. Сэр Гуго напомнил уважаемым парламентариям, что она является наследницей престола до тех пор, пока у короля не родится сын, поэтому необходимо, чтобы принцесса Мария не покидала Англию и получила содержание, подобающее ее званию.

– Принцесса Мария? Но причем здесь принцесса Мария? – не понял Джон. – И в чем вы видите особую мудрость вашего друга, упомянувшего о ней?

– Эх, молодо-зелено! – вздохнул сэр Френсис. – Вы не умеете широко мыслить и далеко смотреть… Упомянув о принцессе Марии, сэр Гуго одним выстрелом убил четырех зайцев. Считайте, сэр: первое – король ненавидит королеву, но привязан к дочери. «Королева уедет, но Мария останется с отцом», – фактически сказал сэр Гуго и заслужил тем самым милость короля. Второе – император Карл, могущественный государь, будет рад узнать, что его кузина Мария объявлена наследницей престола, не так ли? Понимаете, о чем я вам толкую?… Третье – принцесса Мария станет получать приличную сумму из казны. Для этого нужно будет ввести дополнительные налоги, а кто ведает сбором налогов, я вас спрашиваю? Сэр Джеймс – вот кто! Я думаю, вам не надо объяснять, каким влиянием он пользуется при королевском дворе? И разве сэр Джеймс не будет благодарен сэру Гуго за то, что влияние это еще больше увеличится, да и сбор дополнительных налогов, откровенно говоря, – прибыльное

дельце… Четвертое – предположим, только предположим, что у его величества так никогда и не родится наследник мужского пола или он умрет раньше срока. Тогда нашей королевой станет Мария. Вряд ли она забудет тех, кто преследовал ее мать, но сэр Гуго уж точно не пострадает от *королевы* Марии, – ведь именно он, единственный, позаботился о *принцессе* Марии сегодня.

– Бог с вами, дядюшка! – замахал руками Джон. – Ваше последнее предположение нереально.

– Все может быть в этом мире. В том-то и состоит преимущество старых политиков над нынешними, что они просчитывают все варианты и в любом случае остаются на поверхности, – сказал сэр Френсис. – Что за умница мой друг Гуго! Учитесь, молодой человек, учитесь у таких, как он.

– Я боюсь, дядя, что ваш приятель заглядывает слишком далеко, – засмеялся Джон. – Даже если когда-нибудь нами станет править Мария, доживет ли сэр Гуго до этого?

– Кто знает день своей кончины? Время бывает благосклонно к старикам и беспощадно к юношам. Мудрый человек не загадывает вперед, он готовит свое будущее… Затем, позвольте мне, дорогой племянник, все-таки вздремнуть; дальнейшие выступления уважаемых парламентариев уж точно неинтересны; публика ничего не потеряла, не услышав их. Разбудите меня, мой милый, когда парламент единогласно примет положительное решение о разводе короля, – и затем я свожу вас в прелестное местечко, где вкусно кормят и хорошо развлекают. Сколько можно держаться за юбку матери, пора вам становиться настоящим джентльменом, черт возьми!

* * *

В то время, когда заседал парламент, Генрих сидел в своем кабинете и пытался написать сонет, посвященный леди Анне, однако вместо звучных стихов с плавными рифмами из-под его пера выходили кривые строчки с убогим содержанием:

Ты – чудесный цветок, леди Анна!
Ароматом твоим опьяненный
Я дивлюсь на тебя целый день,
Не безумный, но просто влюбленный!
Пощади, пощади, короля,
Выйди замуж, скорей, за меня!

Генрих мучился третий час подряд, и всё напрасно. Он ходил

по кабинету, ломал перья, кинул табурет в слугу, попавшегося под руку, расстегнул камзол, выпустил живот, выпил стакан красного вина, съел цыпленка, попробовал спеть под лютню, – ничто не помогало!

Настроение короля испортилось вконец, и чтобы хоть как-то приободриться, он допил начатую бутылку вина, а потом потребовал еще одну. Хорошие стихи так и не родились в голове Генрих, зато пришла здравая мысль о том, что королю вовсе не обязательно заниматься стихосложением, потому что у него есть более важные дела. Отчасти утешенный этим соображением Генрих съел второго цыпленка, а затем и молочного поросенка, – после чего настроение короля уже значительно улучшилось. В неплохом расположении духа он встретил мастера Хэнкса, пришедшего с докладом.

– Вы прибыли из парламента?

– Да, ваше величество.

– Господь милосердный! В такую противную погоду ездить в такое противное место!

– По долгу службы, ваше величество.

– Ваша служба тяжела, мастер Хэнкс!

– Да, ваше величество.

– Но не тяжелее королевской, – вздохнул Генрих и отпил добрый глоток вина.

– Конечно, ваше величество.

– Благодарю вас за сочувствие, мастер Хэнкс! Ладно, докладывайте, что парламент? Принял решение?

– Единогласно, ваше величество.

– Отличная работа, мастер Хэнкс.

– Благодарю вас, государь.

– Было ли что-нибудь примечательное?

– Да, ваше величество. Выступление сэра Гуго.

– Кого, кого? – переспросил Генрих, от удивления пролив вино из стакана.

– Сэра Гуго, ваше величество.

– Неужели того самого сэра Гуго, который заседал в парламенте еще при моем батюшке?

– Того самого, государь.

– Я думал, он давно умер.

– Нет, ваше величество. Он по-прежнему заседает в парламенте.

– Какой живучий старик! И в чем смысл его выступления?

– Он предложил выделить из казны дополнительные деньги на содержание принцессы Марии, поскольку по закону она является вашей наследницей, пока у вас не родится сын. По этому

же закону наследница престола не может покинуть пределы королевства, о чем также напомнил сэр Гуго, – Хэнкс многозначительно посмотрел на короля.

– Так, так! Понимаю, – Генрих залпом допил вино и весело сказал: – А голова у старика варит, недаром его ценил мой отец. Подумать только, как много лет работает на пользу государства этот сэр Гуго! Надо будет наградить почтенного старца соответственно его выдающимся заслугам, – сегодня же отдам распоряжение.

– Ваша милость безгранична, государь, – сказал Хэнкс.

Король развалился на кресле и положил руки на живот.

– Имея решение парламента, я могу направить теперь посольство к святейшему папе с официальной просьбой о разводе, не так ли, мастер Хэнкс?

– Безусловно, ваше величество.

– Остается выбрать кандидатуру руководителя посольства. Как вы считаете, кого следует назначить? – король задумчиво почесал бороду.

– Сэра Хью, ваше величество, – сразу же ответил Хэнкс, как будто ждал этого вопроса.

– Что вы сказали? Чье имя вы назвали? – Генрих подумал, что Хэнкс оговорился.

– Сэра Хью, государь, – подтвердил Хэнкс, выдержав взгляд короля.

– Вы с ума сошли! Да он же круглый дурак! Вспомните, в прошлом году он вел переговоры о таможенных пошлинах с нашими союзниками, – и дело едва не закончилось войной. Вы с ума сошли, мастер Хэнкс! Как можно назначить послом сэра Хью! – Генрих от возмущения выпил еще стакан вина.

Хэнкс подождал, пока король утолит жажду, а после сказал:

– Позвольте пояснить, ваше величество? По моему скромному мнению, сэр Хью идеально подходит для этой миссии. Он исполнителен, пунктуален, честен и принадлежит к знатной семье. Разумеется, сэр Хью не лишен некоторых недостатков: в частности, он не может разобраться в ряде вопросов – именно поэтому на дипломатических встречах сэр Хью, опасаясь совершить какую-нибудь ошибку, много раз возвращается к одним и тем же проблемам, подолгу советуется со своими помощниками, сверяется с документами и по каждому поводу запрашивает инструкции вашего величества, терпеливо ожидая возвращения курьеров. Всё это, конечно, несколько раздражает его партнеров по переговорам, но в данном случае как раз такой человек и должен быть послом. Итоги его дипломатической миссии известны заранее: святейший папа не разрешит вам

развестись с королевой. Но сэр Хью, стараясь оправдаться в ваших глазах за срыв договоренности по таможенным тарифам, станет вести переговоры с папскими представителями с особенной тщательностью и скрупулезностью. Все формальности будут соблюдены сэром Хью неукоснительно, и когда папская сторона прервет переговоры, – а я уверен, что так оно и случится, – то никто не сможет обвинить нас в том, что это произошло по нашей вине. Искренние усилия сэра Хью договориться с папской властью защитят нас от подобных обвинений. Вы, ваше величество, заявите папе, что хотели добиться развода по всем правилам, ваш посол сделал всё что мог, поэтому вы снимаете с себя ответственность за последствия срыва переговоров.

– Я вас явно недооценил, мастер Хэнкс, – покачал головой Генрих. – Знаете, вы достойны стать членом моего Совета.

– Благодарю вас, ваше величество, но мое происхождение не позволяет мне занять такой высокий пост. С вашего позволения, я останусь при своей должности, – скромно сказал Хэнкс.

– Она всегда будет вашей! Всегда, пока вы верно служите королю, – высокопарно произнес Генрих. – Итак, пусть завтра же начнут снаряжать посольство, и пусть позовут ко мне сэра Хью!

Часть 3. Развод

Зима в этом году не наступила: на Введение установились было холода, и снег плотно покрыл землю, но на Рождество потеплело и пошли дожди, а на Крещение уже по-весеннему грело солнце и пахло талой водой. Через два месяца пришла настоящая весна, – начали распускаться ранние цветы и прилетели первые птицы. Воздух был легок и прозрачен, небо кокетливо украсилось тонкими белоснежными облаками, – одним словом, дух легкомыслия витал повсюду.

Дворцовая жизнь в эту зиму могла быть очень занятной и веселой, по крайней мере, до Великого Поста, но была она безрадостной и однообразной. Из-за неопределенности положения в королевской семье праздники не проводились, а обязательные дворцовые церемонии были скучны и унылы. Придворные с нетерпением ожидали возвращения королевского посольства, направленного к папе, полагая, что, получив развод с королевой, его величество не замедлит жениться на леди Анне Болейн, и тогда свадебные торжества вознаградят королевский двор за печаль зимних месяцев.

В ожидании ответа папы необходимо было соблюдать все положенные внешние приличия, поэтому король редко встречался с Анной, но каждая их встреча вызывала оживленные толки при дворе. Знающие люди утверждали, что юная леди стала относиться к его величеству с большим вниманием, чем прежде, а король просто без ума от нее. Целыми днями из покоев Генрих доносились звуки игры на лютне, а временами – голос его величества, выкрикивающего какие-то стихи.

Генрих, действительно, был безумно влюблен в Анну. Впервые он понял, что такое любовь, и она охватила его целиком, лишив всех других интересов, покоя, сна, и даже аппетита – король заметно похудел за эту зиму.

Невозможность немедленно удовлетворить свою страсть приводила короля в неистовство. Все вызывало у него досаду; иногда он приходил в бешенство, иногда впадал в глухую тоску. Боясь окончательно потерять рассудок, Генрих часто выбегал в парк и бродил по его аллеям из конца в конец или сидел на своей любимой скамейке под вязом.

Везде Генрих мерещился облик Анны, и не было ни одного предмета в парке, который не наводил бы короля на мысли о ней. В причудливом переплетении ветвей вяза ему виделись очертания лица Анны; набухающие почки на кустах сирени были столь же молоды и упруги, как ее перси, а белые гиацинты,

распустившиеся на клумбе, своей нежной свежестью походили на ее ланиты.

За долгие годы брака с Екатериной сердце короля охладело к женщинам: он испытывал к ним симпатию, влечение, легко завоевывал их и проводил бурные ночи, полные амурных забав, но любить женщину он был не способен, как ему казалось, ибо в каждой из них он находил что-то присущее своей жене. Но Анна была совсем не похожа на нее, решительно ничего общего, и счастье, поэтому, было возможным, несомненным и бесспорным. Мечтая о счастливой жизни с Анной, король ясно представлял себе и своего сына, которого родит ему любимая жена, – король ни минуты не сомневался, что она родит ему наследника.

В таких мечтаниях Генрих проводил день за днем до тех пор, пока Хэнкс не доложил ему о полном провале переговоров с папой. Посольство еще не вернулось, и сэр Хью не прислал еще итоговый отчет, тем не менее, Хэнкс пришел с точным докладом о результатах его миссии. Король отрешенно смотрел на Хэнкса, сидя в пол-оборота на скамейке и с трудом понимая, о чем тот говорит.

– …Отказано, – слышал он голос Хэнкса, доносящийся как будто издали. – Хотя сэр Хью исполнил свою миссию по всем правилам, с должным уважением к его святейшеству… Однако представитель папы на второй неделе переговоров выбросился из чердачного окна… Следующий папский представитель скончался от удара прямо во время беседы с сэром Хью… Кардинал… был третьим, кто вел переговоры с сэром Хью… Очень твердый и жесткий человек, известный своей выдержкой… Кто бы мог подумать? Внезапно сбежал в Африку проповедовать Евангелие среди людоедов… Сэр Хью в отчаянии.

– Мы его утешим: я назначу сэра Хью в свою канцелярию, – машинально сказал король и встрепенулся. – Папа отказал мне в разводе? Окончательно?

– Полагаю, другого решения не будет, – ответил Хэнкс.

– Следовательно, я могу теперь развестись с Екатериной в любое время, даже завтра? – Генрих от радости вскочил со скамьи.

– Напомню вам, что это означает разрыв со святейшим престолом.

– Пусть, зато я женюсь на Анне!

– Папа предаст вас анафеме.

– Пусть, зато я женюсь на Анне!

– Император станет вашим злейшим врагом.

– Зато я женюсь на Анне! – закричал король так громко, что испугал гвардейцев, охранявших парк.

– Вы – славный человек, мастер Хэнкс, но вам неведома любовь, – прибавил он. – Что мне папа с его проклятьем, что мне император с его враждой, когда у меня будет Анна!

– Вы правы, ваше величество, мне этого не понять, – со всей серьезностью кивнул Хэнкс. – Но, ваше величество, кто же расторгнет ваш брак с ее величеством, и соединит вас с леди Анной? – поинтересовался он через секунду.

– Архиепископ, естественно, – беспечно сказал король, улыбаясь своим мыслям.

Хэнкс покачал головой.

– Архиепископ не пойдет против воли папы. Он скорее воспротивится вашему величеству, чем понтифику.

– Тогда он поплатится за это! – уже раздраженно воскликнул Генрих, перестав улыбаться.

– Конечно, ваше величество. Но кто, в таком случае, возглавит нашу церковь?

– Кто возглавит? Кто возглавит… Черт возьми, да я и возглавлю! – воскликнул король, просияв лицом. – Недаром я зовусь защитником веры, – пора оправдать этот мой почетный титул.

– Гениально, ваше величество! Гениальное решение, – низко склонился перед королем Хэнкс.

Генрих довольно погладил бороду и принял величавый вид.

– Да не дерзнет никто ослушаться королевского приказа! *Никто*, вы слышите меня, мастер Хэнкс?

– Я вас понял, ваше величество, – сказал Хэнкс.

* * *

Сэр Джеймс боялся верить своему везению, хотя в глубине души считал, что достоин милости судьбы. Все последние годы он шел к победе; он просто не мог не победить. И вот, пожалуйста, – одно к одному всё сложилось так, что лучшего нельзя было бы и желать! Раздоры в королевской семье, любовное увлечение короля, письмо королевы, провалившаяся миссия сэра Хью, отказ сэра Томаса признать новые порядки в государстве и церкви, – одно к одному, одно к одному!

При мысли о сэре Томасе на лице сэра Джеймса невольно расцвела злорадная улыбка. Выступить явным образом против короля, – такого поступка от сэра Томаса никто не ожидал. «Глупость без ума лучше, чем глупость от ума», – сказал по этому поводу старый сэр Френсис. Каким идиотом оказался умный сэр Томас, – и теперь ему конец!

Сэр Джеймс хохотнул от восторга, и тут же осекся, ибо неприлично смеяться высокому государственному деятелю, даже если его не видят; впрочем, чтобы всегда быть серьезным, надо иметь большую привычку. Дабы отвлечься от веселых мыслей, сэр Джеймс отодвинул занавеску и стал смотреть в окно кареты на городские улицы. Дома в этой части города принадлежали зажиточным достопочтенным гражданам, поэтому были построены крепко, надежно и без лишних затей. Зачем тратиться на украшения, к чему выставлять напоказ свое богатство? Истинная красота спрятана в глубоких подвалах в надежных сундуках, ибо что может быть красивее золота? Красота денег – высшая красота на свете, потому что ей подчиняются все другие красоты. Она не обманет, не изменит и никогда не подведет.

Сэр Джеймс очень хорошо понимал этих достопочтенных граждан, и, слегка презирая их за скупость и бесцветность, чувствовал себя здесь в своей тарелке. Сколько незримых нитей тянулось в этот квартал от полей с хлебами и от лугов с овцами, и от кораблей с товарами, и от ремесленных мастерских, и от торговых лавок! Сколько жизней зависело от хозяев этих крепких домов, сколько мужчин, женщин, детей и стариков по милости их хозяев получали кусок хлеба или умирали голодной смертью! Достопочтенные граждане – соль и богатство земли, властители судеб: их отметил Господь, их вознаградил, их возвысил; им следует вершить свои дела свои без глупых ограничений, по воле Божьей, под дланью короля.

Сэр Джеймс довольно потер руки и подумал, что напрасно не взял с собой секретаря: тот бы сейчас записал эти слова.

Карета, между тем, подъехала к дому сэра Арчибальда, в котором собрались друзья сэра Джеймса. Слуги сэра Арчибальда отличались редкой сообразительностью, поэтому выбежали встречать сэра Джеймса на улицу, что они делали лишь в случае приезда очень важного гостя. Их особая угодливость свидетельствовала о том, что сэра Джеймса ждут с нетерпением и придают его визиту исключительное значение.

Едва сэр Джеймс стал подниматься по лестнице, сэр Арчибальд устремился к нему навстречу, перешагивая через ступени.

– Добрый день, дорогой сэр Джеймс! Для меня огромное счастье принимать вас в моем доме! Как ваши дела? – говорил он, почтительно улыбаясь и стремясь поддержать гостя под локоть, чтобы тому было легче подниматься.

– Благодарю вас, любезный друг! Дела неплохи. Что наши приятели, собрались? – снисходительно отвечал ему сэр Джеймс.

– О, да, все собрались! Какая радость для меня видеть

столько уважаемых джентльменов в моей гостиной! – с восторгом отвечал сэр Арчибальд.

– У вас сегодня собралась компания не хуже той, что собирается в парламенте, не правда ли? – пошутил сэр Джеймс.

– Гораздо лучше, милорд, гораздо лучше, поверьте мне! – сэр Арчибальд для убедительности приложил руку к груди.

Сопровождаемый радушным хозяином сэр Джеймс в одну минуту добрался до большой гостиной, где томились в ожидании его друзья. При виде сэра Джеймса они так дружно бросились к нему с приветствиями, что чуть не повалили его на пол.

– Спокойнее, джентльмены, спокойнее! – отчаянно вскричал сэр Арчибальд. – Позвольте нам войти!

Сэр Джеймс продолжал снисходительно улыбаться, потирая ушибленное плечо.

– Итак, джентльмены, – сказал он, убедившись, что порядок восстановлен, – король разорвал отношения с его святейшеством и в самое ближайшее время провозгласит себя главой нашей церкви!

– Сэру Джеймсу – ура, ура, ура! – воскликнул сэр Арчибальд, и все собравшиеся грянули «ура» вместе с ним.

Сэр Джеймс поклонился им и поблагодарил:

– Спасибо, друзья, но вы несколько преувеличиваете мое участие в решении этого вопроса.

– О, нет, нисколько! Без вас, сэр, ничего бы не было! – запротестовали его приятели.

– Благодарю вас. Но вы меня не дослушали, джентльмены, а у меня есть еще новости. Вы знаете, что как только король объявит себя главой церкви, он немедленно разведется с королевой, чтобы жениться на леди Анне Болейн. Так вот, участь королевы решена, джентльмены! Сегодня утром по приказу его величества ей сказали, что она должна покинуть Англию сразу после развода – и обязательно до женитьбы короля. Принцесса Мария останется с отцом и будет воспитываться при дворе его величества в качестве наследницы престола.

– Наследница престола? Лишь выжившие из ума старики, вроде сэра Гуго, могут полагать, что она имеет хотя бы один шанс из тысячи стать нашей королевой! – усмехнулся сэр Арчибальд. – Леди Анна молода и здорова, его величество полон сил, да продлит Господь его дни, – разве это возможно, чтобы у них не родился сын?

– Будем молиться, чтобы он родился! – воскликнул сэр Джеймс. – Но до его рождения наследницей престола по закону является принцесса Мария, и ей полагается соответствующее содержание. Придется вводить новые налоги, дабы набрать

необходимые деньги, но что поделаешь?

Сэр Джеймс вздохнул и с сожалением покачал головой под завистливыми взглядами своих друзей. Хозяин дома сглотнул слюну и спросил:

– Но что скажет император о нашем разрыве с папской церковью и о высылке королевы? Не грозит ли нам война с ним?

– Нет, будьте спокойны, войны не будет. Император по уши увяз в европейских делах, – ему не до нас! – проницательно улыбнулся сэр Джеймс.

– А наши внутренние враги? Сэру Томасу не понравится такой поворот событий! – на лице сэра Арчибальда отразились тревога и злость.

– Сэр Томас? Сэр Томас, вы говорите? – переспросил сэр Джеймс как бы в задумчивости.

– Да, а что же сэр Томас? Он влиятелен и у него есть сторонники при дворе, – раздались возгласы гостей.

Сэр Джеймс взвел глаза к потолку и вздохнул. Его друзья замерли, ожидая ответа.

– Сэр Томас арестован сегодня днем, после того как он отказался возглавить подготовку к церемонии провозглашения его величества главой нашей церкви, заявив, что не может признать короля верховным пастырем верующих, – отчеканил сэр Джеймс, глядя поверх голов своих приятелей.

– Что?! Сэр Томас арестован? Святые угодники, неужели он взаправду арестован? – зашумели они, боясь поверить этой неожиданной радостной новости.

– Правдивее не бывает! – подтвердил сэр Джеймс. – В настоящее время наш блаженный сэр Томас находится в тюрьме на попечении мастера Хэнкса.

– Перст божий! Это – перст божий! – засмеялся сэр Арчибальд, всплеснув руками. – Мы не могли даже представить, что такое возможно!

– Мало того, вместе с сэром Томасом арестован архиепископ и еще несколько человек из их лагеря, – сообщил сэр Джеймс, не скрывая своего удовольствия.

– Силы небесные! Это надо отпраздновать! Слуги, эй, слуги, вина, вина побольше! – закричал сэр Арчибальд.

– Погодите, любезный хозяин, погодите! – остановил его сэр Джеймс. – Отпраздновать мы еще успеем. Сейчас нам предстоит более важное дело: нужно составить план наших действий на ближайшее время. Я полагаю, джентльмены, вы понимаете, что теперь в государстве произойдут большие перемены, и мы просто обязаны предоставить его величеству подробный план необходимых преобразований. Если вы разрешите, я зачитаю вам

соответствующий проект, который я составил. Вы позволите, друзья? Спасибо… Итак, вначале о том, что касается церкви и церковных имуществ. Довольно папство наживалось за наш счет, – уму непостижимо, сколько денег собирала с нас папская церковь, и на что тратили их святые отцы! Вы отлично знаете, как жили те, кто присвоил себе право распоряжаться нашими душами: невиданная роскошь, неслыханное расточительство, грязный разврат, – и все это на наши деньги. Вся Европа возмущена безобразиями безбожных фарисеев, лукавством присвоивших себе власть и богатство. Слепые, ничтожные поводыри, – они привели нас на край пропасти; не дадим же им столкнуть нас в нее! – сэр Джеймс перевел дух и перевернул страницу. – Напрашивается естественный вывод: те деньги, которые раньше собирались с нашего народа и уходили к папству, теперь потекут к нам… То есть я хотел сказать – в королевскую казну… И его величество вправе потребовать от нас совета, как этими деньгами распорядиться, а также помощи в их распределении. Само собой разумеется, что монастырское имущество, обогащающее ныне лишь его обладателей, бесполезных для общества, тоже должно перейти к королю, который, по милости своей, сможет продавать или даровать это имущество дельным людям… Далее у меня тут есть выписки из трудов некоего немецкого монаха, убедительного доказывающего бесполезность монашества и вредность обогащения церкви. Я думаю, что эти идеи будут привлекательны для народа; по крайней мере, они будут точно привлекательны для почтенных граждан… Но кого же нам поставить главным распорядителем бывшего церковного имущества? Понятно, что король не станет самолично вникать в хозяйственные мелочи, – сэр Джеймс взглянул на своих приятелей.

– Какие могут быть сомнения? Только вы, сэр, способны справиться с такой задачей! – воскликнул сэр Арчибальд.

– Сэр Арчибальд прав, только вы сэр Джеймс должны распоряжаться имуществом церкви, только вы, – поддержали сэра Арчибальда все собравшиеся.

– Спасибо, джентльмены, за доверие, но я буду слишком занят на государственной службе. Забыл вам сообщить: его величество предложил мне занять освободившийся пост лорд-канцлера.

– О, сэр Джеймс, поздравляем вас! Эта должность соответствует вашим способностям. Примите наши поздравления, сэр Джеймс! – закричали его друзья.

– Так вот, я думаю, что распорядителем церковного имущества должен стать наш дорогой хозяин дома, – сказал сэр

Джеймс.

– О, вы льстите мне, милорд, – смутился сэр Арчибальд.

– Нет, я всего лишь отдаю дань вашим заслугам. А в помощь вам мы создадим Особый Комитет, в который войдут наши единомышленники. Я говорю про вас, друзья мои! Уверен, что вы наилучшим образом распорядитесь церковными богатствами, и поэтому я завтра же отрекомендую вас его величеству… Джентльмены, нам предстоят великие дела! Именно мы, добывающие свой хлеб в поте лица своего, отмечены Богом, и с помощью Господа и короля мы установим новые порядки в нашем государстве. Сильные люди построят сильную страну, – и весь мир содрогнется перед ее величием!

– Ура сэру Джеймсу! – снова закричал сэр Арчибальд.

– Ура! Ура! Ура! – поддержали его собравшиеся.

– Еще раз благодарю вас, джентльмены, – поклонился им сэр Джеймс. – Ну, а теперь не грех что-нибудь выпить и закусить.

– Прошу вас, сэр Джеймс, прошу вас, джентльмены, – засуетился хозяин. – Слуги, эй, кто там? Несите мясо, дичь, паштеты, рыбу, сыр, – ну, все, что наготовили повара, – и вина, бездельники, вина, больше вина! Упаси вас боже, негодяи, если кто-нибудь из моих гостей пожалуется на голод или жажду!

* * *

Впервые за последние месяцы все королевские сотрапезники были приглашены к утреннему застолью его величества. По случаю теплой и сухой погоды завтрак состоялся в парке, под открытом небом. Весеннее утро было нежным и томным, как взгляд влюбленной девушки. Солнце ласково светило на отроческую зелень деревьев, а легкий ветерок бережно сдувал остатки ночных туманов из парка.

Генрих поднялся рано, до зари, и за время, прошедшее до завтрака, успел переложить на музыку фрагмент из итальянского сонета:

Я прежде плакал, а теперь пою.
Мое живое кроткое светило
От глаз моих лица не отвратило:
Амур явил мне доброту свою.

Уже давно рекою слезы лью,
И пусть мой век страданье сократило;
Не лавр, не пальма – мирная олива,

Вот дар, что мне несет любовь моя
И жить велит, нежна и терпелива.

Напряжение творческих сил вызвало у короля жесточайший голод, поэтому в первые полчаса завтрака Генрих усердно пережевывал еду и не мог поддерживать разговор за столом. Он отвечал на сплетни и анекдоты сотрапезников только выразительным мычанием и удивленным покачиванием головы. Наевшись, король утер пот со лба и вытянулся на своем большем удобном кресле. Попивая легкое белое сладкое вино и заедая его засахаренными фруктами, он благодушно оглядел присутствующих и остановил взор на сэре Френсисе.

– Я рад, что вы поправились, милорд, – сказал Генрих. – Как ваше здоровье, что ваша простуда, прошла? Как вы себя чувствуете сегодня?

– Благодарю вас за заботу, государь. Сегодня я чувствую себя неплохо, хвала Асклепию! – растроганно ответил сэр Френсис, который за всю свою жизнь ни разу не болел, а в последние месяцы не появлялся на королевских завтраках просто потому, что его не приглашали.

– Слава богу, – довольно произнес король. – А то мы уже стали беспокоиться о вас. Нам не доставало вашего присутствия; в частности, мне хотелось побеседовать с вами о живописи. Недавно к нам приехал иностранный художник, который хочет писать мой портрет. А что вы думаете о живописи, сэр Френсис?

– Ваше величество, судить о живописи легче легкого, ибо для того чтобы рассматривать картины, не надо даже уметь читать, – сказал сэр Френсис уверенно. – Да будет вам известно, ваше величество, что вся живопись делится на пять родов в зависимости от своего предназначения.

– Вот как? – Генрих поднял брови. – До сих пор мы ничего не знали о такой классификации. Сделайте одолжение, милорд, продолжайте. Поразительно, сколько вы всего знаете!

– С вашего позволения, государь, скажу, что человек подобен смоляному шару, катящемуся по дороге, – чем дольше он катится, тем больше всего к нему прилепляется; главным образом, всякой дряни, но иногда попадаются и жемчужные зерна. Я, ваше величество, уже очень долго качусь по дороге жизни, и потому много чего понабрался, в том числе приобрел и полезные знания. А если что не знаю, так на это есть опыт, есть голова, – уж голова-то меня не подведет, ваше величество! – сэр Френсис шутливо похлопал себя по затылку.

– Мы в вас нисколько не сомневаемся, сэр. Но вернемся к

живописи: что за пять родов имеются у нее?

– Пожалуйста, ваше величество, слушайте. Первый род – это живопись для поднятия аппетита. Она изображает вкуснейшие вещи, которые дразнят наше зрение и усиливают выделение желудочных соков. Сейчас есть искусные мастера гастрономической живописи, умеющие так нарисовать нежный розовый окорок или омара с лимонами, что картины эти, кажется, источают запах кушаний, которые на них изображены. Мне этот род живописи нравится больше всего, – искусство здесь поднялось на один уровень с философией, которая учит нас наслаждаться благами земными, – и соединилось с медициной, придающей первостепенное значение правильному питанию для здоровой жизни человека… Второй род живописи – мечтательный. Он показывает нам приятные для глаз виды, вызывающие душевную негу и расслабление – предвестники крепкого здорового сна. Когда смотришь на все эти морские заливы, лесные опушки, горные ручейки, полянки и цветочки, то глаза слипаются сами собой, – и не надо никакого макового семени, чтобы заснуть. Понятно, что второй род живописи также полезен для здоровья, как и первый, и должен следовать за ним по порядку.

– Превосходно, сэр Френсис! Ваша классификация пока что очень удачна, – сказал Генрих. – Переходите к следующим разрядам.

– Вы слишком добры ко мне, ваше величество, – поклонился сэр Френсис. – Продолжаю. Третий род живописи посвящен Венере и Амуру. На полотнах живописи этого рода изображены соблазнительные женские тела и пикантные ситуации, волнующие плоть, горячащие кровь, призывающие к любовным подвигам. Как жаль, что во времена моей молодости к нам едва начали проникать такие картины! Уверен, что если бы прогресс не запоздал придти в наше королевство, у меня сейчас было бы вдвое больше приятных воспоминаний… Живопись четвертого рода связана с марсовыми забавами. Стремление подраться – такое же естественное чувство у людей, как желание покушать или поспать. Но суровый Марс, легко распоряжаясь тысячами жизней, сам робеет перед Венерой, – и как часто она руководит им! Настоящая война, – это всегда страсть; не бывает войны без страсти, ибо война ведется из-за нее: из-за страсти к власти, деньгам, славе, страсти к риску или жестокости. Военная живопись показывает нам отображения этих видов страсти: покорные народы, трепещущие перед победителями; разграбленные города, лишившиеся несметных богатств. Военная живопись показывает и прославленных полководцев, под

копытами коней которых корчатся раздавленные враги; поля битв, усыпанные изуродованными трупами; и конечно, златокудрых богинь, возлагающих венки на головы героев. Разве это не прекрасно, ваше величество? Дай бог, чтобы войны не прекращались на свете; без них человечество сойдет с ума… Пятый род – религиозная живопись. Без нее нельзя: если не напоминать постоянно о Боге, то о нем, пожалуй, совсем забудут в наш век сомнений и безверия. Помимо того, сколько чувств, таящихся в глубинах души, показано в пятом роде живописи: страх, наш вечный спутник в жизни, воплощен в жутких картинах дьявольских видений и потусторонних сил; страдание, наполняющее наше существование высшим смыслом, и уж точно болью, – зримо предстает перед нами в муках Господа и святых угодников. Ну, а можем ли мы жить без поклонения и подчинения, – не они ли дают нам уверенность в завтрашнем дне? Мы ищем раболепия, и его также находим в религиозной живописи.

– Браво, сэр Френсис! – захлопал Генрих. – Вы еще раз доказали, что вы тонкий эстет и глубокий знаток искусства. Не правда ли, джентльмены?… Однако помогите мне разрешить одну проблему, милорд.

– Я весь во внимании, ваше величество.

– Проблема вот в чем. Как я уже сказал, недавно к нам приехал известный художник, который хочет написать мой портрет. Сей живописец сделал несколько эскизов, которые меня весьма удивили. Представьте себе, джентльмены, этот художник изобразил меня таким, каков я есть, со всеми недостатками моей фигуры. Я у него выгляжу дородным грузным мужчиной с большим животом. К чему нам этот реализм? Я уверен, что живопись должна облагораживать внешность человека, а тут что получается? Может быть, этот художник имеет саркастический склад ума, может быть, он хочет выставить меня на всеобщее посмешище? Но кто дал ему право насмехаться над королем? Если тебе предоставлена великая честь писать портрет государя, то рисуй его серьезно, отбрось вольные мысли, – так я считаю. Король всегда красив, строен и высок, – будь любезен изобразить его именно таким, сохранив при этом, однако, черты схожести… Но я хотел бы, все же, услышать ваше мнение, сэр Френсис. А кстати, к какому разряду вы относите портретную живопись? Вы не упомянули о ней в вашей классификации.

– Гм, портретная живопись, ваше величество? – сэр Френсис тонко улыбнулся. – Я о ней не забыл; просто не стал говорить о ней, поскольку она не относится к какому-то самостоятельному роду. Все зависит от того, кто изображен на портрете. Если, к

примеру, ваш добрый собутыльник, то это – живопись для поднятия аппетита; если ваша любовница, то это – любовная живопись, ну и так далее.

– К какому же роду относится мой портрет? – рассмеялся Генрих.

– К пятому роду, ваше величество, к пятому! – уверенно произнес сэр Френсис. – Власть короля – власть Божья; король есть особа священная, должная вызывать уважение и страх. Религиозные чувства, испытываемые нами к Богу, мы испытываем и к королю.

– Славно сказано, сэр Френсис, – растроганно проговорил Генрих. – Вы добрый подданный, вы верный подданный!.. Стало быть, художник должен изображать меня так, как изображают Господа, не имеющего, как известно, недостатков?

– О, нет, ваше величество! Извините великодушно мою неслыханную дерзость, но я с вами не соглашусь! – воскликнул запальчиво сэр Френсис.

– Не согласитесь? Отчего?

– От того, что Господа никто из нас не видел, ваше величество, но нам дано великое счастье видеть вас, государь. Несходство вашего портрета с оригиналом может вызвать нежелательные толки; а то еще, чего доброго, найдутся злопыхатели, которые скажут, что живописное изображение лучше реального короля, – спаси нас, боже, от этих крамольников! Разочарование подрывает авторитет, ваше величество. Зачем же давать повод гнусной породе недоброжелателей источать ядовитый смрад иронии? Нет, пусть тот, кто увидит ваш портрет, с гордостью скажет: «Да, это наш государь! Таким мы его знаем, таким мы его любим!» – тут сэр Френсис внезапно заплакал. – «Король наш велик, мудр, милосерден», – продолжал он сквозь слезы. – «Он отважен и добр! И какое нам дело до его живота? Мы любим нашего государя таким, каков он есть!»

От таких слов Генрих разволновался. Сдавленным голосом он просипел:

– Значит, вы полагаете, гм-гм, что художнику следует продолжать работу, гм, в реалистическом стиле?

– Да, ваше величество, – справившись с собой, ответил сэр Френсис. – Полагаю также, что с вашего портрета надо будет сделать как можно больше копий и распространить их по всем государственным учреждениям. Пусть в каждой казенной палате присутствует ваше изображение; пусть каждый ваш чиновник помнит, кто его благодетель и повелитель.

– Хорошая мысль, сэр Френсис. Мы подумаем об этом, –

сказал Генрих. – Спасибо вам всем за компанию, джентльмены, – прибавил король, обращаясь к своим сотрапезникам. – Надеюсь еще не раз увидеть вас за своим скромным завтраком.

* * *

Закончив утреннюю трапезу, король отправился в гости к леди Анне. Он решил поехать к ней домой, пренебрегая существующими нормами этикета. Королевский кортеж, сильно уменьшенный по случаю этого необычного частного визита, пробился через сутолоку центральных улиц Лондона в тихий район, в котором доживали свой век ушедшие со службы джентльмены. Дом родителей Анны выделялся из общего ряда других таких же небольших домов свежевыкрашенным фасадом и расчищенной, посыпанной битым кирпичом площадкой перед крыльцом.

Пока посланцы короля сообщали хозяину радостную весть о прибытии его величества, к дому собрались любопытные, каким-то образом узнавшие, кто именно приехал с визитом к леди Анне. Разглядев в окне кареты королевский профиль, они стали усиленно кланяться и повторять одно и то же:

– Государь! Ваше величество! Государь! Ваше величество! – причем, чем больше они это повторяли, тем больше рос их восторг. Если бы конные гвардейцы короля не сдерживали этих людей, то его карету, наверное, перевернули бы, и он мог бы пострадать от столь бурного проявления верноподданнических чувств. К счастью, его посланцы вернулись очень скоро и под ликующие крики толпы отвели Генрих в дом. При этом, как король не торопился на свидание с Анной, но должен был остановиться на крыльце и поприветствовать своих добрых поданных, – отчего они с таким яростным воодушевлением полезли вперед, что не обошлось без раздавленных.

Отмахнувшись от встречающих его родителей Анны, король вбежал в гостиную, через открытую дверь который он увидел свою возлюбленную. Родители переглянулись, не зная, последовать ли им за его величеством или оставить влюбленных наедине.

– Свидание без нашего присутствия – это будет неприлично, – прошептал отец. Он дал знак жене идти в гостиную и сам пошел следом, кланяясь и улыбаясь с такой почтительностью, как будто находился не в собственном доме, а на приеме в королевском дворце.

Леди Анна присела в поклоне перед королем, но он поспешно

поднял ее со словами:

– Оставьте, прошу вас, эти церемонии! Для вас я не король, а просто ваш Генрих, пришедший выразить вам свое восхищение, свою преданность, свою любовь!

– Ваше величество! Позвольте мне… Позвольте нам с женой… – отец Анны хотел произнести заготовленное приветствие, но король не слушал его. Взяв за руку Анну, он сказал:

– Если бы вы знали, как я скучал по вас, милая Анна! Сколько времени прошло с нашей последней встречи: неделя, месяц, год, десять лет? Мне кажется, я не видел вас целую вечность. А вы, – вы не соскучились по своему Генриху? Как бы я хотел, чтобы вы чувствовали ко мне хотя бы малую долю того, что я чувствую к вам!

– Ваше величество, позвольте узнать, как ваше… – пытался спросить отец Анны, но король встал к нему спиной и взял девушку уже за обе руки:

– Отчего вы молчите, любовь моя? Вы не рады меня видеть?

– Больно, ваше величество! Вы больно сжали мне руки, – сморщилась она.

– Ах, извините! У вас такие хрупкие тонкие, изящные ручки, их так и хочется целовать, – и Генрих стал покрывать ее руки поцелуями, а потом попытался обнять Анну.

– Ваше величество! Государь! Умоляю вас! Опомнитесь! – отчаянно воскликнула она, вырываясь из крепких объятий короля.

– Моя жена, ваше величество, тоже очень счастлива лицезреть вас в нашем доме, – блаженно улыбаясь, сказал отец Анны. – Вы не смотрите, что она молчалива; просто она такая редкая женщина, – мало говорит. Правда, жена? Вот, кивает, – значит, счастлива!..

– Вы меня совсем не любите, – обиженно произнес Генрих, выпуская Анну из своих объятий. – Ни одного поцелуя, ни одной ласки я еще не получил от вас.

– Я согласилась выйти за вас замуж, – ответила она, покраснев. – Но мы пока не муж и жена.

– Но мы будем мужем и женой! – вскричал король. – На следующей неделе я стану главой нашей церкви, и первое, что я тогда сделаю, – разведусь с Екатериной. Наша с вами свадьба – это лишь вопрос времени.

– Ваше величество! Боже мой, кто бы мог подумать, что я выдам дочь замуж за короля! – всхлипнул отец Анны. – Жена, ты могла подумать, что мы выдадим дочь за его величество? А?… Молчит!.. Не обращайте на нее внимания, ваше величество, она с

детства молчалива, – такая редкая женщина…

– А что будет с королевой после развода? – спросила Анна.

– Она покинет Англию, а дочь останется со мной, – вам же известно решение парламента? До рождения у меня наследника принцесса Мария имеет все права на престол. Я люблю свою дочь, но надеюсь, что мы с вами потрудимся над тем, чтобы лишить ее короны? У нас будет сын! – Генрих обнял Анну за талию.

– Ваше величество! Дождемся свадьбы, – Анна решительно отстранилась от него. – Вы нетерпеливы, как юноша.

– Я и есть юноша, потому что мое сердце наполнено чистым молодым чувством. По моим ощущениям мне сейчас не больше двадцати, но, в отличие от любви незрелого юнца, моя любовь крепка, как гранит. Каким бесцельным и тоскливым было мое существование до встречи с вами! «Земную жизнь пройдя до половины, я оказался в сумрачном лесу». О, моя милая леди, видели бы вы, какие чудища терзали мою душу! Церковь учит нас, что душа бессмертна, но моя душа почти умерла, во всяком случае, – для добрых побуждений. Вы, любимая моя Анна, спасли меня; увидел вас и кажется, что это чудесный сон, небесная мечта. «Вы мне исторгли душу, очистили ее и в плоть опять вернули».

– А вы хорошо знаете итальянскую поэзию, ваше величество, – заметила Анна с усмешкой.

– Она созвучна нежной любовной песне, звучащей в моем сердце, – не растерялся Генрих. – Милая Анна, разделите мою любовь, ответьте на нее, и мы будем самой счастливой супружеской парой на земле, клянусь вам!

Анна вздохнула:

– Я согласилась выйти за вас замуж.

– Это и много, и ничего, – Генрих тоже вздохнул и оглянулся на будущего тестя. – Милорд, как полагается жениху, я привез подарки невесте и ее родителям. Вам их доставят через несколько минут.

– Ваше величество, Господи помилуй, мог ли я ожидать?… Благодарю вас, о, благодарю вас, ваше величество! Ваша щедрость и ваша доброта безграничны, – отец Анны поклонился так низко, что коснулся пола длинными прядями своих жидких волос.

– Пустое. А у вас уютно… А это ваша жена, моя будущая теща? Почему она все время молчит?

– Да она, ваше величество…

– Очень хорошо, очень хорошо! – перебил его король. – После того как я разведусь с королевой, вы получите субсидию. Вам нужно будет купить новый дом: королевский тесть должен жить соответственно.

– Ваше величество, ваше величество… Ох, простите, сердце закололо! – отец Анны схватился за грудь.

– Очень хорошо, очень хорошо! – рассеянно пробормотал Генрих, отвернулся от него и снова взял за руку Анну.

– Ваше величество, если вы еще чем-нибудь обрадуете моего отца, он умрет, – сказала она, встревожено глядя на своего батюшку.

– Очень хорошо, очень хорошо, – машинально повторил Генрих. – Но не будем об этом. Так могу ли я надеяться на то, что ваше чувство ко мне когда-нибудь будет столь же сильным, как и мое к вам?

– Надеяться можно всегда, – неопределенно сказала Анна.

– Спасибо и на этом. Напоследок всего один поцелуй в вашу румяную круглую, свежую щечку… Благодарю вас, мой ангел! Прощайте, любимая моя, и готовьтесь к свадьбе! Прощайте, мой дорогой тесть, прощайте, моя дорогая теща.

– Ваше величество, разрешите проводить вас до кареты, – засуетился отец Анны.

– Пустое! Возьмите подарки, вот их принесли. Еще раз прощайте, сердце мое, – обратился он к Анне. – Не дождусь дня, когда мы с вами встанем перед алтарем.

– Прощайте, Генрих, – ответила она, и король засмеялся от радости, услышав, как Анна назвала его по имени.

* * *

Мастер Хэнкс шел по городу, вглядываясь в повседневную жизнь его обитателей и вслушиваясь в их разговоры. Хэнксу докладывали, что в Лондоне всё спокойно, но он желал сам удостовериться в этом. Действительно, всё было спокойно: никаких тревожных признаков, решительно ничего подозрительного Хэнкс не обнаружил. Не довольствуясь одними наблюдениями, он вступал в беседы с горожанами. Его наружность вызывала доверие – одежда старомодная, добротная, поношенная, но опрятная; лицо широкое, открытое, несколько глуповатое; речь основательная, немного корявая – идеальный тип провинциала со средним достатком.

Он заходил в лавки, тщательно перебирал товар, покупая какую-нибудь мелочь; дотошно расспрашивал людей на улицах, как ему пройти на рыночную площадь, и в самом деле шел на рынок и обходил его длинные ряды, – таким образом, за день мастер Хэнкс переговорил с несколькими десятками человек и понял, что завтра не будет никаких волнений, связанных с

церемонией провозглашения короля главой церкви. Не будет волнений и в будущем при разводе королевской четы.

Вполне удовлетворенный проделанной работой мастер Хэнкс зашел в харчевню и пообедал, ни в коей мере не злоупотребляя ни едой, ни вином. За обедом ему вполголоса рассказали скабрезный анекдот про королеву Екатерину, которую называли просто Кэйт, – и Хэнкс весело посмеялся над этим анекдотом, хотя по закону за оскорбление особ королевской крови полагалось четвертование и рассказчику, и слушателю.

После обеда настроение мастера Хэнкса не только не улучшилось, как это происходит со всеми живыми существами на свете, но, напротив, ухудшилось. Когда он подошел к Тауэру, его лицо потеряло добродушное выражение и приняло угрюмый усталый вид. Часовой у ворот, из числа молодых солдат, не узнал мастера Хэнкса и грубо прикрикнул на него, когда тот попытался войти. На этот окрик из караульного помещения выскочил другой солдат, постарше; завидев Хэнкса, он поспешно отворил калитку в воротах. Дождавшись, пока Хэнкс скроется во дворе, старый солдат что-то прошептал на ухо своему молодому товарищу, и тот вдруг побледнел, а глаза его расширились от ужаса.

Миновав множество коридоров, подъемов и спусков, мастер Хэнкс остановился перед низкой дверью, обитой кованым железом. Он отослал надзирателя, сам отодвинул засовы и вошел в камеру. Она была достаточно вместительной и светлой, с тремя узкими окнами, являющимися, по сути, амбразурами крепостной башни. В камере стояла кровать, около нее – стол с креслом, в углу еще один стол с умывальными принадлежностями, а в другом углу – сундук, в котором обычно хранят одежду и белье.

Багровые лучи заходящего солнца, преломляясь о решетку окон, раскрашивали потолок камеры кровавыми узорами. Они пылали точно над головой человека, который сидел за столом в глубокой задумчивости.

Хэнкс еще больше помрачнел.

– Сэр Томас! – позвал он и его голос гулко разнесся по камере.

Сэр Томас вздрогнул и оглянулся на дверь. При виде Хэнкса он вдруг улыбнулся и спросил с несвойственной ему веселостью:

– Вы пришли навестить меня, мастер Хэнкс? Очень мило с вашей стороны. Меня никто, кроме жены, не навещает. Скажите, мастер Хэнкс, неужели вы арестовали всех моих друзей?

– Арестован архиепископ и еще несколько человек, среди которых лишь двух-трех можно назвать вашими друзьями.

– Арестован архиепископ? Помилуй боже, кто же разведет теперь короля с королевой? – продолжал вопрошать сэр Томас.

– Пусть это вас не беспокоит, милорд. Король, возглавив церковь, назначит нового архиепископа, который утвердит развод согласно королевской воле и решению парламента. Думаю, вам не надо объяснять, что кандидатов в архиепископы у нас великое множество.

– Да? И кого выбрали? – поинтересовался сэр Томас.

– Одного из многих, – коротко ответил Хэнкс.

– Исчерпывающая характеристика. Но если у вас все отлично, мне непонятно, почему вы не пускаете ко мне друзей? Вы чего-то боитесь?

– Чего можно бояться в королевстве, в котором народ предан своему королю? – сказал Хэнкс.

– Тогда отчего вы запрещаете посещения? Чтобы дополнительно помучить меня? Это распоряжение его величества? – продолжал допытываться сэр Томас.

– Каждый день от восхода до заката солнца вас может навещать любой человек. Никаких запретов ни для кого нет, – отчетливо проговорил Хэнкс, и в голосе его промелькнуло мимолетное торжество.

– Нет? Никаких запретов? – переспросил сэр Томас, изменившись в лице.

– Вы ведь, собственно, не арестованы, а лишь временно задержаны, – загадочно сказал Хэнкс.

– Но тем более непонятно, почему ко мне никто не приходит, – невнятно пробормотал сэр Томас, а потом вдруг покраснел и опустил голову.

Хэнкс вздохнул:

– Ваша беда, сэр Томас в том, что вы слишком хорошо думаете о людях. Простите меня, милорд, но даже дети – не такие наивные, как вы! Впрочем, я не стал бы вас разочаровывать и оставил бы в плену ваших иллюзий, но я пришел по важному делу и хочу, чтобы вы отнеслись к нему со всей серьезностью, отбросив ваши мечтания. Его величество всегда ценил и продолжает ценить ваш ум, ваш опыт, ваш талант государственного деятеля. Его величество считал и считает вас образцом честности и неподкупности. Его величеству хотелось бы, чтобы вы еще долго служили ему и государству.

– Поблагодарите его величество за доброе мнение обо мне и передайте, что я готов вновь приступить к службе… Как только меня выпустят из тюрьмы, – с горечью произнес сэр Томас.

– Чтобы вам выйти из тюрьмы, от вас требуется всего лишь обещание не высказываться публично против развода их величеств и против главенства короля над нашей церковью. Не высказываться *публично*, – подчеркнул Хэнкс последнее слово.

– Всего лишь? – сэр Томас покачал головой.

– Не торопитесь с ответом, милорд.

– Я не тороплюсь, – сказал сэр Томас. – Мне теперь некуда торопиться. Самое устойчивое и прочное положение человек приобретает после падения. Того, кто упал, трудно вывести из состояния равновесия. И поэтому я отвечу вам сейчас, тем более что давно и окончательно всё для себя решил… Я не против развода короля, я – против последствий этого развода. Правда, мне кажется странным, что разводы вообще существуют: неужели два близких человека не могут понять и простить друг друга? Если муж с женой не могут договориться, если единая плоть рвется напополам, то чего требовать от людей не родственных, чужих по языку, вере, убеждениям? Будет ли когда-нибудь мир на земле?… Но я не нахожусь в плену иллюзий, в чем вы меня упрекаете, нет, я понимаю, что когда семейная жизнь безнадежно испорчена, и муж с женой не могут или не желают ее исправить, – тогда развод становится для них лучшим выходом. Бог соединяет сердца, а дьявол их разъединяет, – и эта борьба вечно идет на свете… Пусть так. Пусть будут разводы, – мне ли выступать против того, что предопределено! И пусть бы их величества развелись, но их развод приведет к ужасным последствиям. Я высказывал опасения, что он может закончиться для нас войной, но откровенно говоря, такая вероятность невелика, – я специально сгущал краски. Гораздо страшнее другое – главенство короля над церковью. Святейший папа, опьяненный своим могуществом, не разрешает королю развод; король, опьяненный любовью, рвет отношения с папой: все складывается как нарочно для того, чтобы сэр Джеймс и его друзья смогли дорваться до власти. Алчность, корыстолюбие, нажива заполнят общество болотной гнилью и заразят его смертельной лихорадкой. В тоске, изболевшись душою, будет вопрошать человек: «Для чего я живу? Где Бог? Где счастье? Где справедливость?» – и не найдет ответа, ибо там, где всё измеряется деньгами – нет Бога, и невозможны счастье и справедливость… Я вас спрашиваю, могу ли я принять все это? Молчите? Правильно, ответ не нужен. Я сделал свой выбор, а вы делайте свой.

– На что вы надеетесь? – скривился Хэнкс.

– На стремление к правде и добру, которое всегда жило в душах людей. Надо только создать условия, при которых семена дадут всходы.

– Только создать условия? – Хэнкс издал что-то вроде короткого смешка. – И кто создаст такие условия? И как их создадут?

– Я писал об этом в своих книгах. Есть духовные пастыри,

светлые умом и чистые душой. Они бы взяли на себя управление государством и устроили бы такие порядки, при которых люди были бы разделены на разряды в зависимости от своих интересов и природных наклонностей. Каждый разряд трудился бы в своей отрасли для общего благоденствия, а не для личной выгоды и корысти отдельных индивидуумов. Пастыри же с отеческой заботой распоряжались бы делами всего общества, помогая всем его членам развиваться правильно и без порочных отклонений. Никто не испытывал бы зависти и вражды друг к другу, но если все же нашлись бы субъекты, по каким-либо причинам вносящие хаос в идеальный справедливый порядок, то их бы причислили к отщепенцам-преступникам и заставили бы выполнять тяжелые работы, от которых были бы избавлены прочие члены сообщества. Но таких отщепенцев было бы немного, а со временем их совсем бы не стало, потому что на протяжении жизни двух-трех поколений все люди совершенно преобразились бы, и зло покинуло бы нашу землю.

– Мудро, – сказал Хэнкс. – Но где набрать столько добрых и честных пастырей? И согласятся ли негодяи, чтобы ими управляли честные люди; и не перестанут ли честные люди быть честными людьми, управляя негодяями?… Боюсь, что ваши мечтания так и останутся мечтаниями, сэр Томас. Восторжествует добро, говорите вы? Если оно и восторжествует, то лишь на Страшном Суде. Вот там никому не помогут ни звания, ни должности, ни богатства.

– Вы сказали, что я слишком хорошо думаю о людях, и в этом моя беда. А ваша беда в том, что вы не любите людей и не верите им, – сэр Томас с сочувствием посмотрел на Хэнкса.

– Если учесть, что это вас, а не меня, посадили в тюрьму, то моя беда ничтожна перед вашей, – жестко ответил Хэнкс.

Сэр Томас отвернулся от него и принялся смотреть в окно. Хэнкс откашлялся и глухо проговорил:

– Вернемся к тому делу, по которому я к вам пришел. Король не потерпит ослушания. Вас казнят.

– Очень жаль. Я люблю жизнь и хотел бы жить долго. Однако бывают моменты, когда надо умереть, для того чтобы остаться человеком, – сэр Томас вздохнул и вдруг опять улыбнулся, вовсе некстати.

Взгляд Хэнкса стал свинцовым.

– Прощайте, сэр Томас. Впрочем, я еще к вам приду. Один раз, последний, чтобы сопровождать вас по долгу службы…

– Прощайте, мастер Хэнкс, – ответил сэр Томас, почти уже не видный во тьме, ибо последние лучи солнца давно угасали в тюремной камере.

* * *

Генрих наш с женой развелся,
Он другою обзавелся.
Папа это запретил,
Но король настойчив был.

Леди Энн – дороже церкви
И спасения души.
Щеки – персик, губы – вишня,
Груди – тоже хороши!

Старую на молодую
Генрих наш легко сменил.
Едет Кэйт в страну родную,
Муж ей с Анной изменил.

– Эту песенку напевает весь город, – сказал монах Бенедиктус, – и поют её с мерзким хихиканием и злорадством. Несмотря на королевский указ, запрещающий обсуждать развод короля с вами, эта песенка слышна везде.

– Глупая чернь! Она не понимает, что ее ждет, – презрительно заметила Екатерина. – «Изменил…» Они стали любовниками?

– В грехе живущие греха не боятся, – сурово ответил монах.

– Я не верю. Хотя всё может быть; король – бессовестный развратник. Но Анна! Какое целомудрие она изображала! Не дождавшись свадьбы, отдаться этому похотливому чудовищу. Вот это скромница! – Екатерина сухо и отрывисто рассмеялась. – Я не понимаю, почему Господь не накажет их? – сказала она после некоторого молчания. – Я тебе признаюсь, когда проходила эта богомерзкая церемония, ну, когда король был объявлен главой здешней церкви, я ждала, что вот-вот грянут громы небесные и испепелят еретиков. Но громы не грянули! Не грянули они и во время церемонии развода… Король здоров и весел, да еще сливается в грехе с этой мерзкой тварью. А меня выгоняют, лишают короны, отнимают дочь… Нет, я не ропщу; не подумай, что я жалуюсь на промысел Божий! Я с радостью принимаю ниспосланные мне Господом испытания и не устаю благодарить его за страдания, дарованные мне им по его великому милосердию для очищения моей души! Но я не понимаю, отчего он не накажет грешников, нарушивших все его заповеди?

– Нам не дано понять замыслы Божьи, королева, – внушительно произнес Бенедиктус. – Может быть, он дает

грешникам время для раскаяния, но возможно, что божье возмездие уже уготовано для них, и удар Господа будет нанесен с самой неожиданной стороны. Упивающиеся своей гордыней, своим ложным могуществом, мнящие, что им все дозволено и ни за что не будет воздаяния, – как страшно будут они наказаны и низвергнуты во прах! Никто не уйдет от разящей длани Господа; велико его милосердие, но и ярость его велика!

– Воистину так! – перекрестилась Екатерина.

Вновь наступила пауза.

– Мне дан месяц на сборы к отъезду. Ты, конечно, поедешь со мной? – спросила Екатерина у монаха.

– Нет, королева. Я должен остаться здесь, – ответил он, потупив взор.

– Здесь? Ты хочешь остаться здесь? – Екатерина с подозрением посмотрела на Бенедиктуса. – Уж не собираешься ли ты предать папский престол?

– Если понадобится, я предам не только папу, но и самого Господа Бога – во имя их обоих. Если мне прикажут, – загадочно сказал монах, понизив голос.

– Я не понимаю тебя. Ты говоришь страшные вещи. Предать Бога? Кто может приказать такое? – воскликнула Екатерина с возмущением.

– Когда случается землетрясение, люди выбегают из своих домов, унося с собой самое ценное, дабы потом иметь средства на строительство нового дома. Наша церковь ныне шатается; разве не вправе мы поступить также как поступают во время землетрясения? – быстро произнес монах, оглядываясь на стенные панели и гобелены.

– Все равно не понимаю, – раздраженно сказала Екатерина. – Зачем тебе здесь оставаться? Кто тебе приказал? И почему ты должен предать Бога и папу?

– Прости меня, ничтожнейшего из ничтожных, великая королева, но даже тебе я не могу открыть больше того, что уже открыл. Могу добавить только одно – я остаюсь для благого дела, – Бенедектус поднял глаза на Екатерину, и ей показалось, что взгляд его холоден и высокомерен. Она хотела еще что-то сказать, но тут в комнату вбежала фрейлина Сью.

– Как ты смеешь входить ко мне, не спросив разрешения! – прикрикнула на нее Екатерина.

– О, простите, мадам, я не догадалась постучаться, а у дверей в ваши покои никого нет, поэтому я не знала, что вы заняты! – выпалила скороговоркой Сью, приседая в глубоком поклоне.

– Никого нет? – повторила королева, покачала головой и горестно заметила: – Я еще не уехала, а все уже покинули меня. –

А тебе что нужно от бывшей королевы? – прибавила она, обращаясь к Сью.

– О, ваше величество, для меня вы как были королевой, так и останетесь ей навсегда! – горячо сказала Сью, и на ее ясных голубых глазах показались слезы. – Никогда я не забуду вашего доброго ко мне расположения, мадам, и всего, что вы для меня сделали!

– Ладно, ладно, – смягчилась Екатерина и даже потрепала фрейлину по щеке. – Говори, милочка, с чем ты пришла?

– Мадам, позвольте мне ненадолго взять вашу личную печать. Помните, я вам говорила о моей несчастной родственнице Мэгги, и вы великодушно согласились ей помочь.

– Да, припоминаю. Я, кажется, обещала оказать ей протекцию. Но что я могу теперь сделать?… И объясни, ради бога, зачем тебе понадобилась моя печать? Сегодня все загадывают мне загадки! – сказала королева, опять начиная раздражаться.

– Ах, ваше величество, вы так добры! – Сью заплакала. – А Мэгги так пострадала из-за своей несчастной любви! Бедняжку полюбил один очень знатный господин; он оказывал ей явные знаки внимания, дарил дорогие подарки, и вроде бы собирался на ней жениться, но внезапно с ним что-то произошло. Он как бы повредился в уме: стал странно себя вести, непонятно разговаривать, а к Мэгги совсем охладел и был груб с нею. Особенной ненавистью он воспылал отчего-то к ее родственникам. Представляете, какой ужас, – ее отца он в припадке безумия заколол ножом, а брата убил в драке – после чего и сам вскоре испустил дух! Бедная Мэгги от горя тоже едва не сошла с ума, забыла свой христианский долг и хотела утопиться в пруду. К счастью, ее вовремя вытащили джентльмены, сидевшие на берегу и ловившие рыбу.

– Очень трогательная история, – Екатерина вытерла платком уголки глаз. – Хотя в любом случае, твоей родственнице не следовало пытаться покончить с собой. Это – великий грех! – королева взглянула на монаха, и тот молча кивнул в знак согласия. – Но я не понимаю, чем моя печать может помочь бедной Мэгги?

– Ваше величество, наверно, забыли, что с вашего позволения я договорилась о том, чтобы бедная Мэгги пожила пока в монастыре Жен Мироносиц, которому вы оказываете покровительство. Сегодня туда отправляется обоз с вашими дарами и провизией…

– К сожалению, последний обоз, – вздохнула королева. – Как-то сестры будут обходиться без моей помощи? И уцелеет ли монастырь в пору лютых гонений на святые обители?

– Я попросила, чтобы обоз сделал по пути небольшой крюк и забрал Мэгги и ее вещи. Удобный случай, не правда ли, мадам? Ведь несчастная девушка осталась совсем одна после гибели ее родных. Но офицер из охраны обоза утверждает, что нельзя без приказа отклониться от маршрута движения – так сказал этот офицер, мадам! Ваша печать нужна как раз для того чтобы скрепить ею изменение маршрута в подорожной грамоте, – скороговоркой выпалила Сью.

– Так пусть офицер передаст тебе свою подорожную, а я скреплю ее печатью.

– Я ему так и сказала, но он не согласился. Не отдам, говорит, подорожную грамоту бывшей королеве.

– Все хотят уязвить и унизить меня, – Екатерина снова вытерла платком глаза. – Нет, вы подумайте, мой обоз, собранный и отправленный на мои деньги, – охрану, кстати, тоже оплачиваю я, – и какой-то офицер из этой охраны ставит мне условия! Вот, возьми мою печать, Сью, и прикажи этому невеже и грубияну заехать за Мэгги, чтобы отвезти ее в монастырь.

– Вы сама доброта, мадам! – всхлипнула Сью.

– Не надо меня благодарить. Я всего лишь стараюсь следовать заветам Спасителя, – смиренно сказала Екатерина; не удержалась и со злостью прибавила: – В отличие от тех, кто их забыл!

* * *

Выйдя от королевы, Сью пошла, однако, не к хозяйственным постройкам, где ее ждал обоз, а к галерее, соединяющей дворец с часовней. В этот час дня часовня была закрыта, поэтому Сью, не встретив тут ни одной души, прошла до середины галереи и свернула к калитке, ведущей в дворцовый парк. Сделав большой полукруг, Сью приблизилась к высокому каменному забору, который отделял ту часть парка, что примыкала к столовой короля. Около этого забора среди густых кустов орешника стоял неприметный дом. Едва фрейлина вступила на аллею, ведущую к нему, как из-за кустов появился джентльмен в неброской серой одежде. Он учтиво поздоровался с девушкой и спросил ее о чем-то. Получив надлежащий ответ, джентльмен раскланялся и исчез в кустах. Когда Сью подошла к крыльцу, перед ней возник другой джентльмен точно в такой же одежде, как и первый. Он сопроводил ее в дом, где с рук на руки сдал третьему джентльмену в сером, а тот отвел ее в угловую комнату, и, попросив присесть и обождать минутку, скрылся.

Девушка осмотрелась. Комната была самого скромного вида: отштукатуренные стены не были закрыты ни гобеленами, ни картинами, ни входившими в моду фламандскими тканями. Через потолок шли деревянные балки, даже не крашенные, а просто покрытые олифой. Пол был устлан широкими досками, чисто вымытыми, но тоже не крашенными. В свинцовую раму единственного окна были вставлены слюдяные пластины, которым обеспеченные люди давно предпочли итальянское стекло. Под стать комнате была и ее обстановка: простые деревянные полукресла, скамья у стены и стол безо всяких украшений.

Настроение у Сью упало; ей стало неуютно и тоскливо здесь, но в тот же миг дверь открылась, и в комнату вошел мастер Хэнкс в сопровождении третьего джентльмена в сером. Коротко поздоровавшись с девушкой, Хэнкс спросил:

– Ну что? Удалось? Принесли?

– Да. Вот она, – сказала Сью, отдавая ему печать королевы.

– Отлично. С нее сейчас сделают оттиск и возвратят вам, – Хэнкс передал печать своему помощнику, который сразу же удалился.

– Надеюсь, это займет не очень много времени? Обоз скоро должен отправиться, – встревожилась Сью.

– Не беспокойтесь, леди. Обоз не двинется с места, пока вы не поговорите с офицером. А вообще, ваша забота о троюродной сестре достойна всяческих похвал. Кстати, если она не выйдет замуж и умрет бездетной, ее поместье перейдет к вам, не так ли? Вы ведь ее единственная наследница? – мастер Хэнкс посмотрел на фрейлину.

– Ах, мастер Хэнкс, я не думаю об этом! Я не переживу, если с моей дорогой несчастной Мэгги что-нибудь случиться! – заплакала Сью.

– Я вас понимаю, леди. Тяжело без родных… Насколько я помню, ваш отец умер от пьянства, да? А предварительно он успел промотать всё свое состояние, совершенно разорив семью. Ваша мать скончалась давно, при родах вашей младшей сестры, а эта сестра с двенадцати лет была известна всей округе своим вольным поведением. В позапрошлом году ее нашли убитой в одном сомнительном доме в предместье Лондона. Счастье еще, что вам удалось устроиться в свиту королевы.

Сью заплакала сильнее.

– Ну, ну, не надо так расстраиваться! Ваши несчастья уже позади. Вы сделали правильный выбор – с сегодняшнего дня вы состоите на службе его величества, ведь вы фактически отдали нам все будущие письма бывшей королевы Екатерины. С ее

печатью мы можем вскрывать и закрывать их, не вызывая никаких подозрений. Мы уж постараемся, чтобы ни одно из них не осталось нам неизвестным, откуда бы она их не отправила… Если вы и дальше будете хорошо служить нашему государю, вас ожидает обеспеченная жизнь, приличное замужество, достойное место при дворе. Но упаси вас Господь изменить королю! Если вы измените своему супругу – это будет всего лишь безнравственный поступок, но измена королю – государственное преступление, помните об этом!

– Зачем вы мне это говорите, мастер Хэнкс? – слезы Сью мгновенно просохли. – Разве я способна предать короля?

– Не способны? Отлично. Тогда я не стану рассказывать вам о тех тяжких последствиях, к которым привело бы подобное предательство. Поговорим лучше о конкретных деталях вашей службы. Итак, Екатерина вскоре покинет Англию, и после ее отъезда его величество женится на леди Анне, – таким образом, у нас будет новая королева. Для вас ничего не изменится, – вы служили одной королеве, теперь будете служить другой.

– О, мастер Хэнкс! – Сью обворожительно улыбнулась и поправила волосы. – Я стану фрейлиной новой королевы?

– Вот именно, – сухо ответил он. – И вы будете служить ей верно и преданно; королева Анна должна доверять вам настолько, чтобы вы были в курсе всех ее дел, всех секретов. Понятно, что вы будете сообщать обо всем мне, а я – королю. Возможно, что у королевы не возникнет никаких секретов от короля, но кто может знать наперед?… О размерах вашего вознаграждения поговорим после.

В дверь вошел джентльмен в сером, который принес печать.

– Передайте ее молодой леди и проводите нашу гостью до выхода, – сказал ему Хэнкс. – Сюда вам больше приходить не надо, – прибавил он, обращаясь к Сью. – Мои помощники расскажут вам, как и где мы будем с вами встречаться.

Часть 4. Праздники и казни

Праздник в королевском дворце был великолепен. Большие парадные залы, сверкающие тысячами огней, украшенные гирляндами цветов и пестрыми лентами, были настолько заполнены гостями, что распорядителям с трудом удалось расчистить место для танцев. Столы с угощением занимали несколько залов, но несмотря на это, и здесь была толчея, и слугам приходилось протискиваться между гостями, чтобы заменить стремительно опустошающиеся огромные блюда со всевозможной едой и графины с разнообразными напитками.

Праздник начался танцем короля и леди Анны. Счастливцы из числа высшей знати окружили центральную часть зеркального зала, где танцевал король; остальные гости поднимались на цыпочки, наваливались на плечи друг другу и даже подпрыгивали, стараясь рассмотреть будущую королеву. Сэр Френсис, в силу своей придворной должности пробившийся в первый ряд, привел с собой и своего племянника Джона.

– Вы счастливчик, юноша, – говорил ему сэр Френсис, отпихиваясь от наседавших сзади джентльменов, – у вас столько новых впечатлений! В первый раз попасть в парламент, в публичный дом, на королевский праздник – как это все интересно и занимательно! А мне, признаться, доставляет удовольствие переливать вино из моего ветхого, пришедшего в негодность кувшина в ваш – крепкий и долговечный.

– Я так благодарен вам, дядя! Но напрасно вы себя хороните до времени, вы еще долго будете жить, я уверен! – прокричал Джон, отталкивая дородную даму, хотевшую оттеснить его из первого ряда. – Прошу прощения, миледи! Это мое место! Да, я – джентльмен, и что? Каждый имеет право на то место, которое он занимает, если он может его отстоять. Правда, дядя?

– Сущая правда! Вы умнеете прямо на глазах, молодой человек! – Сэр Френсис с гордостью посмотрел на племянника. – А вот вам, кстати, задача на сообразительность: скажите, отчего так много людей хотят посмотреть на танец короля?

– Я слышал, что король прекрасно танцует. А, кроме того, он – наш государь, и видеть его – счастье для всех нас! – напыщенно произнес Джон.

– Браво, сэр! Повторяйте то, что вы сказали везде и всюду, повторяйте десятки раз – и тогда появится шанс, что ваши слова дойдут до ушей его величества, – и уверяю вас, вы скоро сделаете первый шаг по пути к богатству и славе. Однако никому не говорите о том, что я вам сейчас скажу, – сэр Френсис прошептал

ему на ухо: – Да, король хорошо танцует, и уж, конечно, истинно то, что он – наш государь, но давка произошла не из-за этого… Просто в обществе давно ходят слухи, что его величество спит с леди Анной, и она понесла от него. Отсюда такое внимание к королевской паре, точнее, к леди Анне, а еще точнее – к ее животу.

– Вот оно что! – Джон, вытянув шею, стал приглядываться.

– И вы туда же! – сказал сэр Френсис. – Что же, любопытство – одна из извечных людских слабостей, но, возможно, это и самая лучшая черта человеческого характера. Впрочем, не трудитесь, юноша, – вы ровным счетом ничего не разглядите. На леди Анне платье такого покроя, что под ним одинаково может быть спрятан и раздутый живот женщины на сносях и плоский животик девственницы. Невозможность точного вывода ведет лишь к новым предположениям. Пойдемте, лучше выпьем чего-нибудь! Ваша матушка, отпуская вас со мной на праздник, взяла с меня слово следить за тем, чтобы вы не злоупотребляли вином. Я обязан выполнить данное обещание, поэтому буду пить вместе с вами, дабы вы были под моим контролем.

– Подождите минуту, дядя! Смотрите, король закончил танец и, кажется, направляется сюда. Все кланяются…

– Поклонимся и мы! Ниже, милорд, ниже, перед вами – наш великий государь! – громко сказал сэр Френсис.

Генрих, держа под руку леди Анну, остановился около него.

– А, сэр Френсис! Я вижу, вы уже совсем здоровы! Очень рад. Жаль, что я лишен удовольствия завтракать с вами. Но я так занят личными делами, что, поверите ли, ем на ходу, кое-как, без сотрапезников, – представляете, чем я жертвую во имя этих личных дел? – король с нежностью посмотрел на Анну. Она грустно улыбнулась, а сэр Френсис, еще раз поклонившись, почтительно произнес:

– Разрешите, ваше величество, представить вам моего племянника сэра Джона.

– Вот как? Ваш племянник? Хорош молодец!

– Я горжусь им, – заметил сэр Френсис.

– Это он должен гордиться, имея такого дядю! Вам придется приложить немало усилий, чтобы быть достойным сэра Френсиса, юный джентльмен! – король строго посмотрел на Джона.

– Я постараюсь стать таким же преданным слугой вашего величества, как мой дядя, – склонился перед королем Джон.

– Хороший ответ. Напомните мне как-нибудь, сэр Френсис, об этом юноше. Мы подумаем, куда его определить.

– Благодарю, ваше величество, – хором ответили дядя и племянник.

Король прошествовал далее, а сэр Френсис и Джон, чувствуя на себе завистливые взгляды окружающих, отправились к столам с едой.

– У вас сегодня действительно удачный день, – сказал сэр Френсис племяннику, выпив стакан бренди и съев два больших ломтика сыра с вложенным между ними кружочком лимона. – Далеко не каждый юноша, попавший в первый раз во дворец, удостаивается благосклонного внимания государя. Фортуна явно благоволит к вам.

Джон довольно улыбнулся.

– Однако, будь я на вашем месте, я бы предпочел бы дворцовым интригам спокойную должность со стабильным доходом, – ну, как у меня! Беспечная беззаботная жизнь невозможна ни вверху, ни внизу общественного здания: и тут, и там идет жестокая борьба за существование, – сэр Френсис поднял пустой стакан, и слуга вновь наполнил его бренди. – Вы не согласны со мною, молодой человек? Вам, естественно, хочется власти, почестей, денег? Эх, юность, юность, – не умеешь ты ценить того, что дано тебе; всё тебе кажется мало!

– Кто там стоит у двери с пожилым мужчиной? – спросил Джон, чтобы сменить тему разговора. – Нет, вы не туда смотрите; в другой стороне, вон там, видите, молодая леди?

Сэр Френсис прищурился.

– Ах, эта! Убей бог, не помню, как ее зовут… Маргарит, Мэри, Мадлен… Нет, не помню! Она – из древнего рода, почти полностью истребленного и разоренного в минувшую войну. Ее отец, сдается мне, не прочь поправить свое положение, выгодно выдав дочь замуж.

– Как она мила! – воскликнул Джон, покраснев.

Дядя пристально поглядел на него.

– Осторожнее, сэр племянник, будьте осторожнее с красивыми порядочными девушками! Не успеете опомниться, как очутитесь перед алтарем.

– Что же в этом дурного? – окончательно смутился Джон.

– Что дурного? И вы еще спрашиваете? Разве не из-за женщины Адам потерял рай? Да уж не любовь ли поразила вас?

– Но дядя…

– Э, да вас надо спасать, молодой человек! Я просвещу вас на сей счет… Любезный! – обратился он к слуге. – Наполни-ка мой стакан! Бренди, бренди, черт возьми, – я ведь не девица, и не безбородый юноша, чтобы пить белое вино! До краев… Вот так, отлично! Слушайте меня, сэр племянник, и постарайтесь осознать то, что я вам скажу. Знайте, что на свете нет ничего глупее женитьбы, и нет ничего более жалкого, чем женатый человек.

Женитьба обрекает вас на неудобства, лишения, трудности, истощает ваш кошелек, отнимает здоровье, – и преждевременно сводит в могилу! Только очень немногие, исключительные натуры способны вынести тяготы семейной жизни без ущерба для себя, – и уж совсем редко брак приносит удовольствие мужчине!

Разберем подробно, к каким последствиям приводит женитьба. Первое: вы пускаете в свою жизнь, в свой дом и даже в свою постель совершенного чужого вам человека, более того, – чуждого вам по анатомическому строению и физиологическим особенностям. Что вас может объединять с этим существом, кроме зова плоти? Очень мало или вовсе ничего! Пока вами владеет страсть, вы этого не замечаете, но когда она начинает ослабевать, боже мой, какой ужас, какое отвращение вызывает в вас женщина, с которой вы связаны брачными узами! Обязательно окажется, что ваша избранница имеет, к тому же, массу неприятных привычек, о которых вы и не подозревали. Она может храпеть, лягаться во сне, ложиться поперек кровати, сбрасывать одеяло на пол или стягивать его с вас, кричать посреди ночи от кошмарных снов, – а я уж не говорю о привычках, рожденных плохим воспитанием, неряшливостью, небрежностью, отсутствием хорошего вкуса! Готовы ли вы выносить подобное изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, всю вашу жизнь?…

Второе: женившись, вы добровольное обрекаете себя на совместное существование с человеком, который не способен понять вас, и которого вы понять не сможете. Свойства женского и мужского ума настолько различны, что взаимопонимание между женщиной и мужчиной невозможно. А где нет понимания, там возникают скандалы, которые являются такой же естественной принадлежностью семейной жизни, как ночной горшок! Ваша жена будет, как заправский слесарь, сверлить, точить и пилить вас; как пекарь, допекать и поджаривать вас; как лекарь, колоть и резать по живому, – одним словом, она с таким искусством будет наносить удары, что долго вы не протянете. Клянусь Самсоном, женщины лишили жизни больше мужчин, чем все войны на свете со времен Адама и Евы!..

Третье: надев венец Гименея, вы станете посмешищем для всех ваших знакомых, и виной тому будет ваша жена. Если она окажется порядочной женщиной, то свое постоянство она выместит на вас. Ее требования будут безграничными: вы должны будете в благодарность за ее порядочность проводить все свое свободное время с женой, развлекать ее, терпеливо выслушивать ее бредни, моментально исполнять прихоти, потакать всем безумным желаниям, тратить по ее усмотрению ваши деньги – и

еще многое, многое и многое она потребует от вас! Причем, поверьте мне, женщины умеют добиваться своего куда лучше мужчин, – вы даже не представляете, сколько у них в арсенале безотказных средств для этого. Вы сами не заметите, как станете подкаблучником, и над вами будут потешаться все, кто вас знает.

Еще хуже, если вы свяжете свою жизнь с непорядочной женщиной, что более чем вероятно. Ваша честь будет опорочена, ваше достоинство попрано, ваше доброе имя смешано с грязью. И не ждите, что ваша жена станет испытывать хоть малейшие угрызения совести, что ее будет мучить чувство стыда; она найдет тысячи убедительных причин, по которым она вправе поступать по отношению к вам подлейшим образом, и тысячи оправданий для своего мерзкого поведения. Она станет обманывать вас с необыкновенной искренностью, потому что нет никого правдивее лживой женщины. Однако шила в мешке не утаишь, и рано или поздно вы узнаете о ее похождениях – разумеется, она скажет вам, что вы сами во всем виноваты, обольет вас помоями и закидает камнями. И как бы вы не поступили после этого, издевательский смех общества будет преследовать вас всю оставшуюся жизнь, ибо слухи о вашем позоре непременно просочатся сквозь стены вашего дома, а для общества нет более веселой темы для разговора, чем рассказ об обманутом муже.

Вот и подумайте, сэр племянник, подумайте хорошенько, надо ли вам губить свою жизнь?

– Да вы женоненавистник, дядя! Я и не подозревал, что вы так не любите женщин, – Джон рассмеялся, впрочем, с некоторой натянутостью.

– Я женоненавистник? Я их не люблю?! Да я не мыслю своего существования без женщин: пока они есть у меня, – я существую! – с возмущением воскликнул сэр Френсис.

– Но, судя по вашим поучениям, этого не скажешь, – Джон отпил глоток вина из своего бокала, продолжая искоса поглядывать на юную девушку, сопровождаемую ее отцом.

– Я всего лишь предостерег вас от ада супружества, но мог ли я возвести хулу на женщин! – возразил сэр Френсис, подав знак слуге, чтобы тот еще раз наполнил его стакан. – Я люблю их всех и всяких – блондинок и брюнеток, шатенок и рыжих; высоких и миниатюрных, пышных и худых; умненьких и глупеньких, говорливых и молчаливых! Мне приятно с ними общаться, мне легко с женщинами; я люблю их непринужденную болтовню, дружеские откровения, легкий флирт, нежные признания и бурные порывы страсти. А милые очертания их очаровательных лиц, а пленительные изгибы женского тела! Как оно красиво, оно божественно, в нем воплотилось совершенство!.. Любите женщин,

молодой человек, любите их, – и жизнь ваша будет яркой и полной!.. Но при этом берегите себя, цените себя, старайтесь не огорчать себя ничем. Докажите, что Господь не зря извлек вас из бесконечного небытия и дал вам возможность пожить в этом прекрасном мире! И тогда, перед тем, как опять уйти в бесконечность, вы сможете сказать: «Господи, как ты был прав, что выбрал меня для этой жизни, как я благодарен тебе за это! Надеюсь, что я не разочаровал тебя, Господи, а уж ты-то точно меня не разочаровал!»… Вы молоды, милорд, вы молоды, у вас всё впереди; как я завидую вам! Но ради бога, не разочаруйте меня, даже когда я уже буду в могиле, – ваше веселье здесь развеет мою скуку там. Пусть частица меня останется с вами и будет наслаждаться земными радостями!

* * *

Генрих вел Анну по длинным коридорам дворца. Лицо короля было красным от выпитого вина, а помутневший взгляд торопливо перебегал с одного укромного уголка на другой.

– Ваше величество, не надо. Не сейчас, ваше величество, – чуть не плача, шептала Анна, пытаясь вырвать свою руку из потной ладони короля, но Генрих не внимал мольбам девушки. Тяжело дыша, прихрамывая на левую ногу, он тащил Анну едва ли не волоком, заглядывая в каждую комнату, встречающуюся на пути.

Но дворец действительно был переполнен гостями. В залах шла большая игра в карты и в кости, в которой с одинаковым азартом участвовали мужчины и женщины, а в комнатах, в темных переходах и коридорах, – одним словом всюду, где только было возможно, – разгоряченные парочки воздавали с не меньшим азартом дань любви. Но это было бы ничего, – личные апартаменты короля уж наверняка никто не занял, – но среди дворян находились такие умники, которые, завидев Генрих с леди Анной без свиты и без охраны, тут же предлагали королю себя в сопровождающие. Генрих вначале отвечал вежливым отказом, потом перешел на отрывистое «нет», а после начал рычать на чересчур услужливых джентльменов.

Наконец, обливаясь потом, он дотащил свою спутницу почти до самого входа в заветные королевские покои, и тут откуда-то вдруг возник плюгавый, сильно нетрезвый джентльмен с козлиной бородкой. Задыхаясь от восторга, он тонким фальцетом пропищал:

– Позвольте сопроводить вас, ваше величество!

– Пошел вон, идиот! – рявкнул на него Генрих так громко, что эхо от королевского голоса разнеслось далеко по залам. Плюгавый моментально исчез, а Генрих, не выпуская руку Анны, ввалился в свои апартаменты, строго приказав гвардейцам у дверей, чтобы никого к нему не пускали.

– Лучше было бы сразу выгнать кого-нибудь из ближних комнат, чем тащиться в другой конец дворца, – ворчал Генрих, усаживая Анну на золоченную бархатную скамью. – Да ведь пришлось бы ставить стражу на входе, иначе каждую минуту нам могли бы помешать.

– Ваше величество… Генрих… Позвольте мне уйти, – Анна, встревоженная и смущенная, попыталась встать.

– О нас болтают бог знает что, а я еще ни разу не держал вас в своих объятиях, – недовольно сказал король, усаживаясь напротив нее и делая ей знак, чтобы она продолжала сидеть.

– До нашей свадьбы осталось совсем немного времени. Подождите, Генрих, – Анна умоляюще посмотрела на него.

– Подождите? Да я ждал уже целую вечность! Ждал решения парламента, решения папы, ждал, когда уедет Екатерина, – дело слишком затянулось. Нет, больше я не хочу ждать; вы прекрасно понимаете, Анна, что свадьба состоится в любом случае, никто и ничто теперь не в состоянии помешать ей. Однако эти приготовления… Судя по всему, они продлятся до зимы, черт возьми! Я не могу столько быть без вас, я вас люблю, я сгораю от страсти, – Генрих поднялся и подошел к Анне.

– Государь! Прошу вас! Генрих! – она беспомощно оглянулась на двери.

Не обращая внимания на ее сопротивление, король заключил девушку в тяжелые объятия и впился поцелуем в ее губы. Она хотела оттолкнуть его, но Генрих повалил ее на лежащую на полу медвежью шкуру и придавил тяжестью своего тела.

– Боже мой! Не надо! Ваше величество! – заплакала она, но Генрих не желал отступать. Он торопливо развязывал и рвал шнурки ее платья, а справившись с ними, быстро раздел девушку, отбросив в сторону ее нижние юбки и рубашку.

– Генрих! – отчаянно воскликнула Анна, в последний раз попытавшись вырваться, когда король привстал, чтобы расстегнуть штаны.

– Люблю тебя, – ответил Генрих, опускаясь на нее, и через несколько минут она вскрикнула, а король с придыханием сказал: – Девственница! – и прибавил: – Была…

* * *

Сэр Джеймс излагал королю план первоочередных реформ. Генрих, полуодетый, в широком халате сидел на кресле и рассеянно слушал его.

– Церковная собственность должна перейти под управление вашего величества; монастырское землевладение следует упразднить, а заодно и сами монастыри как совершенно бесполезные и неестественные образования. Землю крестьянских общин, приносящую смехотворно низкие доходы, также необходимо использовать более рационально. Для осуществления всех этих целей, государь, мы наметили состав Особого Комитета, который будет действовать под руководством сэра Арчибальда.

– Да, да! Вы правы, – кивал Генрих, глядя на медвежью шкуру на полу и смятую постель. Леди Анне так и не удалось покинуть королевских покоев до самого утра; Генрих взял ее трижды, прежде чем она ушла от него.

– К сожалению, какое-то количество крестьян лишится своих земельных наделов и, соответственно, нарушится традиционный способ жизни поселян, но без этого никак нельзя обойтись, – продолжал сэр Джеймс. – Когда идет строительство в обжитом месте, то приходится решительно ломать старые обветшавшие здания, чтобы построить новые, удобные и просторные. Возможно, что кое-кто возропщет, но потом все привыкнут к обновлению, и сами будут рады ему. Следует заметить, ваше величество, что Особый Комитет намерен содействовать развитию ремесла и торговли в королевстве; таким образом, крестьяне не останутся без средств к существованию, – у них появится возможность трудиться на мануфактурах, не беспокоясь ни о капризах погоды, ни о состоянии урожая, ни о здоровье домашнего скота. Счастливая и беззаботная жизнь ожидает их: хозяин возьмет на себя всю ответственность за дело, а им останется только получать деньги. Конечно, за эти деньги им нужно будет работать, но разве все мы, начиная с вашего величества, не работаем напряженно во имя процветания нашей страны? Если же человек не хочет в поте лица своего добывать хлеб свой, он нарушает законы и божеские, и человеческие. С такими людьми надо беспощадно бороться: по нашему мнению, государь, было бы очень неплохо принять законы, сурово карающие бездельников и бродяг. Наверно, сколько-то тунеядцев придется повесить, но зато остальные после этого приучатся к труду и будут довольны своим положением… Мы, ваше величество, произвели подсчеты, не оставляющие сомнений, что доходы государственной казны существенно увеличатся в результате осуществления тех мер, о принятии которых я нижайше прошу вас. Благосостояние ваших подданных возрастет,

а значит, они будут платить вам еще больше налогов. Оживление и рост ремесла, торговли, финансовых операций приведут к невиданному в истории подъему Англии, – и я глубоко убежден, что в недалеком будущем сам император не сможет тягаться с нами!

– Ну уж! – хмыкнул Генрих. – Тут вы хватили лишку, милорд! Империя огромна и могущественна, нашему маленькому королевству тяжело равняться с ней.

– Ваше величество! Когда вы увидите, как в скором времени преобразится ваше государство, вам не покажутся забавными мои прогнозы, – склонился перед королем сэр Джеймс.

– Хорошо, посмотрим, – пробормотал Генрих.

– Следует ли понимать ваши слова в том смысле, что вы одобряете проект реформ? – спросил сэр Джеймс.

– Да, одобряю, – сказал Генрих, зевая.

– В таком случае, позвольте мне завтра представить вам на утверждение список членов Комитета, а также первый пакет законов, необходимых для проведения реформ, – сэр Джеймс вкрадчиво взглянул на короля.

– Завтра? Так быстро?

– Зачем медлить с хорошими начинаниями, которые на века прославят имя вашего величества, – льстиво произнес сэр Джеймс, склонившись перед королем до пола.

– Но вы забываете, что эти законы надо еще обсудить в парламенте, – напомнил ему Генрих.

– О, ваше величество, после того, как из парламента были выведены смутьяны, заговорщики и горлопаны, можно не сомневаться, что он быстро и без проблем примет любые законы, которые ваше величество сочтет нужным вынести на его обсуждение! – сэр Джеймс тонко улыбнулся.

– Вы правы. Впрочем, у меня и раньше не было особых проблем с ним, – заметил король.

– Это еще раз доказывает мудрость вашего величества, – в третий раз склонился перед королем сэр Джеймс. – И в заключение разрешите пригласить вас, ваше величество, сегодня в театр, – сказал он. – Мы подготовили сюрприз для вас, государь. Зная вашу любовь к театральному искусству, мы попросили актеров сыграть пьесу, где в аллегорическом виде представлена борьба старых и новых веяний в нашей стране.

– Вот как? – Генрих был приятно поражен. – А кто же автор пьесы?

Сэр Джеймс потупился.

– Неужели вы, милорд? – еще больше изумился король. – Вот уж никогда бы не подумал, что вы сочиняете пьесы!

– Только одну, и только для вас, ваше величество, – извиняющимся тоном произнес сэр Джеймс.

– Интересно посмотреть. Обязательно буду. Надеюсь, что и леди Анна составит мне компанию, – сказал Генрих.

– Однако прошу не судить меня строго, ваше величество. Я писал эту пьесу не на потеху публике, а исключительно в назидательных и познавательных целях, – пояснил сэр Джеймс.

– Интересно посмотреть, – повторил Генрих, давая понять, что аудиенция закончена.

* * *

Один из пустырей на берегу Темзы был отведен под постройки, необходимые для постановки театральных спектаклей. Правильный прямоугольник, расчищенной от мусора, огородили высоким забором, к внутренней стороне которого пристроили ложи для знатных господ. Накануне представлений ложи украшались пестрыми занавесями и лентами, а внутри устанавливались скамьи, стулья или кресла в зависимости от ранга персон, занимавших эти места. Публика попроще должна была стоять перед сценой, под открытым небом; сама сцена также не имела крыши, лишь в дальнем углу ее был небольшой сарайчик, в котором актеры переодевались и ждали своего выхода во время спектакля.

Сущим бедствием для театра были собаки и нищие. Поскольку представления давались нерегулярно, то и собаки, и нищие считали пустующие в течение длительного времени театральные постройки своим домом, – причем, вожаки как собачьих стай, так и шаек бродяг занимали подобающие их высокому положению привилегированные места под сценой и в актерском сарайчике, а прочие члены шаек располагались в ложах или на открытой площадке, сбившись в кучи. Перед спектаклями все это лохматое и грязное общество изгонялось из театра; с воем, лаем, проклятьями и ругательствами оно покидало его под натиском городской стражи, оставляя при этом миллионы вшей, блох и прочих насекомых, которые тоже, видимо, считали театр своим законным домом и уходить отсюда не собирались.

В королевской ложе, поэтому, перед приходом его величества всегда раскладывались мешочки с травами, отгоняющими паразитов, и курились благовония, перебивающие неприятный запах. Всем прочим зрителям предоставлялось решать самим: бороться им с насекомыми и вонью, или нет.

…В день, когда давалась пьеса сэра Джеймса, театр был переполнен. Успех спектакля был предрешен еще до его начала: одно только присутствие короля и леди Анны привлекло сюда многочисленную публику. И погода благоприятствовала представлению: августовский вечер был тихим и теплым, безоблачное небо окрасилось разноцветными красками – от ярко-красных и багровых на западе до темно-синих и фиолетовых на востоке.

Ложи были наряжены и освещены; наряднее и ярче всех была, естественно, королевская ложа, первая у сцены. Все взоры были прикованы к ней. Король, как будто немного похудевший, с коротко подстриженной бородой, выглядел моложе своих лет, а леди Анна, напротив, казалась старше, чем она была в действительности. Лицо Анны было изможденным и осунувшимся, глаза впали, весь вид ее был подавленным и убитым. Несмотря на то что король относился к ней с необыкновенной нежностью, она ни разу не улыбнулась ему.

Помимо короля и леди Анны всеобщее внимание привлекал сэр Джеймс. Он сидел в соседней ложе, и к нему постоянно поднимались люди, пользующиеся влиянием в государстве. Сэр Джеймс отвечал им невпопад; он был очень рассеян и часто посматривал на сарайчик, откуда с минуты на минуту должны были появиться актеры. Не было никакого сомнения в том, что он нервничал, как любой автор, который в первый раз выставил свое произведение на суд публики.

Но вот раздался звук трубы, заставивший зрителей замолчать и повернуться к сцене. Там появился отряд трубачей, барабанщиков, литавристов и флейтистов. Маршевым шагом подошли они к краю сцены и так дружно грянули в свои инструменты, что у зрителей заложило уши. Сыграв с той же оглушительной силой всю свою бурную увертюру, музыканты застыли в картинных позах: одни, – подняв барабанные палочки вверх, другие, – приставив трубу к ноге, третьи, – упершись флейтой в грудь, а четвертые, – сдвинув литавры перед собой.

Вперед вышел старый заслуженный трагик, известный придворной публике исполнением роли *Философа* на королевской охоте осенью прошлого года, и зычным, хорошо поставленным голосом произнес:

– По милостивому разрешению его величества короля поставлена эта пьеса. Да славится его имя, да поможет ему Бог во всех его делах, да продлятся годы жизни его подобно мафусаиловым годам!

Люди в театре бешено захлопали и поворотились к королю. Генрих, широко улыбаясь, чуть-чуть склонил голову, благодаря

своих подданных за приветствие. Овация продолжалась долго, пока король не махнул рукой актерам, дабы те начали спектакль.

Музыканты ушли. На сцену выбежал комик, одетый шутом. Гримасничая и паясничая, он с хохотом прокричал:

– Пьеса! «*Тупая Косность и Остроумное Новаторство*»! Сочинение нашего уважаемого и достопочтенного сэра Джеймса! Вначале на сцену выйдет *Тупая Косность*, затем *Остроумное Новаторство*, и после *Разум* со своими слугами. Аллегория на современную тему! Внимайте, внимайте, внимайте!

Перекувырнувшись несколько раз через голову, комик скрылся в сарайчике на сцене. Зрители снисходительно захлопали.

На сцене появился актер, одетый в женскую старомодную, поношенную одежду, которая была ему велика размера на четыре, причем, каждая из принадлежностей его костюма была сшита так, что являлась пародией на саму себя. Актер изображал *Тупую Косность*. Заунывным голосом он прочел свой вступительный монолог, где, в числе прочего, говорилось:

> Меня вы знаете. Я – сила, что спасает мир,
> Хранит его от смут и потрясений…

При последних словах *Тупой Косности* из сарайчика вышел артист, играющий роль *Остроумного Новаторства.* На нем был одежда светлых тонов, ладно пригнанная к его стройной фигуре. Обращаясь к *Косности,* он произнес свой монолог, в котором были и такие слова:

> Ты славишь косность, но она – извечная преграда
> Для всего, что вдаль стремится!..

Затем между Косностью и Новаторством начался бурный спор, закончившийся руганью и даже дракой. Актеры усердствовали вовсю, так что Генрих поморщился:

– Они явно переигрывают. Вместо игры актеров они представляют нам игру в актеров.

Тут появился трагик, выступавший перед началом представления, а теперь исполняющий роль *Разума*. На его голове была корона, а лицо украшала густая рыжая борода. Зрители зашептались. *Разум* был очень похож на его величество. Король насторожился.

Обращаясь к *Косности, Разум* обличил ее во всевозможных преступлениях и сказал:

Довольно царствовать тебе,
Твой век прошел, грядет момент расплаты!
Ей, слуги, взять ее!
Преступницу осудим позже,
И вынесем ей строгий приговор.

Слуги *Разума* схватили визжащую *Косность* и унесли со сцены под свист и хохот публики, после чего *Разум* обратился к зрителям:

Не верьте, когда вам станут говорить о святости обычьев старых;
В словах тех ложь, обман и вероломство!
Не верьте, если будут уверять, что есть священные заветы,
От коих отступиться невозможно…

Но здесь ход спектакля прервался, произошло непредвиденное: откуда-то сверху вдруг посыпались какие-то листки. К ужасу публики на них был изображен король в сатанинском обличии, вокруг него – целый сонм чертей, в которых можно было легко узнать сэра Джеймса, сэра Арчибальда и других приближенных его величества, а над ними был грозный лик Христа с надписью «Аз воздам».

Один из этих мерзких листков упал прямо в королевскую ложу. Генрих, рассмотрев его, побагровел, зато на лице Анны впервые за все время представления мелькнула улыбка.

– Что это такое?! – прорычал король, глядя на перепуганных насмерть актеров. – Что происходит у вас в театре?

– Это не мы, ваше величество. Мы не виноваты. Богом клянемся! – залепетали *Косность, Новаторство* и *Разум*, в один миг превратившись в триединый Испуг.

– Они не виноваты, ваше величество, – поддержал актеров сэр Джеймс, нервно дергая свою бородку. – Это происки наших врагов.

– Это уж слишком! – раздался страшный голос короля в полной тишине театра. – Схватить виновников! Где же мастер Хэнкс, черт возьми?

– Я не видел его, ваше величество. С вашего позволения должен сказать, что он в последнее время пренебрегает своими обязанностями, – ответил сэр Джеймс.

– Пренебрегает? Хэнкс? – король недоверчиво посмотрел на него.

– Посудите сами, ваше величество, – заторопился тот, боясь, что его не дослушают. – Немалое количество людей выступили против ваших реформ, однако арестовано лишь несколько человек. Главный организатор и зачинщик недовольства сэр Томас содержится в тюрьме в хороших условиях, имея возможность сноситься со своими сторонниками на свободе, и что удивительно, мастер Хэнкс все еще не предоставил суду необходимые доказательства, обличающие преступника. Я уверен, что и сегодняшняя, возмутительная по дерзости выходка была организована приспешниками сэра Томаса! При этом мы, как ни странно, не видим здесь ни мастера Хэнкса, обязанного присутствовать на подобных мероприятиях по долгу службы, ни его сотрудников, что поразительно.

– Найдите его! – мрачно сказал Генрих. – Потребуйте у него объяснений, и после доложите мне. Сам я не хочу его видеть. Какая возмутительная беспечность! И напомните ему, что обвинительные материалы на сэра Томаса должны быть в ближайшие дни переданы в суд. – Я не намерен потакать возмутителям спокойствия, – так недолго докатиться до всеобщей смуты! – король снова возвысил голос, чтобы его слышали все находящиеся в театре. – Оскорбление короля – это первый шаг к подрыву государственной власти, и поэтому подобные деяния следует расценивать как тягчайшее государственное преступление. И пусть не ждут пощады, дерзнувшие на такое!

– Пойдемте, дорогая, – прибавил он уже иным, ласковым и заботливым тоном, подавая руку Анне. – Вы не испугались, моя милая? Простите своего Генрих за то, что он невольно причинил вам неприятности!

– О, нет, ваше величество, я не испугалась! – ответила она, пряча улыбку. – Да, и какие же, помилуйте, неприятности вы мне причинили?…

* * *

Сэр Джеймс скоро убедился, что невозможно найти мастера Хэнкса, когда тот не хочет, чтобы его нашли. Никто из придворных, включая членов Королевского Совета, не имел ни малейшего представления, где может находиться Хэнкс. Сэр Джеймс пытался разузнать о его местопребывании у работников секретной службы, но они клятвенно убеждали лорд-канцлера, что понятия не имеют, где сейчас их шеф. Ни угрозы, ни подкуп абсолютно на них не действовали, и сэр Джеймс вынужден был отступиться.

Вернувшись домой поздно вечером, он удрученно раздумывал над тем, что скажет завтра королю.

– Вас дожидаются, – сообщил сэру Джеймсу его секретарь Джонс.

– Мне только гостей не хватало, – с раздражением сказал сэр Джеймс. – Ну и денек выдался! Какой-нибудь дурак приехал выразить мне сочувствие в связи с провалом моей пьесы! Как вы посмели пустить чужого человека в такое время?

– Простите, милорд, но я не мог не пустить его. Это мастер Хэнкс, – ответил Джонс и его голос дрогнул.

– Хэнкс? – сэр Джеймс вытаращил глаза. – А я его разыскиваю. Вот удача! Где он?

– В малой гостиной.

– Очень хорошо. Проследите, чтобы нам никто не мешал.

– Прикажете распорядиться об ужине на двоих, милорд? – спросил Джонс.

– Ни в коем случае! Хэнкс не относится к числу моих друзей, да и в свой дом я его не приглашал, – сказал сэр Джеймс, направляясь в малую гостиную.

Мастер Хэнкс поклонился ему:

– Позвольте выразить вам мое почтение, господин лорд-канцлер. Извините, что приехал в ваш дом в столь поздний час.

– Пустяки, – сэр Джеймс опустился в кресло, но Хэнксу не предложил присесть. – А я ведь искал вас, мастер Хэнкс! Вам, наверно, передали? – он испытующе посмотрел на Хэнкса.

– Я был в провинции и лишь час назад прибыл в Лондон. Мне сообщили, что вы меня разыскивали, – невозмутимо ответил Хэнкс.

– Так вы были в провинции? Вот оно что! Вы допустили непозволительное упущение: пока вы наслаждались там видами природы, на короля было совершено покушение, – трагически произнес сэр Джеймс.

– Вы, видимо, говорите об эпизоде в театре? – спокойно уточнил Хэнкс.

– Вам и это уже известно? Если бы ваши люди также хорошо работали, как доносят вам обо всем, что происходит в домах уважаемых джентльменов, то не позволили бы злоумышленникам оскорбить его величество, – ехидно заметил сэр Джеймс.

– Доносить – тоже входит в их обязанности, – пояснил Хэнкс, по-прежнему сохраняя полное спокойствие.

– Возможно. Но все-таки их основная обязанность это охранять и защищать его величество, поэтому случай в театре может быть прямо поставлен им в вину, – и вам, естественно, как их непосредственному руководителю. Король ждет ваших

объяснений, мастер Хэнкс. Сам он не хочет вас видеть, и поручил мне выслушать вас, – сэр Джеймс надменно выпрямился в кресле.

– Уважая волю его величества, я с тем и приехал в ваш дом, чтобы дать разъяснения по поводу сегодняшнего происшествия, – склонил голову Хэнкс.

– Что? Вы и про поручение короля уже знаете? Поразительно! Вам известно про всё… – сэр Джеймс сделал паузу – Кроме того, что вам надлежит знать. Итак, я вас слушаю, мастер Хэнкс. Каковы ваши оправдания?

– Пусть его величество решит – оправданием или разъяснением можно назвать то, что я скажу. Впрочем, не смею дольше занимать ваше внимание ненужными словопрениями, господин лорд-канцлер, и перехожу к сути дела, – взгляд Хэнкса вдруг потяжелел и сэр Джеймс как-то сразу обмяк и съежился в своем кресле. – Вы спрашивали, почему меня не было в городе во время инцидента в театре? На то есть две взаимосвязанные причины. Первая – я был занят раскрытием заговора, настоящего заговора, заметьте эти слова. Некий монах Бенедиктус, доверенное лицо нашей бывшей королевы, пытался поднять на выступление крестьян крупного аббатства. Земли этого аббатства согласно указу короля переходят под власть государя, да и само оно скоро будет закрыто. Недовольные монахи подняли крестьян, в свою очередь недовольных потерей своих земельных наделов. Мятеж был хорошо организован и спланирован, за ним чувствовалась чья-то сильная воля и незаурядный ум. К счастью, нам удалось предотвратить бунт. Не буду вдаваться в ненужные, утомительные для вас подробности, но отмечу, что Бенедиктус, арестованный нами, был связан со многими влиятельными людьми за границей, желающими ослабления нашего государства и даже свержения нашего короля… Теперь о второй причине. Вы упрекаете меня в том, что я, уехав из Лондона, оставил королевскую особу без надлежащей охраны? Это неправда. Короля охраняли самым тщательным образом: мои люди неотступно, хотя и незаметно следовали за ним. Его величеству ровно ничего не угрожало; тем более что злоумышленники, совершившие вылазку в театре, были нам хорошо известны, и как я убедился, совершенно не опасны для короля.

– Я не понимаю вас, – перебил его сэр Джеймс. – Вы, что же, знали о готовящемся преступлении?

– Вы абсолютно правильно меня поняли, милорд. Я знал о нем, – кивнул Хэнкс.

– И вы не предотвратили его? – сэр Джеймс даже встал с кресла.

– Не только не предотвратил, но создал все условия, чтобы

происшествие в театре смогло случиться, – ответил Хэнкс, сохраняя все тот же тон.

– Вы, должно быть, шутите, мастер Хэнкс! – воскликнул сэр Джеймс. – Но если это правда, то вы – соучастник преступления, и вас следует немедленно заключить под стражу за оскорбление королевского величества!

– Не торопитесь, господин лорд-канцлер, дослушайте меня до конца. Те люди, которые нарисовали картинки, порочащие государя, а потом разбросали их во время театрального представления, уже находятся в тюрьме. Да, бог с ними, они просто безобидные идеалисты, решившиеся на такой шаг от собственной беспомощности! Важно другое: в результате их отчаянного поступка мы получили возможность разом покончить со всеми недовольными. Проследите за сплетением получившейся цепочки: заговор Бенедиктуса, мятеж, попытка дискредитации королевской власти, – а за этим стоят внутренние и внешние враги нашего государства. Опасность велика, и мы вправе прибегнуть к самым жестким и решительным мерам. Оскорбление короля вызовет гнев и возмущение всех его добрых подданных, которые, безусловно, с пониманием встретят законное возмездие, постигнувшее врагов его величества… Достаточно ли ясно я сказал? Так кто же я, по-вашему, соучастник преступления или верный слуга короля?

– Однако вы должны были предупредить его величество, – смутившись, пробормотал сэр Джеймс.

– Я бы это сделал, если бы был уверен, что государь сможет сдержать себя и не отменит представление в театре.

– Хорошо, я передам ваши объяснения его величеству, – неприязненно проговорил сэр Джеймс. – Но за вами есть еще одна провинность: король просил вам напомнить, что вы до сих пор не собрали обвинения против сэра Томаса. Его величество требует, чтобы сэр Томас в ближайшие дни предстал перед судом.

Лицо мастера Хэнкса стало угрюмым.

– Скажите государю, что его приказ будет выполнен. Сейчас сэра Томаса легко обвинить в связях с заговорщиками… А что, милорд, ловко у вас получилось с леди Анной Болейн, не так ли? – вдруг после паузы спросил Хэнкс, с презрением посмотрев на лорд-канцлера.

– Да как вы смеете? – побледнел от возмущения сэр Джеймс.

Хэнкс опустился в кресло напротив него и продолжал:

– Я говорю, что ваши друзья очень ловко, и, главное, в нужный момент подсунули королю эту молоденькую леди. Признайтесь мне по совести, сэр Джеймс, я никому не расскажу, у кого возник такой замечательный план: у вас или у ваших

покровителей за пределами нашего королевства?

– Вы забываетесь, Хэнкс! – закричал лорд-канцлер.

– Т-с-с! Не нужно кричать, еще подслушает кто-нибудь, – все так же презрительно сказал Хэнкс. – Ну можно ли поверить, что столь значительные реформы, которые вы проводите, не были подготовлены заранее? А деньги, которые вы получите в результате их проведения? Огромные суммы! Трудно представить, что ими будете распоряжаться только вы и ваши приятели из окружения сэра Арчибальда.

– Ну, знаете! – выдавил сэр Джеймс, потерявшись от негодования.

– Я всегда знаю, о чем говорю, – Хэнкс распустил верхние шнурки камзола и достал из-за пазухи маленький плотный листок пергамента, весь испещренный записями. – Ваш Особый Комитет официально еще не существует, но вам уже удалось продать с молотка имения пяти монастырей и земли тридцати трех крестьянских общин; вы и ваши приятели получили патент на открытие восьми финансовых контор и тринадцати мануфактур, причем, шесть контор и девять мануфактур уже действовали к моменту получения разрешения на их открытие. В прошлом месяце вы сумели перевести на свое имя серебряный рудник, принадлежавший казне, а поскольку закон запрещает отдавать серебряные копи в частные руки, то эта сделка была оформлена как продажа месторождения глины. Почти одновременно сэр Арчибальд присвоил себе три суконные мануфактуры, которые тоже были собственностью королевской казны, – а для этого ваш друг представил дело так, будто скупает убыточные предприятия. Список ваших махинаций может быть продолжен; я читаю по своим записям первое, что мне попалось на глаза… А неуплата налогов вашими друзьями из Комитета? Судя по подготовленным вами бумагам, вы заплатите намного меньше, чем должны.

– Уж этого вы знать не можете, – слабо возмутился растерянный и потрясенный сэр Джеймс. – Срок уплаты налогов еще не подошел.

– От того я с вами и говорю об этом сейчас. Когда вы обманете королевских фискалов или подкупите их, тогда будет поздно, – тогда надо будет применять карательные меры – сказал Хэнкс с отеческим участием. – Однако и на сегодня ваши провинности перед королем чрезвычайно велики, – продолжал Хэнкс, не сводя взгляд с Джеймса. – Вы и ваши приятели нанесли значительный ущерб казне его величества, а король этого не прощает. Вспомните судьбу одного из ваших предшественников на посту лорд-канцлера: он тоже присвоил себе немного денег из

казенных средств, – действительно немного, значительно меньше, чем вы, – и что же? Его отрубленная голова была воткнута на кол на мосту в назидание всем, кто захочет последовать примеру этого министра. Вы понимаете, надеюсь, что если я покажу королю этот листок, то в самом скором времени и ваша голова, и не менее благородные головы ваших друзей украсят собой всё тот же мост? Прошу вас заметить, на всякий случай, что моя внезапная смерть или исчезновение только убыстрят этот процесс, так как подробное описание ваших торгово-финансовых операций немедленно попадет в руки его величества сразу же вслед за моей кончиной или пропажей.

Сэр Джеймс, белый, как снег, безмолвно взирал на Хэнкса с тем выражением мольбы и отчаяния, с которым ребенок смотрит на отца, собирающегося наказать его.

– Но я не стану расстраивать его величество, если вы перестанете выкачивать деньги из нашего королевства, – после долгой, долгой паузы сказал Хэнкс. – У меня тут где-то записаны имена людей, которые в этом участвуют, – точно также как и имена тех, кто получает деньги, оставаясь за пределами нашего государства. Вы перекроете этот денежный поток, а я вам помогу в этом. Разумеется, вы вернете в казну всё полученное вами незаконным образом и, конечно же, правильно будете платить налоги… Вы согласны? Отлично. Я верил в ваше благоразумие.

– А вам какая тут выгода? Лично вам? Я не понимаю, – пробормотал сэр Джеймс.

– Моральное удовлетворение. Оно так дорого стоит, что его нельзя купить. Я состою на службе его величества, я служу нашему государству, и для меня довольно сознания того, что я делаю это хорошо. Вам не удастся меня понять, и не старайтесь, у вас иные представления о жизни, – Хэнкс растянул губы в неестественной улыбке.

– Но почему вы готовы встать на нашу сторону? – продолжал недоумевать сэр Джеймс.

– Из двух зол выбирают меньшее, – а мне приходится выбирать даже из трех зол: вы, сэр Томас или монах Бенедиктус. Я имею в виду не ваши персоны, как таковые, а те принципы, которые вы исповедуете. Я поясню. Начнем с монаха Бенедиктуса. Он воплощение фанатизма, неуемной жажды власти, власти однобокой и изуверской. Пойдут ли принципы Бенедиктуса на пользу нашей державе? Нет. Они отбросят ее назад… А сэр Томас? Что он принесет нам? Опасные мечты, красивые опасные мечты. Вера в добро, в благородство, в честность, вера в человека, – какая утопия! Вам-то не надо доказывать, что зло извечно торжествует над добром, а негодяи всегда берут верх над

честными людьми. Так было, и так будет. И чем притягательнее идеи добра, тем большую силу они дают мерзавцам, которые спешат воспользоваться ими. Я не позволю нашему королевству соскользнуть в адскую бездну по дороге, выложенной благими намерениями… Остаетесь вы. С вами всё легко и просто: сильные выживают, слабые погибают, а добро и зло воспринимаются исходя из принципа личной выгоды. Вы выпускаете на простор человеческую подлость, поэтому за вами будущее в нашем мире. Полагаю, что вы добьетесь больших успехов, и постараюсь, чтобы ваши успехи стали залогом успеха державы, – или вас заменят другие. Желающих много… Простите меня за дерзость моих слов, господин лорд-канцлер, – мастер Хэнкс поднялся с кресла и поклонился. – Но разрешите повторить вопрос: кто, все-таки, придумал свести леди Анну с королем?

– Клянусь спасением своей души, я ничего не знаю об этом! – горячо воскликнул сэр Джеймс, приложив обе руки к сердцу. – Я был уверен, что их роман возник сам собой!

– В самом деле? – Хэнкс пронзительно взглянул на сэра Джеймса. – Странно, но мне тоже ничего об этом не известно… Неужели, случайность, каприз судьбы? Впрочем, она любит смеяться над нами: вот так, из-за пустяка меняется ход истории.

* * *

В день казни сэра Томаса и монаха Бенедиктуса в Тауэре соблюдался обычный распорядок. С утра заключенным разнесли пищу, тяжелобольных посетил лекарь, умирающих – священник; по приговору суда были наказаны плетьми и заклеймены раскаленным железом двое мошенников-торговцев; да еще вырвали язык одному горожанину, неосторожно отозвавшемуся о короле.

Процедура смертной казни тоже была проста и скучна; поскольку пыток осужденных не планировалось, и казнь проводилась без присутствия публики, то палач и его помощники поставили во внутреннем дворе на землю старый изрубленный пень, воткнули в него топор, – и на этом приготовления закончились.

Единственное, что волновало начальника тюрьмы, надзирателей и палачей, – присутствие мастера Хэнкса, с раннего утра приехавшего сюда. Ни с кем не разговаривая, он прохаживался по узкому коридору, образованному двумя стенами, соединяющими выход из крепостной башни с внутренним двориком Тауэра. Непонятно было, зачем мастер

Хэнкс приехал так рано, и почему он ходит здесь под мелким противным дождем, который уже несколько раз прекращался и вновь начинал моросить.

Хэнкс, накрыв капюшоном голову, вышагивал от маленького кустика травы, выросшего у подножья башни, до угла стены, где хилый плющ, раскачиваемый ветром, отчаянно цеплялся за трещины в камнях. Одежда Хэнкса давно промокла, и, чтобы не замерзнуть, он часто отпивал свой особенный травник из фляги, которую не считал нужным прятать от тюремных смотрителей.

– Почему их не выводят? – спросил он начальника тюрьмы, считавшего своим долгом мокнуть под дождем, если мастер Хэнкс мокнет. – Разве обычай казнить преступников на рассвете уже отменен?

– Нет, но с вашего разрешения им было дано право на исполнение последнего желания, – объяснил начальник тюрьмы, дрожа от холода.

– И какое же последнее желание у монаха? – поинтересовался Хэнкс.

– Отстоять заутреню.

– Хм, мало ему исповеди и причастия, – проворчал Хэнкс, глотнув из фляги. – Ну, а сэр Томас?

– Он пишет письмо жене.

– Давно?

– С ночи.

Хэнкс покачал головой, но ничего не сказал.

– А вот и они! – начальник тюрьмы показал на осужденных, которых стражники вывели из башни. – Кого прикажете обезглавить первым?

– Монаха, – сказал Хэнкс, не глядя на приговоренных.

Начальник подбежал к стражникам и отдал соответствующее распоряжение. Они потащили Бенедиктуса к месту казни.

– Доколе, Господи, я буду взывать – и ты не слышишь; буду вопиять к тебе о насилии – и ты не спасаешь? – исступленно закричал он, вырываясь от солдат. – Для чего даешь мне видеть злодейство и смотреть на бедствия? Грабительство и насилие предо мною! Закон потерял силу, и суда праведного нет! Нечестивый одолевает праведного, и суд происходит превратный!

Хэнкс безучастно посмотрел на него и отступил в сторону, давая дорогу.

– Горе строящему город на крови и созидающему крепости неправдою! – выкрикнул монах ему в лицо, проходя рядом.

Мастер Хэнкс вдруг коротко и страшно рассмеялся. Начальник тюрьмы и стражники вздрогнули, а Бенедиктус сразу сник и покорно пошел во внутренний дворик к плахе.

– И обратятся богатства их в добычу, и дома их – в запустение, – вновь раздался голос невидимого теперь за стеной Бенедиктуса. – Они построят дома, а жить в них не будут; насадят виноградники, а вина из них не будут пить.

И после короткой паузы раздался последний возглас:

– Близок день гнева Господа! – и тут же пресекся, прерванный глухим дробящим стуком топора.

Хэнкс отпил из фляги и прислонился к стене, дожидаясь начальника тюрьмы. Тот очень скоро появился из-за стены и деловито сказал:

– Приговор приведен в исполнение. Прикажете второго?

– Оставьте меня с ним наедине. Ждите там, – Хэнкс махнул рукой в сторону места казни.

В глазах начальника промелькнуло удивление, но он покорно склонил голову и удалился. Мастер Хэнкс нетвердой походкой подошел к сэру Томасу, отрешенно стоявшему в одиночестве около башни.

– Может быть, у вас есть еще какие-нибудь просьбы? – спросил Хэнкс.

– Передайте, пожалуйста, это письмо моей жене, – сказал сэр Томас, отдавая ему лист бумаги. – Что ее ожидает?

– Не беспокойтесь. О ней позаботятся, она не будет знать нужды, – сказал Хэнкс. – Еще что-нибудь?

– Нет, больше просьб нет. Я закончил свои земные дела, я сдал командование и покидаю корабль. А свой отчет я дам Господу.

– Как знать, дадите ли, – пробормотал мастер Хэнкс, рассматривая кустик травы под ногами.

– Но уж я-то скоро это узнаю, – слабо улыбнулся сэр Томас. – Жаль, что вряд ли смогу что-либо рассказать вам.

Хэнкс достал флягу:

– Не хотите ли?

– Нет, спасибо.

– А я выпью, – Хэнкс глотнул травнику.

– Вы славный боцман, мастер Хэнкс, но вам нелегко служить под началом такого адмирала, как ваш король, – заметил сэр Томас.

Хэнкс дернул плечом и промолчал.

– Что же, я, пожалуй, пойду. Нехорошо заставлять людей ждать себя, да еще под таким холодным дождем, – сэр Томас зябко поежился. – Прощайте, мастер Хэнкс.

– Прощайте, сэр Томас, – ответил Хэнкс и отвернулся от него.

Он слышал шаги сэра Томаса по мокрому песку, потом – тишина, потом – удар топора.

– Все, – сказал себе Хэнкс, допил содержимое фляги и, пошатнувшись, направился к башне. Сзади он услышал оживленные голоса стражников:

– Дольше ждали… Чего тянули – непонятно! Само дело на одну минуту, а ожидание – на час. Ну, ладно, закончилось – и, слава богу!.. А я весь продрог до костей, пойдем, ребята, выпьем грогу!.. И джину!.. За упокой души супостатов и за наше здравие!.. И пусть будут прокляты те, кто не пьет! Если они, конечно, не мертвы!.. Аминь!

Часть 5. Измена

Родовые схватки у королевы Анны начались ночью. Генрих, спавший в последние три месяца отдельно от жены, немедленно, как только ему доложили о родах, пошел на ее половину. Он помнил, как рожала Екатерина, какое страшное изнуренное лицо у нее было, как тряслись ее руки; помнил ее спутанные, мокрые от пота волосы, раскиданные по подушке; помнил черные безумные глаза и сухие растрескавшиеся губы, искусанные в кровь. Та картина была ужасна, поэтому король с опаской заглянул в спальню Анны, ожидая увидеть нечто подобное. Но Анна вовсе не была ни страшна, ни отвратительна. Ее прекрасное молодое лицо было наполнено предчувствием великой радости материнства. И лишь мелкие капельки пота, выступившие на лбу, и тонкие пальцы, лихорадочно сжимающие простыни, выдавали мучения женского тела, избавляющегося от бремени плода.

– Скоро ли? – спросил Генрих у повивальных бабок, суетившихся около постели королевы.

– Нет, ваше величество. Судя по всему, еще не скоро. Только началось. Не раньше утра, – ответили ему.

Анна застонала. Король нагнулся и поцеловал ее.

– Уйдите, прошу вас! Вам тут не место, – преодолевая боль, произнесла она.

Генрих кивнул, отошел к дверям и подозвал главную повитуху.

– Вы головой отвечаете мне за моего сына, – вполголоса сказал он ей. – Упаси господи, если с ним что-нибудь случится! Вы умрете под пытками. Все вы.

– Богородица поможет королеве. Она позаботится о благополучном разрешении ее величества, – перекрестилась повитуха.

– Дай бог! – перекрестился и король.

Возвратившись в свои покои, Генрих отослал камердинеров, самостоятельно улегся в постель и долго ворочался, представляя себе, какой замечательный у него будет сын, каким славным королем он станет в будущем.

Проснувшись, Генрих сразу же осведомился, не родила ли королева? Ему доложили, что схватки участились, но воды еще не отошли.

– Долго рожает, – пробормотал Генрих, расплываясь в улыбке. – Точно будет сын. Мальчишки не торопятся вылезать на свет божий.

От волнений и переживаний король всегда чувствовал голод,

поэтому приказал скорее накрывать стол к завтраку. Оказалось, что стол уже накрыт, и особы, приглашенные для того чтобы разделить трапезу его величества, ожидают выхода короля.

– Прошу садиться, джентльмены, – сказал им Генрих, ответив на приветствия. – Что за чудесный денек выдался сегодня! Погода этой осенью стоит точно такая же, как в позапрошлом году, когда я объяснился с моей милой Анной и попросил ее стать моей женой. И вот сегодня она подарит мне сына! Я вижу во всем этом некое предзнаменование. Судя по срокам, Анна понесла перед рождественским постом, – и тогда тоже были погожие деньки! Это не случайно. Сама природа радуется появлению моего наследника… Сегодня я хочу попотчевать вас новым блюдом, – продолжал он, подав знак слугам открыть большую серебряную чашу. – Мой новый главный повар, француз, очень изобретателен по части необычных кушаний. То что вам предстоит попробовать, называется «салат». Для его приготовления использовано мясо фазанов и рябчиков, а также около десятка различных овощей; добавлены сметана, уксус, оливковое масло, горчица и еще специи, которые мы покупаем у португальцев по баснословным ценам. Оригинальность блюда заключается в том, что всё это тщательно перемешано и пропитано соусом – таким образом вы ощущаете вкус всех составляющих «салата» и не чувствуете вкуса ни одной из его частей по отдельности. Таковы французы: они хотят всего сразу, в необычном сочетании и с пикантным вкусом! Попробуйте, господа, – если вам и не понравится, то вы, по крайней мере, поймете французские наклонности.

– Ну, что? – спросил Генрих через несколько минут. – Как вам «салат»? Сэр Джон, вам понравилось?

– Вы правы, ваше величество. Вкус оригинальный, – ответил молодой человек.

– Интересно, что сказал бы по этому поводу ваш дядя. Бедный сэр Френсис! Как жаль, что он скончался! Нам его недостает. Надеюсь, он умер без страданий?

– О, ваше величество, вы всегда были добры к старику! А он, в свою очередь, был предан вам всем сердцем. Если бы сэр Френсис услышал, как вы вспоминаете о нем, он бы растрогался… Что же касается его кончины, то он умер не страдая. Вернувшись домой после свидания с двумя красотками в веселом доме, он хорошо поужинал, выпил две бутылки доброго хереса, лег спать – и не проснулся. Он умер довольным, не зная, что умирает. Возможно, он и до сих пор не знает, что он мертв, – улыбнулся Джон.

– Ну, ну, молодой человек, не богохульствуйте! – строго заметил король. – Душа вашего дяди сейчас на небе, и уж,

конечно, ей известно, что она рассталась с телом.

– Бедная душа моего дяди, тяжело ей, должно быть, без телесной оболочки! Что будет делать душа сэра Френсиса в райских кущах – без вина, красоток и вкусного обеда! – вновь усмехнулся Джон.

– Молодой человек, вы переходите границы дозволенного, – Генрих внушительно посмотрел на юношу. – Ваш дядя не был образцовым христианином, но он никогда не переходил через край. Я не потерплю святотатства в своем присутствии! Нет, вы подумайте, джентльмены, до чего распущена нынешняя молодежь! – прибавил король, обращаясь к остальным сотрапезникам. – Глядя на нравы наших юношей, я с горечью думаю, во что превратится в будущем наша держава.

– О, прошу простить меня, ваше величество! – Джон виновато склонил голову. – Поверьте, мои слова объясняются исключительно легкомыслием и отсутствием жизненного опыта. Я рос без отца; если бы не сэр Френсис, вообще неизвестно, что могло бы из меня получиться.

– Тем более вы должны стремиться к тому, чтобы быть достойным вашего дяди, – назидательно произнес король. – А вот мы сейчас проверим ваш ум и умение излагать свои мысли! Скажите, что вы думаете об обязанности человека продолжить свой род?

– Мне трудно судить об этом, ваше величество, я еще так молод, – смутился Джон – Но я постараюсь вспомнить наставления дядюшки. Он как-то говорил, что Господь дал нам способность к продолжению рода, дабы мы вечно помнили о грехопадении наших прародителей, ибо зачатие столь же приятно, как вкушение запретного плода, а рождение и воспитание потомства столь же горестно, как изгнание из Эдема. Но в том то и видна мудрость Господа, потому что если бы было наоборот, то нашлось бы немного желающих продолжить род человеческий.

– В чем же тяжесть и горесть воспитания потомства? – спросил Генрих.

– Горесть начинается еще до рождения младенца, когда будущий отец, глядя на большой живот своей жены, задается вопросом, а его ли это ребенок? – охотно стал пояснять Джон. – Согласитесь, что воспитывать чужого отпрыска, да еще зачатого во грехе, не очень-то приятно.

– Ну уж! – не согласился король. – Да разве все будущие отцы задаются таким вопросом? Послушать вас, так на свете нет женщин, которым можно доверять.

– Женщинам? Доверять?! – Джон сделал круглые глаза. – Мой

дядя учил меня, что никогда нельзя быть уверенным в трех вещах: в надежности своего пищеварения, в честности политиков и верности женщин.

– Ах, сэр Френсис, сэр Френсис! – покачал головой король. – Он был неисправимым скептиком… Но продолжайте, сэр, мы вас слушаем. Что вы нам еще расскажете о воспитании?

– Вы добры ко мне, ваше величество, не меньше, чем к моему дяде, – поклонился Джон. – Итак, оставим без рассмотрения первые годы жизни, когда младенец находится на руках нянек и его поведение ограничено животными потребностями. Вот, наконец, ребенок становится осмысленным и может воспринимать знания и опыт предшествующих поколений. Прекрасно! Но отчего дети охотнее перенимают плохое, чем хорошее? Посмотрите на школяров: среди них масса лоботрясов, бездельников, шалопаев, недоумков, жестоких сердцем и вечно склонных к гнусным каверзам. Ничего не помогает сделать их лучше: ни увещевания, ни внушения, ни наказания. Бедные родители с горестью смотрят на своих отпрысков и думают, – за какие грехи такое наказание!.. Дальше – хуже. Когда у мальчика начинают расти усы, а у девочки – грудь, тут происходит второй акт семейной трагедии. Влекомые Амуром и Венерой эти полудети-полувзрослые вытворяют такие вещи, которые не придут в голову ни детям, ни взрослым, – и самым вызывающим образом ведут себя по отношению к своим отцам и матерям. Вспомните, ваше величество, вспомните, джентльмены, как вы в переломном возрасте ненавидели своих родителей за то, что те пытались удержать вас на правильной дороге.

– Вы преувеличиваете, молодой человек, – заметил Генрих. – Я любил отца и мать, – полагаю, что наши уважаемые джентльмены также.

– Но я не сказал, что подростки не любят своих родителей, – возразил Джон. – Я сказал, что они их ненавидят. Ненависть не отрицает любовь, напротив, эти чувства так же неразлучны, как ночь и день, как дым и огонь.

– Опять вы играете словами, – прервал его король.

– Виноват, ваше величество. Дабы не запутаться в сложностях удивительного по своему безобразию отрочества, перейду к юности. «Вот когда я могу вздохнуть свободно, – говорит себе счастливый отец, глядя на возмужавшего сына, – вот когда я получу вознаграждение за свои труды. Он – продолжатель дел моих, опора моей немощной старости, ограда от врагов и ударов злой судьбы!» Не менее радуется и родитель прекрасной девицы: «До чего хорошо иметь дочь, – думает он, – которая будет заботиться о своем отце нежно и ласково, со вниманием и

терпением, как никто, кроме дочери, не позаботиться о стареющем мужчине! Я выдам ее замуж за достойного человека, и зять станет мне…» – ну, а дальше те же рассуждения, что и в первом случае. Но как ошибаются и тот, и другой! Как мы знаем, сын часто становится врагом своего отца – злейшим, чем самые злые враги; так уж устроила природа, – молодой вожак стаи всегда борется со старым, побеждает и убивает его. А бывает и так, что сын делается повесой, беспутным гулякой, мотом и расточителем, который не может дождаться смерти своего отца, чтобы овладеть его состоянием и растратить отцовские деньги… С дочерьми дело обстоит еще хуже: сколько их сбивается с пути истинного, доставляя страдание и стыд своим родителям; сколько, выйдя замуж, забывают отца и мать до тех пор, пока не придет срок делить наследство; сколько платят черной неблагодарностью за добро родительского дома!.. Нет, увольте, что касается меня, то я никогда не взвалю на себя ношу воспитания, – закончил свой рассказ Джон.

– А вы не боитесь, юный джентльмен, что ближе к старости вам захочется видеть около себя родное лицо, что вам захочется передать своему наследнику ваш жизненный опыт, а помимо того, отдать свое состояние не в чужие руки? – спросил Генрих.

– Возможно, ваше величество – согласился Джон. – Но у меня есть двоюродная сестра, которая собирается выйти замуж. Надеюсь, у нее будут дети, а в нашем роду первым всегда рождается мальчик. Вот пусть сестра и ее муж заботятся о воспитании своего сына, а для меня мой племянник будет и родным человеком, и учеником, и наследником, – то есть тем же, чем я был для сэра Френсиса.

– Не знаю, что здесь сказать, – пожал плечами Генрих. – С вашей колокольни, точнее с колокольни, построенной вашим дядей, земля видится по-иному. Сэр Френсис был в своем роде великий человек, но на высоту, которой он достиг, поднимался всю жизнь. Вы же хотите забраться на построенную им башню, чтобы поплевывать с нее на нас, грешных. В вашем-то возрасте!

– Кто из смертных знает, где вершина его жизни, и в каком возрасте он ее достигнет?… Простите мою дерзость, ваше величество, и вы, джентльмены! – поклонился королю и его сотрапезникам Джон. – Разрешите, однако, заметить, ваше величество, что и вы еще не достигли своей вершины, вам еще только предстоит ее достичь.

– Посмотрим, посмотрим, – Генрих довольно улыбнулся.

К нему подошел камергер и шепнул что-то на ухо. Король отбросил салфетку и встал из-за стола.

– Прошу простить меня, джентльмены, – сказал он. – Я

должен вас покинуть. Нет, нет, не расходитесь. Закончите завтрак, прошу вас! И выпейте за здоровье моего наследника, – будь он благословенен!

* * *

Страдая отдышкой, Генрих несся по дворцовым коридорам к комнате, где рожала Анна. Едва он зашел туда, как услышал пронзительный крик ребенка.

– Господь милосердный, у меня родился сын! – воскликнул Генрих, схватившись за сердце, на миг остановившееся от радости. Он хотел было подойти к кровати, на которой лежала его жена, но суетившиеся возле служанки остановили его:

– Извините ваше величество, подождите одну минуту! Сейчас мы все перестелем; одну минуту, ваше величество!

– Но покажите мне моего ребенка! Где он? – обратился король к повитухам.

– Вот, ваше величество, – старшая из них показала младенца, завернутого в шелковое одеяло. Он надрывался от плача, сморщив крошечное личико.

– Рыжий, – радостно сказал Генрих, приподняв край чепчика ребенка. – Наша порода. И похож на меня. Правда?

Повитухи смущенно переглянулись.

– Что такое? В чем дело? Да говорите же, черт возьми! – раздраженно крикнул король, переменившись в лице. – Что-то не так с моим сыном?

– Но ваше величество, – пробормотала старшая повитуха. – Это не мальчик, это девочка. У вас родилась дочь, ваше величество.

– Девочка? Дочь? – Генрих настолько растерялся, что не смог больше ничего сказать и только беспомощно развел руками. – Вы уверены в этом? – спросил он через несколько мгновений.

– Да, ваше величество. Не может быть никаких сомнений, – ответила повитуха с дрожью в голосе.

Король насупился и сжал кулаки. Лицо его побагровело, дыхание стало тяжелым и прерывистым. Все в комнате испуганно замерли, ожидая приступа королевского гнева.

– Дайте мне моего ребенка, – раздался в тишине слабый голос Анны.

Повитухи вопросительно взглянули на короля. Он отвернулся.

– Дайте мне мою дочь, – повторила Анна уже тверже.

Генрих махнул рукой, и тогда старшая повитуха отдала

младенца матери. Анна нежно обняла дочь и прикоснулась губами к ее лбу. Ребенок ткнулся в щеку матери и, нащупав ее нос, попытался сосать его.

Анна счастливо засмеялась.

– Покормите ее, – сказала она повитухам. – Где кормилица?

– Дожидается, ваше величество, – ответили ей. – Сейчас позовем.

Генрих вздохнул, пробурчал что-то и оборотился к супруге.

– Поздравляю вас, дорогая. Вам принесут мои подарки, – сказал он, и, подойдя к жене, поцеловал ее в голову.

– Спасибо, государь, – вежливо поблагодарила его Анна.

– Извините меня, но мне нужно уходить. Неотложные государственные дела, – прибавил Генрих.

– Я понимаю, ваше величество, и не смею вас задерживать, – кивнула Анна.

Король неловко поклонился ей и покинул комнату.

– Я выезжаю на охоту. Со мной небольшая свита. Приготовьте все немедленно! Меня не будет три дня, до крестин, – коротко и отрывисто приказал он придворным.

…Эта королевская охота надолго запомнилась егерям. Король, по многу часов не слезая с лошади, носился по лесам и безжалостно истреблял любую дичь, которую удавалось выследить и загнать. К вечеру, весь забрызганный кровью, король уходил в свой шатер и тяжело напивался там, чтобы утром вновь начать беспощадное истребление лесной живности. Туши добытых животных оставались гнить на полянах и воздух лесной чащи напитывался душным запахом разложения. «Славно отметил наш Генрих рождение дочери», – шептались егеря.

* * *

…Маленькая принцесса Елизавета сидела на мягком пушистом ковре в комнате своей матери и играла с забавными китайскими игрушками, привезенными для нее купцами.

– Мама, – вдруг спросила она, – а папа добрый?

– Он – король, – ответила Анна, слегка нахмурившись.

– Но он добрый? – продолжала допытываться девочка.

– Видишь ли, милая, король не всегда может быть добрым, – сказала Анна. – Ведь в государстве живет много разных людей, и среди них есть злые нехорошие люди. Государь не может быть добрым со злыми людьми.

– А священник говорит, что надо быть добрым со всеми, – не унималась Елизавета.

– Да, конечно, это так. Но король бывает иногда просто вынужден быть злым… Хотя я бы лично предпочла отказаться от короны, чем причинить вред кому-нибудь, – совершенно непоследовательно призналась Анна.

Девочка немного подумала, а потом продолжила разговор:

– А я стану королевой?

Анна вздохнула и обняла дочь.

– Тебе хочется стать королевой? Поверь мне, в этом мало радости. Кроме того, тебе сложно будет занять престол: если даже у тебя не появится братик, то все равно королевой станет Мария, а не ты.

– Да, она – взрослая… – протянула Елизавета и спросила:

– А где ее мама?

– Ее мама уехала из нашей страны, а после умерла, – неохотно пояснила Анна.

Девочка снова задумалась.

– Но, значит, у Мэри есть только папа, и у меня есть тот же папа, а еще у меня есть мама, – почему же Мэри станет королевой, а не я?

– Но она гораздо старше тебя, – напомнила Анна.

– Да, она взрослая… – повторила Елизавета. – Но она злая и некрасивая.

– Нехорошо так говорить о своей сестре, да и вообще о ком бы то ни было, – назидательно сказала Анна. – Злословие – это грех.

– Прости, мамочка, – девочка прижалась к ней.

– Избегай грехов, милая. Горе тому, через кого они входят в мир. Отмщение от Бога ждет грешников и на этом, и на том свете, – Анна погладила дочь по голове.

– Мам, – спросила Елизавета, выждав немного, – а как же Бог за всеми углядит? Ведь людей много, а он один?

– Глупенькая, какая ты глупенькая! А считаешь себя умнее Марии! – рассмеялась Анна. – Неужели священник не говорил тебе, что Бог всемогущ и всеведущ, и все наши дела и помыслы ему известны?

– Говорить-то он говорил… – с сомнением сказала девочка.

– Тсс, я слышу шаги короля. Он идет сюда, – сказала Анна. – Пожалуйста, поклонись ему, как следует, и называй его «ваше величество».

Генрих, хромая, вошел в комнату.

– Здравствуйте, моя милая, здравствуйте, ваше высочество, – поздоровался он с женой и дочерью.

– Бог мой, какая сырая погода, – моя нога ноет и ноет, и не дает мне покоя! – Генрих уселся в кресло, сбросил на пол

подушку и осторожно положил на нее свою больную ногу.

– Вы погрузнели, ваше величество. Вам надо ограничить ваше питание, – сказала ему Анна.

– При чем тут питание? – поднял брови король. – Я вам про одно, а вы – про другое! Я ем не больше остальных… Так, ваше высочество, а вы что делали? – спросил он Елизавету.

– Я играла в куклы, ваше величество, – поклонилась ему принцесса.

– В куклы? Очень мило, – рассеянно сказал Генрих и прибавил, обращаясь к жене: – А она прекрасно говорит, четко произносит слова. Удивительно. Помнится, Мария в ее возрасте только мычала что-то нечленораздельное. Да, Елизавета делает большие успехи…

Наступила тишина. Анна стояла перед королем, глядя себе под ноги, а он рассматривал гобелен на стене, будто видел его в первый раз. Елизавета, ухватившись за руку Анны, переводила взгляд с отца на мать, пытаясь понять, почему они молчат.

– Вы не оставите нас, ваше высочество? – внезапно произнес Генрих так громко, что девочка вздрогнула. – Мне надо потолковать с королевой наедине.

Елизавета, не забыв присесть в поклоне, выскочила из комнаты.

– Да, умная девочка. Но – девочка! – пробурчал король, посмотрев ей вслед.

– Я хотел спросить вас, моя милая, нет ли у вас признаков беременности? У вас, вроде бы, случилась задержка? – в голосе Генрих прозвучала надежда.

Анна смутилась и покраснела.

– Нет, ваше величество, все восстановилось. Обычные женские дела. Я не беременна, – сказала она.

Генрих насупился.

– Я не понимаю, что у нас происходит. Я, кажется, регулярно исполняю свой супружеский долг, – почему вы не родите мне сына?

– Видно, Бог этого не хочет, – ответила Анна, мельком взглянув на побагровевшего короля.

– Отчего бы Богу этого не хотеть? – сдавленно произнес тот, сдерживая гнев. – Разве я не очистил нашу веру, разве не засияла она в первозданном блеске и величии? Нет, моя милая, у меня возникает такое ощущение, что это не Бог, а вы, именно вы, не хотите, чтобы у меня родился наследник!

– Как я могу помешать этому? Вы не можете упрекнуть меня в том, что я нарушаю обязанности жены, – холодно проговорила Анна, глядя теперь прямо в глаза королю.

– Да, это верно… – осекся он. – Но почему же, черт меня возьми совсем, у нас нет сына? Почему вы не можете забеременеть? А может быть, вы вообще уже никогда не забеременеете?

– Врачи говорят, что я здорова.

– А-а-а, врачи! – Генрих махнул рукой. – Что они знают! Если бы они действительно умели лечить болезни, на земле давно бы никто не болел. Сколько веков существует медицина, а болезней становится все больше. Не напоминайте мне о врачах; они не могут вылечить даже мою ногу, которая не ранена, не покалечена, не обожжена, а просто болит изнутри. Я заплатил этим эскулапам столько золота, что хватило бы на излечение всех больных ног на свете, а они лишь мучают меня бессмысленными процедурами и запутывают мудреными латинскими терминами. Я несколько раз порывался издать указ о том, чтобы повесить всех врачей. Людям от этого стало бы легче жить, – по крайней мере, доктора перестали бы их дурачить и вытягивать из них деньги… Не напоминайте мне о врачах!

Он с трудом поднялся с кресла и сказал:

– Что же нам остается делать, моя милая? Видимо, только молиться и продолжать стараться изо всех сил. Я все еще верю, что вы родите мне наследника. Прошу, умоляю вас, – постарайтесь, и я стану самым счастливым мужем и отцом на свете! А тогда и мои чувства к вам окрепнут во сто раз, хотя и без того вы одна живете в моем сердце.

* * *

Покинув покои королевы, Генрих, чертыхаясь, проклиная свою больную ногу и всех докторов мира, добрался до приемного зала, где его ждал сэр Джеймс.

– Надеюсь, милорд, дела, о которых вы хотели поговорить со мной, действительно так важны, что стоят моих страданий, – проворчал король. – В противном случае вы человек без жалости.

– О, я всей душой сочувствую вашему величеству! – сказал сэр Джеймс. – Я бы не осмелился побеспокоить вас, если бы не возникли вопросы, требующие немедленного решения.

– Дьявольщина! – король, морщась, потер свою ногу. – Докладывайте же скорее, не тяните время!

– Особый Комитет умоляет ваше величество принять срочные меры по наведению порядка в государстве, – сэр Джеймс передал королю свиток с прошением.

– Что такое? В нашем королевстве беспорядки? – переспросил

Генрих. – А почему мы не знаем об этом? Мастер Хэнкс ничего нам не докладывал.

– Нет, ваше величество, прошу меня простить, я не точно выразился. Это беспорядки такого рода, которые не несут в себе угрозу вашему величеству и королевству. Однако сэр Арчибальд как глава Особого Комитета все же несколько обеспокоен положением в стране.

– Говорите же яснее, черт возьми! – прервал сэра Джеймса король.

– Извините, ваше величество. Речь идет о том, что законы, которые должны помочь Комитету в проведении реформ, законы, утвержденные вашим величеством, – не действуют!

– Какие законы вы имеете в виду? – Генрих с гримасой боли на лице попытался вытянуть ногу.

– Например, закон о выселении. В нем сказано, что человек, лишившийся своей собственности – дома, земли и тому подобное – должен в месячный срок покинуть свои бывшие владения, в противном случае он подлежит насильственному выселению. Казалось бы, что здесь непонятного? Но находятся люди, которые сопротивляются выселению, обосновывая это тем, что им и их семьям якобы негде жить и нечем прокормиться. Какая наглая ложь! Вы, наверно, помните, ваше величество, что подписали указ об использовании нищих и бездомных в специальных работных домах. Каждому там найдется дело – мужчинам, женщинам, детям, старикам, – и все они будут обеспечены жильем и питанием. Что же касается не желающих работать, то их надо ловить и также отправлять в работные дома. За поимку бродяг можно назначить небольшое вознаграждение, и, уверяю вас, полиции не придется трудиться, – добрые граждане сами переловят и сдадут властям всех нищих. Тех же, кто сбежит из работного дома – вешать. В конечном итоге, доходы от работных домов перекроют расходы на борьбу с бродяжничеством. У меня тут произведены соответствующие расчеты, – сэр Джеймс вытащил из мешка для бумаг еще один свиток.

– Оставьте, – простонал король. – Я вам верю. Что вы хотите?

– Ужесточить законы о выселении и о бродяжничестве.

– Согласен.

Сэр Джеймс тут же подал королю заранее подготовленный указ и достал еще одну бумагу.

– Бог мой! – мученически произнес Генрих. – Вы никак не угомонитесь! Что еще?

– Сбор налогов, ваше величество. Комитет предлагает изменить суммы сборов.

– Как это – изменить? – Генрих с подозрением посмотрел на

сэра Джеймса.

– Прошу выслушать меня, ваше величество, – заволновался тот, почувствовав недоброжелательные нотки в голосе короля.

– А я что делаю? – сказал Генрих. – Я вас слушаю, невзирая на адскую боль в ноге. Итак, что там по поводу налогов?

– Сейчас, как вам известно, мы берем одинаковые налоги со всех, а Комитет предлагает брать налог в зависимости от размера состояния и доходов каждого человека, – выпалил сэр Джеймс.

– Вот как? – король задумался. – Что же, в этом предложении есть разумный элемент. Но как решились на это сэр Арчибальд и другие члены Комитета? Ведь они – богатейшие люди, и, тем не менее, готовы добровольно принять закон, который лишит их приличной части денег?

– Простите, ваше величество, я опять неправильно изложил свою мысль, – сэр Джеймс отчего-то испугался. – Речь идет о том, чтобы больший налог брать с бедных, а с богатых – существенно меньший.

Король так удивился, что забыл о своей больной ноге.

– Не пойму… Как это? – он беспомощно уставился на сэра Джеймса.

– Нельзя разорять богатых. Они – столп нашего государства, их деньги работают на благо всего королевства. К тому же, имея большие доходы ваши зажиточные подданные и без того платят значительные налоги в казну, – сказал сэр Джеймс. – С бедняками дело обстоит иначе. На свои жалкие гроши они не могут открыть собственное дело. Но у бедняков есть важное преимущество с точки зрения государственных интересов: бедняков много, – если с каждого из них взять больший налог, чем сейчас, сумма набежит значительная.

– Но на что они будут жить? – спросил Генрих.

– Пусть больше работают! – ответил сэр Джеймс. – Тогда у них будут деньги и на уплату налогов, и на жизнь. А кто не сможет заплатить налоги, у того отбирать имущество – и отправлять в работный дом.

– Вам не откажешь в логике, – заметил король. – Ваши рассуждения основательные, но не вызовет ли увеличение налогов волнений в народе?

– Ну, это уже забота мастера Хэнкса! Я уверен, что он справится с этим, – убежденно сказал сэр Джеймс.

– Ладно, оставляйте ваши бумаги, – Генрих, кряхтя, потер ногу. – Когда боль утихнет, я просмотрю их. Но, помните, сэр Джеймс, если сборы в казну упадут, если в королевстве что-нибудь будет не так в результате ваших нововведений, – я пойду еще на один расход: дам возможность палачу заработать на вашей

казни!

* * *

Мастер Хэнкс сидел за простым сосновым столом в угловой комнате казенного дома, что стоял у ограды королевского парка, и читал полученные за прошедшие дни доносы.

Доносы приходили всегда, менялся только характер обвинений. До королевских реформ почти в каждом доносе сообщалось об отступлении некоего лица или лиц от святой папской церкви и о преступных поползновениях к изменению установленных Богом старых порядков; теперь же доносили о заговорах папистов и о попытках восстановить ненавистные прежние порядки в королевстве.

Мастер Хэнкс, перечитавший за многие годы своей службы тысячи доносов, безошибочно определял, какие из них написаны из корыстных побуждений, какие – из зависти, ненависти, страха или желания отомстить. Были среди доносчиков и бескорыстные радетели о благе государства, были и дураки с богатой фантазией, были идиоты с больным воображением. Но все же среди этого мутного потока изредка попадались правдивые сообщения, – вот почему мастер Хэнкс периодически самолично просматривал доносы.

Он сидел за этим занятием уже давно, и справа от него на столе возвышалась большая груда прочитанных бумаг. Слева оставалась небольшая стопка листов, еще не прочитанных мастером Хэнксом. Он взял очередной донос, пробежал глазами, вдруг остановился, задумался, прочитал во второй раз и положил этот лист посреди стола. Потом бегло просмотрел оставшиеся доносы, отбрасывая бумаги в правую стопку, пока слева не осталось ни одной из них. Тогда мастер Хэнкс потянулся, встал, покрутил головой, разминая затекшую шею, и позвонил в колокольчик.

Через мгновение в комнате появился человек в серой одежде. Мастер Хэнкс взял груду листов с правой стороны стола и передал этому человеку.

– Приобщите к сообщениям, полученным за прошлую неделю, – приказал ему Хэнкс. – Не забудьте выписать имена доносчиков в отдельную папку. Люди, приславшие нам донос, фактически уже состоят на государственной службе, и в любой момент могут понадобиться. Это – первое. Второе, – когда было получено последнее сообщение от девицы Сью, фрейлины королевы?

– Пять дней назад.

– Пять дней назад, – повторил Хэнкс. – Да, я помню это сообщение… Срочно вызовете ко мне девицу Сью, и чтобы никто об этом не знал.

– Слушаюсь, – по-военному коротко ответил человек в сером.

– Идите.

Когда тот вышел, Хэнкс присел за стол и в третий раз перечитал отложенную бумагу; потом встал, подошел к камину и бросил ее в огонь. Взяв кочергу, поворошил горящие ошметки листа, пока они не превратились в бесформенный пепел; этот пепел Хэнкс перемешал с золой от сгоревших поленьев и только тогда поставил кочергу на место, а сам остался стоять у камина, глядя на языки пламени.

Запыхавшаяся, промокшая под дождем Сью вбежала в комнату. Прическа девушки была растрепана, один из шнурков платья не завязан, а на шее виднелся след от поцелуя, который Сью безуспешно попыталась прикрыть ниткой жемчужного ожерелья.

Хэнкс повернулся к ней и вежливо сказал:

– Извините, что пришлось оторвать вас от дел, но у меня есть к вам несколько вопросов, ответы на которые я хотел бы услышать немедленно.

– Ах, что вы! – воскликнула Сью, поправляя ожерелье на шее. – Я ничем особенным не была занята. Так, обычные обязанности, какие бывают у фрейлины королевы. Вы не представляете, сколько мне всего приходится делать.

– Вот о королеве я и хотел с вами поговорить, – перебил ее Хэнкс. – В вашем последнем донесении, составленном пять дней назад, вы написали о поездке ее величества в приют для подкидышей, – тот, что раньше был на попечении монахинь.

– О, да, ее величество посетила несчастных сирот и внесла деньги на их содержание! Королева – просто образец милосердия и доброты, – Сью возвела глаза к потолку.

– Это прекрасно, – кивнул Хэнкс, – но речь у нас пойдет о другом. В поездке королеву сопровождала многочисленная свита, не так ли?

– Конечно, так положено по этикету.

– В том числе ее двоюродный брат сэр Джордж?

– Сэр Джордж? – Сью задумалась. – Ах, да, действительно! Молодой джентльмен в красивом белом камзоле. Он был в свите королевы.

– Почему вы не отразили это в своем отчете?

– Ну, мало ли джентльменов сопровождали ее величество! Если бы я писала обо всех, мне не хватило бы целого дня для того

чтобы перечислить их имена, – улыбнулась Сью.

– В частности, вам нужно было бы упомянуть и некоего джентльмена, которого зовут Флэтч. Он, ведь, тоже совершил эту поездку?

– Флэтч? – Сью призадумалась. – Да, я его помню. Он тоже был. Но я по-прежнему не понимаю, чего вы от меня хотите, мастер Хэнкс?

– Я не сомневаюсь, что вы помните Флэтча. Вы ведь хотите выйти за него замуж? Не смущайтесь, я вполне понимаю ваше желание соединить свою судьбу с этим достойным молодым человеком, и уверен, что вы добьетесь своего… Не возражайте! У нас мало времени, вы должны вернуться во дворец как можно быстрее, чтобы никто не заметил вашей отлучки, в особенности ее величество… Итак, я ничего не имею против вашего замужества, но мне будет крайне неприятно, если личные дела станут мешать исполнению важных государственных обязанностей, – сказал Хэнкс с угрозой. – Если вы будете пренебрегать теми поручениями, которые я вам даю, то боюсь, вам придется покинуть королевский двор и столицу, – и захочет ли тогда Флэтч взять вас в жены? А может быть, с вами случится что-нибудь и похуже.

– Ах, мастер Хэнкс, зачем вы так говорите? Разве я не стараюсь изо всех сил, разве я не делаю все, что вы мне приказываете? – Сью всхлипнула, сделав обиженное лицо.

– Оставьте ваши слезы для сэра Флэтча, они наверняка действуют на него безотказно. Отвечайте на мои вопросы. Королева во время своей поездки всегда была на людях, или случались моменты, когда ее никто не видел?

– Ну, вообще, всегда… Хотя, возможно, случались такие моменты, – замялась Сью.

– Ясно, вы толком не знаете, не заметили. Второй вопрос: когда королева вернулась из поездки, чем она была занята? Где ваш отчет за последние дни?

– Да ничего необычного не было! Я поэтому и не писала отчет, – стала оправдываться Сью, искательно заглядывая Хэнксу в глаза.

– Не было ничего необычного? У меня иная информация. На празднике, который состоялся позавчера, снова присутствовал сэр Джордж. Как известно, его величество, собираясь наутро на охоту, покинул праздник вскоре после полуночи, – а когда королева вернулась в свои покои? Вы знаете? Нет? Я вам скажу, – под утро. Нам, впрочем, известно, где она была в течение ночи, – ничего предосудительного, – но есть небольшой промежуток времени, когда ее величество находилась вне нашего наблюдения. Мои

люди допустили халатность, и тут вы могли бы нам помочь, если бы не забыли о своей прямой обязанности: всегда быть рядом с королевой, – выговаривал девушке Хэнкс.

– Но что случилось? И почему вы во второй раз упоминаете о сэре Джордже? Неужели между королевой и сэром Джорджом что-то было? – Сью жадно уставилась на мастера Хэнкса.

– Ответ на этот вопрос я и хотел от вас услышать, – жестко сказал он.

Сью вначале побледнела, а затем покраснела.

– Боже мой, неужели!.. – вскричала она. – О, простите меня, мастер Хэнкс, простите ради бога! Я не доглядела!

– Будем надеяться, что ничего страшного пока не произошло. Но отныне вы будете везде и всюду неотступно следовать за ее величеством и докладывать нам о каждом ее шаге. При этом постарайтесь не вызвать у королевы подозрений.

– О, не беспокойтесь, ее величество мне доверяет! – горячо сказала Сью.

В глазах Хэнкса промелькнула усмешка:

– Доверяет? Это хорошо… Я рад, что вам понятна ваша задача. Жду от вас донесений, – холодно прибавил он, заканчивая разговор.

Как только Сью ушла, Хэнкс опять вызвал человека в сером.

– Мое самочувствие в последнее время ухудшилось, – внезапно сообщил он ему. – Завтра я отправлю доклад его величеству, в котором буду просить отпуск. Король любит охоту и вернется нескоро; я не думаю, что он мне откажет. Я уеду в свое имение.

– Ваше имение? – позволил себе удивиться человек в сером.

– Имение – это громко сказано. Простая деревенская ферма, которую я приобрел в деревенской глуши. Там, на лоне природы, я хочу подлечиться.

– Вам выделить охрану?

– Нет, не надо. Ферма достаточно хорошо укреплена, и там есть люди, которые ее охраняют. К тому же система оповещения поставлена таким образом, что я буду знать о каждом человеке, приблизившимся к границам моих владений. Если мне понадобится связаться с вами, я пришлю курьера, а вы не тревожьте меня без чрезвычайной надобности. Вы меня поняли?

– Как прикажете, – кивнул человек в сером.

– Все донесения будете читать сами, и фрейлине Сью скажите, чтобы она передавала свои отчеты вам. Впрочем, я думаю, что известие о моей болезни быстро распространится при дворе, так что фрейлина не будет особенно вас утомлять своими докладами.

* * *

Королева Анна слушала игру музыкантов. Они исполняли старинные народные песни, а в заключение пропели баллады на стихи авторов нынешнего века. Королеве запомнились два четверостишия:

Пусть почести влекут неугомонных,
Палаты, храмы, толпы у ворот,
Сокровища, что тысячи забот
И тысячи ночей несут бессонных.

Волшебные цветы лугов зеленых,
В прохладной мураве журчанье вод
И птичка, что любовь свою зовет,
Влияют благотворней на влюбленных.

Она глубоко вздохнула, услышав эти строки.

Отпустив музыкантов, Анна сидела неподвижно у стола, машинально перебирая красивые камешки, которые оставила здесь ее дочь, и глядя на огонь в камине. Сью примостилась на бархатном табурете возле королевы и терпеливо ждала, когда та отвлечется от своих мыслей.

Анна вздохнула еще раз, и еще, и затем сказала:

– Было время, когда король сам сочинял для меня стихи и песни. Он клялся мне в своей любви.

– Я уверена, что его величество и сейчас любит вас, мадам, – возразила Сью.

– Не знаю. Может быть. Но его любовь очень странная: то он груб со мной, то чрезвычайно любезен; я не могу поделиться с ним моими проблемами, он равнодушен к моим переживаниям; я ощущаю себя вещью, принадлежащей Генриху, о которой он вспоминает только тогда, когда она ему нужна. Возможно, он считает такие отношения нормальными между супругами, возможно для него это и есть любовь, но для меня любовь – нечто иное! А, кроме того, меня оскорбляют и унижают его бесконечные упреки в том, что я не родила ему сына. Как будто я этого не хочу, как будто я специально родила девочку и отказываюсь больше рожать! – Анна гневно отбросила камешки в сторону.

– А как он относится к Елизавете! – горько сказала она, переведя дух. – Ребенок-то в чем виноват? Она такая смышленая девочка, всё понимает, – каково ей чувствовать, что отец не любит ее? И за что? Лишь за то, что она девочка, а не мальчик!

Сью внимательно слушала королеву, кивая головой и поддакивая.

– Я не навязывалась его величеству, – гордо произнесла Анна, – и не добивалась его любви. Мне не нужна корона, не нужна власть и не нужны богатства, если за них надо отдать в уплату свое счастье. Я почти ничего не понимаю в финансах, но цену счастья я знаю хорошо: оно стоит дороже, чем все королевства на свете.

– О, да, мадам, – вздохнула Сью. – Конечно, что может быть дороже любви и преданности! Как прекрасно, когда рядом есть человек, который ценит, уважает и по-настоящему любит вас, не правда ли?

– Да, наверное, – Анна поправила прическу и зачем-то повернула браслет на левой руке.

– Ступай, милая Сью! Ты мне сегодня больше не понадобишься, – сказала она.

– Но ведь еще так рано, мадам. Неужели вы ляжете спать? – удивилась фрейлина.

– Ступай, – повторила Анна. – И, пожалуйста, передай всем моим придворным, что они тоже свободны на сегодня. Скажи им, что королева будет молиться допоздна, а после сама приготовится ко сну. Прикажи также гвардейцам никого сюда не пускать.

– Но если его величество вернется и захочет войти к вам? – переспросила Сью, расширив глаза.

– Король не вернется раньше следующей недели, – уверенно ответила Анна. – Он увлечен травлей зверей; он далеко от Лондона. Иди, милая Сью! Ты мой хороший верный друг, но сейчас я должна остаться одна.

* * *

Выждав несколько минут после ухода Сью, Анна подошла к дверям и прислушалась. Голоса придворных, раздававшиеся в приемном зале, стихли, из чего Анна заключила, что все разошлись. Для верности она постояла у дверей еще немного, но всё было тихо; лишь у одного из гвардейцев, стоящих в карауле, алебарда ударилась о каску, когда он переминался с ноги на ногу.

Тогда Анна прошла в гардеробную, рядом с которой была ее туалетная комната. Тут она с большим трудом освободилась от тяжелого, украшенного золотым шитьем парчового платья и сняла шелковую нижнюю рубаху. Затем, намочив губку в ароматической воде, она тщательно протерла всё тело; после

этого надела тонкую льняную сорочку и темно-синее шерстяное платье, в котором была похожа на женщину из небогатой дворянской семьи. Из украшений она оставила браслет на левой руке, а сережки поменяла на бирюзовые, которые носила еще в девичестве.

Осмотрев себя в зеркало, она осталась довольна своим видом. Вытащив из-за груды старых платьев теплый суконный плащ с накидкой, Анна перекинула его через руку и направилась к спальне.

Здесь у стены стоял шкаф, оставшийся от прежней обстановки. Придворных удивляло, почему новая королева не избавилась от него, – никто и не подозревал, что шкаф скрывает тайный ход, ведущий из спальни королевы в дворцовые подвалы; оттуда по подземному тоннелю можно было выйти за пределы дворца. Этот тайный ход был пробит еще при отце Генриха, боявшегося заговоров; Анна узнала о нем от самого короля, а больше он никому не был известен.

Менее чем через час, королева, закутанная в суконный плащ и никем не узнанная, сошла с нанятого ей в городе портшеза и скрылась в маленьком чистом домике на тихой тупиковой улочке. В единственной комнате этого домика ее ждал молодой джентльмен с расчесанной бородкой, волосы которой были собраны в элегантный пучок и подвязаны шелковой синей лентой. При виде королевы джентльмен пал на колени и вскричал:

– Жизнь мне дарующая прекраснейшая из женщин! Сколько лет, нет, сколько столетий ждал я вас?! Но вот вы пришли, и сотни лет ожидания ничто по сравнению с минутой свидания с вами!

– Ах, Джордж, вы не можете обойтись без выспренности! – с досадой сказала Анна. – Почему вы не хотите говорить просто, без затей и без надрыва? Иногда мне кажется, что ваше чувство ко мне надумано и идет не от сердца.

– О, разве я вам дал хоть малейший повод усомниться в моей любви к вам? – воскликнул Джордж. – Я любил вас, когда судьба разлучила нас, когда вы стали супругой короля и королевой. Я страдал, видя вас, и умирал, когда был лишен этого страдальческого удовольствия! Я чахнул, как чахнет дерево с подрубленными корнями; я был обречен на смерть! И вдруг, о чудо, вы подали мне робкую надежду на счастье, – и воссияло солнце, и жизнь вернулась ко мне! Да, я плачу от счастья, я смеюсь от радости, – как я могу оставаться спокойным? Может ли быть спокойной буря, может ли быть тихим шторм?

– Хорошо, Джордж, простите меня, я не хотела вас обидеть; видно, такая у вас манера любить. Не перебивайте меня, я хочу

сказать вам нечто очень важное. После давешнего праздника, после нашего решительного объяснения, я поняла, что мы были всегда предназначены друг для друга. Я едва могла дождаться удобного момента, чтобы придти сюда. Я очень соскучилась. Вы и моя дочь – два единственных человека в мире, которых я люблю, – проговорив это, Анна покраснела, но не отвела глаз от Джорджа. – Вы понимаете, что будет, если кто-нибудь узнает, что я была здесь, с вами наедине? – продолжала она. – Мы погибнем. Но мне все равно. Я не могу без вас, Джордж.

– Боже мой, ведь ваш муж – король! – закрыл он лицо руками.

– Теперь нам уже нечего терять… Ну что же вы стоите? Подойдите ко мне…

– Анна… Дорогая… – он хотел что-то возразить, и тогда Анна подошла к нему сама и закрыла рот поцелуем.

Он все еще не смел ответить на ее ласки, но она взяла его руку, положила на свою грудь, – и тут он уже не выдержал…

* * *

Король, вернувшись с охоты, принялся сильно пить, по большой части в одиночестве, но иногда из его покоев раздавались женский хохот и визг, – среди придворных ходили скандальные слухи о подробностях королевских попоек. Сью считала своей обязанностью рассказывать королеве обо всех придворных сплетнях, но на Анну они не производили никакого впечатления. Она безучастно внимала рассказам Сью, думая о чем-то своем.

Сью заметила, что королева заметно погрустнела после возвращения короля с охоты, настроение Анны было подавленным. Сью, как по долгу тайной государственной службы, так и из мучительного личного любопытства, решила выяснить, что происходит с королевой. С утра до вечера Сью вилась около нее, проявляя участие и сочувствие. Рано или поздно ей захочется высказаться, думала Сью, а настоящих друзей у королевы нет; к кому же еще ей обратится, как не к своей фрейлине, которая всей душой привязана к ней?

Расчеты Сью полностью оправдались. Скоро у Анны случилось что-то вроде лихорадки, но услугами придворного лекаря королева воспользоваться категорически отказалась и лечь в постель до выздоровления также не пожелала. Она бродила по своим покоям, закутавшись в теплую меховую накидку и не находила себе места и занятия: то садилась в кресло, то вскакивала с него; взяв какую-нибудь книгу, она начинала читать,

но затем с досадой отбрасывала книгу в сторону, и, усевшись за стол, размышляла о чем-то. Даже присутствие дочери, раньше всегда приятное для Анны, теперь, казалось, было ей в тягость. Она как будто стеснялась девочки и вела себя с ней неловко и натянуто…

Терпение фрейлины было, в конце концов, вознаграждено. Однажды вечером королева сидела в своем кресле, уткнувшись в воротник накидки и глядя в темное окно, на котором отражались всполохи светильников.

– Какая ужасная погода этой весной! – сказала она. – Хлещет дождь, некуда нельзя выйти.

– Да, ваше величество. Очень плохая погода, – согласилась Сью.

Королева надолго замолчала.

– Ты любишь меня, Сью? – внезапно спросила она, лихорадочно блестя глазами.

– О, ваше величество! Вы для меня – всё! – воскликнула Сью с неподдельным чувством.

– Мне надо передать письмо одному человеку. Ты сделаешь это во имя нашей дружбы? – Анна пристально посмотрела на нее.

– Конечно, ваше величество! – с готовность вскричала Сью. – Я сделаю для вас всё что угодно!

– Но видишь ли, моя милая Сью… Как бы тебе объяснить… Видишь ли, о письме никто не должен знать. Это моя тайна, – тихо сказала Анна надтреснутым голосом.

– Вы можете полностью довериться мне, ваше величество, – прошептала Сью и поцеловала плечо королевы.

– Не надо, – отодвинулась Анна. – Я хочу, чтобы ты по-дружески помогла мне, а не потому, что ты мне служишь. Ты – мой единственный друг, я люблю тебя; если тебе что-то понадобится, я тоже всё для тебя сделаю.

– Я и так многим вам обязана, мадам. Поверьте, я помню о своем долге, – проговорила Сью, присев в поклоне.

– Хорошо, я верю тебе! Сейчас ступай отдыхать, а утром приходи пораньше: письмо будет готово, – королева все с той же лихорадочной нетерпеливостью вскочила с кресла и указала рукой на дверь.

– Но вы не сказали, кому я должна буду отдать письмо? – спросила Сью.

– Завтра я скажу. Ну, ступай же, ступай, ты меня задерживаешь! – Анна от досады даже притопнула ногой.

Сью вылетела из комнаты.

Анна подошла к бюро, вынула бумагу, перо, чернила, и принялась за письмо. Она трудилась над ним долго: зачеркивала,

исправляла, быстро сочиняла целые абзацы, а после выбрасывала их и заменяла новыми. Наконец, когда письмо было готово, она тщательно переписала его набело:

«Мой дорогой, мой любимый Джордж! Чем дольше я вас не вижу, тем больше понимаю, как я вас люблю! Я не могу жить без вас. Я заболела, лишенная возможности хотя бы издали посмотреть на вас, услышать ваш голос; не говорю уже о таком счастье, как прикоснуться к вам, обнять вас и самой оказаться в ваших объятиях…

Мой врач пытался лечить меня какими-то снадобьями, – я едва не рассмеялась над ним: ведь для меня есть только одно лекарство – быть рядом с вами. Если бы это было возможно, моя болезнь прошла бы в одну минуту, и я была бы так счастлива, как может быть счастлива женщина, которой Бог даровал большую любовь.

Вы упрекали меня моим замужеством и ревновали меня к моему мужу: мой дорогой Джордж, не обижайтесь, но это просто глупо, – я уже три года замужем, но даже не представляла, какое блаженство может принести близость с любимым человеком. Я признаюсь вам в том, в чем постеснялась бы признаться любая другая женщина. Я сгораю от желания вновь ощутить ваше крепкое мужественное тело, чтобы насладиться им, слиться в одну плоть, перестав различать, где мое естество, а где ваше…

Видите, вы можете упрекать меня за нескромность, но не за холодность!..

И прошу вас, забудьте о моем муже, как забыла о нем я. Да и в чем мы с вами виноваты? Я вышла замуж не по своей воле, я не желала этого брака, мне были не нужны корона и власть. Если бы вы были решительнее, если бы я была решительнее, мы могли бы бежать, еще тогда, перед моим замужеством, вы помните?

Но я не стану мучить вас бесполезными воспоминаниями о нашей общей слабости; давайте лучше решим, как нам быть теперь? Не знаю, что вы предложите, но я придумала следующее. Я собираюсь просить развод у короля, чтобы выйти замуж за вас. Не удивляйтесь, это не сумасшествие, послушайте, что я вам скажу! Король сам доказал нам, что развод необходим, когда один из супругов начинает тяготиться совместной жизнью, и тем более, когда он полюбил другого

человека. Разве Генрих не развелся с Екатериной, чтобы жениться на мне, разве не отбросил он условности, которые считались священными? Почему же я не могу поступить по его примеру? Я никогда не любила и не люблю короля, я люблю вас, и я стала вашей женой, – если не перед людьми, то перед Богом, – следовательно, мы просто должны узаконить то, что произошло… Правильно я рассуждаю? Единственное препятствие к разводу – это упрямство и сумасбродство Генриха, но я попробую убедить его. Несмотря на вспыльчивость и взбалмошность короля, он разумный человек и хорошо ко мне относится; я почти уверена, что он поймет меня.

А если нет, что же… Мы погибнем, но погибнем честно, не тая своей любви, – Пресвятая Дева простит нас и соединит наши души уже в ином мире. Мне горько и радостно думать о таком исходе. Горько, потому что мы не заслужили наказания; радостно, потому что наша любовь бессмертна. В последнее время я стала очень религиозной и часто вспоминаю о Боге; пусть Он рассудит всех нас!

Но столь же часто я думаю и о кознях судьбы… Вчера ночью я написала стихи в первый раз в жизни. Не смейтесь, Джордж, они вышли сами собой, как будто кто-то продиктовал их мне. Вот они:

Судьба! Столь шатка ты, сколь непрочна!
Зачем так разум страждущий терзать?
Господь – свидетель, ты была вольна,
И жизнь мне дать, и в счастье отказать.
Виновного освободив от пут,
Творишь над невиновным тяжкий суд.
Невинного лишаешь всех отрад,
Храня от смерти тех, кто виноват.
Но Жребий завистью не побороть.
За все дела и всем воздаст Господь.

Этими стихами я и заканчиваю мое письмо. Жду от вас вестей и верю, что вы поддержите меня. Прощайте, мой любимый, мой милый, мой дорогой Джордж!

Ваша Анна.

P. S. Когда напишете ответное письмо, можете передать его мне через фрейлину Сью, которая принесет вам мое послание. Ей можно доверять: она мне предана и сделает всё, что я попрошу».

* * *

Утром Сью взяла письмо королевы. Имя адресата не стало для фрейлины неожиданностью, но любопытство ее от этого не уменьшилось; она не могла не прочитать послание Анны. Да и чего опасаться? Мастер Хэнкс был тяжело болен (говорили, что он лежит при смерти в своем имении), а его людей Сью не боялась. В конце концов, она рисковала собой на государственной службе, – имела она право на небольшое моральное вознаграждение?

Все эти доводы показались фрейлине очень убедительными; не в силах больше сдерживать свое люопытство, она нашла во дворце тихий уголок, сломала печать на письме и принялась жадно вчитываться в послание. Очень скоро лицо Сью приняло то выражение, которое бывает у охотника, убившего свою добычу после длительного преследования. Она даже взвизгнула от восторга и еще дважды перечитала письмо королевы, наслаждаясь таким необыкновенным трофеем.

Боже, Сью отдала бы десять лет жизни за то, чтобы рассказать кому-нибудь о прочитанном, но уж этого делать было никак нельзя! Увы, государственная служба чрезвычайно трудна, и надо иметь просто-таки незаурядную выдержку для того чтобы с честью нести ее тяготы! Сью вздохнула, свернула послание королевы, приладила сломанную печать и побежала к дому у ограды королевского парка, чтобы отдать письмо невзрачному человеку в сером, замещавшему мастера Хэнкса.

В этом доме Сью давно знали в лицо, поэтому ее тут же препроводили в угловую комнату, где обычно работал мастер Хэнкс, а сейчас трудился его помощник.

– Мастер Хэнкс просил вас не приходить сюда без крайней надобности, – сказал этот человек фрейлине. – У нас достаточно людей во дворце, через которых вы можете передавать свои донесения.

– Сегодня мне следовало придти именно сюда, – возразила Сью. – Прочитайте письмо королевы, и вы поймете, почему я торопилась.

Человек в сером исподлобья глянул на девушку и принял из ее рук послание Анны.

– Странно, но печать сломана, – пробурчал он себе под нос, рассматривая письмо.

– Так получилось, – сказала Сью с большим чувством собственного достоинства.

– Как это – «так получилось»?

– Да вы читайте! – нетерпеливо воскликнула Сью. – Читайте, не пожалеете!

Человек в сером сделал какую-то непонятную гримасу – и стал читать.

После первых же прочитанных фраз его лицо, и без того имевшее нездоровый цвет, приняло землистый оттенок и к тому же изменило форму: рот перекосился на левую сторону, щеки обвисли, скулы оттопырились, а уши выпятились. Сью с огромным удовольствием наблюдала за произведенным эффектом.

Когда человек в сером дочитал письмо до конца, он несколько минут сидел абсолютно неподвижно, затем в горле его что-то булькнуло, и он хрипло спросил:

– Когда вы узнали? О королеве и сэре Джордже? Когда у них началось?

– Я узнала только сегодня. Клянусь вам! – горячо воскликнула Сью.

– И вы ничего не замечали раньше? Как это возможно? Как могла королева встречаться со своим кузеном так, что об этом никто не знал? Где они встречались? – выдавливал из себя вопросы человек в сером, пронизывая девушку страшным взглядом.

– Не знаю. Клянусь слезами Пречистой Девы! Мастер Хэнкс поручил мне тщательно наблюдать за ее величеством. У него были какие-то сомнения по поводу ее кузена, но и сам мастер Хэнкс точно ничего не знал. А я старалась как можно лучше выполнить его поручение, я сделала всё что смогла. Вот письмо королевы, а если бы не я, то кто бы вам его принес? Да королева и не доверила бы это письмо никому, кроме меня! Я так старалась, а вы устраиваете мне допрос, – всхлипнула Сью.

– Разве это допрос? – человек в сером растянул губы в жуткой улыбке. – Вы еще не знаете, как мы допрашиваем.

– Клянусь, я говорю правду! – заплакала Сью.

– Ладно, пока будем считать, что это так. Мы проверим ваши показания. Идите, и продолжайте смотреть за королевой, – сказал помощник Хэнкса, скривившись будто от зубной боли.

Сью, однако, не собиралась уходить. Она утирала слезы и тяжело вздыхала, не трогаясь с места.

– В чем дело? – раздраженно спросил человек в сером.

– Мне было обещано ежемесячное вознаграждение за мою службу, но за прошлый месяц я не получила ни гроша. Я – бедная девушка, я рассчитывала на эти деньги, – жалобно сказала она.

– Получите у нашего казначея. Комната в конце коридора, – отрывисто произнес человек в сером.

– Да, я знаю. Но помимо того мне обещали дополнительную плату за важные сообщения. Письмо королевы – это, ведь, важное

сообщение? – Сью попыталась заглянуть помощнику Хэнкса в глаза.

– Каждому воздастся по заслугам, – пробормотал он; потом взял листок бумаги и написал на нем несколько слов. – Отдадите казначею, он оплатит ваш труд.

– Мне было обещано также, что я смогу выйти замуж за сэра Флэтча, который недавно предложил мне руку и сердце, и к которому я испытываю самую глубокую симпатию, – прибавила Сью, продолжая просительно смотреть на человека в сером.

– Выходите за кого хотите, нас это не касается, – с ненавистью проговорил он и почти закричал: – У вас все?! Идите же к королеве!

– Ах, спасибо вам огромное! – прощебетала Сью. – Вы так любезны. Иду, и можете не сомневаться во мне, – я день и ночь готова служить королю!..

Оставшись один, человек в сером обхватил голову руками и принялся раскачиваться над столом, издавая сдавленные стоны. Его положение было ужасным. Он обязан был передать письмо королевы его величеству, – и страшно было даже представить себе реакцию Генриха! Король, конечно же, спросит, что делала его секретная служба: почему за Анной не проследили должным образом, почему не предотвратили ее измену?

Что можно было на это ответить? Никакие слова не исправят того, что случилось…

А как все хорошо складывалось! Человек в сером сделал блестящую карьеру на тайной государственной службе, став помощником ее руководителя. А тут еще болезнь Хэнкса, – человек в сером уже видел себя на его месте.

«Да не выдумал ли проклятый Хэнкс свою болезнь?!» – вдруг озарило человека в сером. Странно и внезапно заболел мастер Хэнкс, и сначала это показалось подозрительным, но потом его первый помощник уверовал в свою счастливую планету и отбросил подозрения. Но теперь-то он не сомневался, что Хэнкс просто сделал его козлом отпущения, подставив его голову вместо своей!

Но зачем старой лисе понадобилось уничтожение королевы? Чем она ему насолила; какую опасность он видел в ней для государства? Если бы угадать мысли Хэнкса, тогда можно было бы представить это дело королю в каком-то ином виде…

Однако сколько человек в сером не думал, никакой опасности, исходящей от Анны, он найти не мог; как не поворачивай, королева была совершенно безобидным существом. Первый помощник пытался придумать, каким образом можно было бы свалить вину на Сью, но и здесь ничего не выходило.

Было понятно, что фрейлина королевы и под пытками покажет, что она ничего не знала о преступной связи ее величества, и то же самое скажут все агенты, наблюдавшие за Анной.

Оставалось одно: пойти к королю и признаться в своем непозволительном упущении. Маленькая надежда оставалась у человека в сером на Хэнкса, – возможно, тот сумеет спасти его, помня о непорочной службе своего помощника. Если же нет, то было еще одно, последнее утешение: палач в королевской тюрьме был настоящим мастером своего дела и рубил головы осужденным одним молниеносным ударом, уверяя, что они не успевают почувствовать никакой боли, лишь приятную прохладу стали топора.

* * *

Когда Генрих прочитал письмо, он недоуменно посмотрел на помощника мастера Хэнкса.

– Это что же, подлог? – растерянно спросил он. – Кто-то хочет опорочить королеву?

– Нет, ваше величество. Письмо подлинное, – обречено сказал человек в сером, уже слыша хруст своих шейных позвонков под ударом топора.

– Подлинное? То есть вы хотите сказать, что его написала сама королева? – переспросил король, все еще отказываясь верить.

Человек в сером молча кивнул. Тогда лицо Генрих дрогнуло и жалобно исказилось, а из уст короля вырвался судорожный вздох, похожий на всхлипывание.

Человек в сером так испугался, что едва не потерял сознание; перед глазами у него всё поплыло, и он должен был отставить в сторону ногу, чтобы не упасть. Придя в себя, он увидел, что король побагровел настолько, что, казалось, кровь вот-вот прорвет поры его лица. Генрих жадно заглатывал воздух, разрывая камзол на груди; борода короля встопорщилась, а усы вздыбились выше носа.

У помощника мастера Хэнкса вырвался нервный смех, и он перестал понимать, где находится и что происходит вокруг него.

– Шлюха! Гнусная шлюха! – завопил король, и от его крика погасли огни свечей на большом напольном канделябре. – Отдаться какому-то ничтожеству, забыв о супружеской верности; слиться с ним в похотливом порыве, презрев чистоту и женское целомудрие; нарушить клятву, данную Богу, – какую подлую душонку надо иметь, чтобы пойти на такое! И она – моя жена?!

Шлюха! Гнусная шлюха!

Получается, что она три года обманывала меня?! Хотела бежать с ним перед свадьбой – значит, уже тогда водилась с этим негодяем? Может быть, и Елизавета – не моя дочь? Могу ли я быть уверенным в своем отцовстве с эдакой женой? Почему она не могла забеременеть от меня после рождения дочери?… А я так любил Анну; любил ее взгляд, ее голос, ее походку; любил ее тихое дыхание в ночи, пряди ее волос, рассыпавшиеся по подушке, щеки, порозовевшие от сна; я любил запах ее духов, шелест ее платья, тепло ее руки в своей руке. Я готов был простить ей холодность, равнодушие и невнимание ко мне; после одного ее приветливого слова я забывал все нанесенные мне обиды; я гордился своей женой и радовался тому, что на ней женился! А она?! Она втоптала меня в грязь, надругалась надо мной, предала мою любовь! Шлюха! Мерзкая шлюха!

Она валялась в постели со своим любовником, забыв меня, заменив меня им! Она раздевалась перед ним, как передо мною, – и он рассматривал и ласкал ее, становясь ей мужем во плоти. Он входил в ее лоно, в святая святых, в алтарь супружества, – и осквернял его своим присутствием и своим семенем! И она позволяла ему все это, и стонала от удовольствия! Шлюха! Грязная шлюха!

Бог мой, ради этой потаскухи я развелся с Екатериной, которая, что ни говори, всегда была верна мне; поссорился с императором, который помогал нашему королевству. Я был проклят святейшим папой, я разрушил церковь, оплот нашей жизни; я казнил моих лучших подданных, я казнил сэра Томаса! Ради нее я навеки погубил свою душу! Шлюха! Подлая шлюха!

И она еще пишет о разводе?! Ха-ха-ха! Чтобы она гордилась собой, думая, какая она умная, как ловко она одурачила мужа, – и наслаждалась страстью с тем ничтожеством на мокрых от любовного пота простынях? Ну, нет, дорогая женушка, тебе придется заплатить за обман, за подлость и предательство! Я задушу тебя своими руками, гадина! Я отдам тебя палачу и буду смотреть, как он сдирает с тебя кожу и тянет из тебя сухожилия! Я прикажу поджарить тебя на медленном огне, залить твою глотку свинцом, переломать твои кости сустав за суставом! Шлюха! Преступная шлюха!..

Генрих задыхался от гнева; на глаза ему попался канделябр с погасшими свечами, и король с такой силой толкнул его, что тот со страшным грохотом упал, повредив красивую мозаику напольного покрытия. В дверях показалось испуганное лицо обер-лакея.

– Вон!!! – крикнул король, потрясая кулаками, и лакей

моментально исчез.

Тут Генрих обнаружил человека в сером, застывшего посреди комнаты без движения и без дыхания.

– Хороша у меня секретная служба, нечего сказать! – с яростью сказал он ему. – Если уж такое просмотрела, то зачем она вообще нужна! Как вы могли не доглядеть за королевой? А может, Анна вас подкупила?… Вы пойдете на плаху!

– Ваше величество… – загробным голосом произнес человек в сером и замолк.

– Что, «ваше величество»? Я всех вас казню! И чем, интересно, занимается ваш руководитель? Наш славный мастер Хэнкс по-прежнему отдыхает в своем имении? – ядовито поинтересовался Генрих.

– Ваше величество, он серьезно болен. Не встает с постели. Неизвестно, дотянет ли он до лета, – человек в сером позволил себе вздохнуть.

– Болен? Я заметил, – его все время нет, когда что-нибудь случается! То он в отъезде, то болен. Послать за ним тотчас же! И пусть его привезут, даже если над ним уже прочитали отходную молитву! – и король со злостью пнул ногой поверженный канделябр.

* * *

Однако Генрих не мог оставаться во дворце, не мог просто ждать приезда Хэнкса и ничего не делать. Он чувствовал, что если срочно не уедет отсюда, то еще до вечера убьет Анну без суда и следствия. Взяв с собой отряд гвардейцев, король в сопровождении человека в сером сам поскакал в имение мастера Хэнкса.

Когда Генрих выезжал из города, дождь прекратился, из-за облаков выглянуло весеннее солнце, но к вечеру вдруг пошел такой снег, что всадникам, скачущим позади отряда, не было видно тех, кто скакал впереди. В быстро наступивших сумерках ощущение реальности, и без того призрачное, окончательно утратилось: в серо-белесой несущейся пелене снега очертания предметов размывались, создавая бесформенные причудливые силуэты; линии сливались и обрывались, образуя то зияющие пустоты, то переплетения сложных изломанных фигур; тени вдруг переходили в свет, сразу же гаснущий во тьме.

Генриху казалось, что он видит тяжелый фантасмагорический сон; надо только проснуться, и все кошмары уйдут, – не будет этой бредовой скачки, не будет измены Анна, которая и есть

самый страшный кошмар. Но запах снега, промокшей одежды, людского и лошадиного пота, но бряцание сбруи и оружия, чавканье копыт коней по грязи, – все свидетельствовало о том, что происходящее не было сном…

Для борьбы с кошмаром наяву Генрих знал испытанное средство, которое, хотя и на время, но помогало. К этому средству он и прибег, остановившись на каком-то богом забытым постоялом дворе, и прибег так основательно, что уже через час свалился со скамьи. Гвардейцы, оттащившие Генриха в постель, потом долго спорили о том, сколько король выпил бренди, – и пришли к выводу, что выпито было немало, учитывая количество этого напитка, которое было необходимо для приведения в бессознательное состояние такого могучего мужчины, как Генрих.

…Поместье Хэнкса находилось среди лесов и болот, в глухой местности, где крестьянские поселения встречались так же редко, как островки пригодной для обработки земли среди мшистой, покрытой валунами лесной целины. Как ни странно, в каждой деревне уже знали о приближении короля, и крестьяне выходили ему навстречу. А на последнем отрезке пути к отряду короля присоединились проводники, без помощи которых человеку в сером даже с его знанием маршрута вряд ли удалось бы найти поместье Хэнкса.

Там тоже уже знали о приезде короля, его величеству предложили отдохнуть с дороги, но Генрих пожелал немедленно видеть мастера Хэнкса. Короля отвели в небольшую теплую спальню, где боролся со смертью руководитель королевской секретной службы.

Мастер Хэнкс лежал в постели, укрытый пушистым шерстяным одеялом, а лицо его утонуло в громадных подушках, да еще было наполовину скрыто пологом кровати, так что король видел лишь нос да густую отросшую бороду Хэнкса.

Генрих уселся на кресло, поставленное в трех шагах от смертного одра, и тогда борода Хэнкса шевельнулась, из подушек раздался его слабый голос:

– Рад приветствовать вас в своем имении, ваше величество. Это огромная честь для меня. К сожалению, не смог встретить вас лично. Отхожу в мир иной… Вы приехали проститься со мною?

– Не хочу вас разочаровывать, мастер Хэнкс, но я скакал сюда при отвратительной погоде и по мерзким дорогам вовсе не для того, чтобы с вами проститься, – нервно сказал Генрих. – Вы не вовремя решили расстаться с жизнью. В государстве предательство и измена, а ваши сотрудники абсолютно не справляются со своими обязанностями.

– Что вы говорите, ваше величество? – Хэнкс сделал попытку

приподнять голову, но она тут же упала на подушки. – Предательство и измена? Это мой недогляд и моя вина.

– Никто не утверждает, что вы в чем-нибудь виноваты, – проворчал король. – Где уж вам нести службу, в таком-то состоянии! Но ваш помощник – осел и недотепа! Он проглядел измену.

– Значит, я в нем ошибся, – послышался вздох Хэнкса. – Как же он допустил такой просчет?

– Об этом вы сами его расспросите. Я привез его к вам. Может быть, казнить его здесь?… Но черт с ним, речь не о нем! – Генрих ударил кулаком по подлокотнику кресла. – Что делать с королевой, – вот вопрос?

– С королевой? – борода Хэнкса повернулась в сторону короля. – А что королева?

– Королева? Вы еще спрашиваете? – сказал Генрих, растягивая слова. – Она изменила мне, – вот что она сделала! – вдруг закричал он. – Изменила! Мне! Королю! Государю! Мужу! Мне, кто так ее любил! Мне, кто ради нее восстановил против себя целый мир, кто пролил море крови, чтобы жениться на ней! Шлюха! Гнусная шлюха! Мерзкая шлюха, подлая шлюха! Преступная шлюха!

Генрих вскочил с кресла и принялся с рычанием бегать по спальне, опрокидывая вещи на своем пути. Хэнкс молчал, его борода была уставлена в потолок.

Побегав по комнате, Генрих вернулся на свое место и упавшим голосом сказал:

– Итак, вы теперь знаете. Анна спуталась с другим мужчиной. Со своим кузеном, с ничтожеством, жалким кривлякой! Дура и шлюха! Что мне с ней делать? Я к вам приехал, чтобы узнать ваше мнение на сей счет. Мне совсем не хочется беседовать на эту тему с сэром Джеймсом и с другими членами Совета. Мне важно услышать вас. Эй, мастер Хэнкс, что вы молчите? Вы еще живы? Вы меня слышите? – Генрих вытянулся, пытаясь увидеть глаза Хэнкса.

– Я вас слышу, ваше величество, – борода руководителя секретной службы вновь зашевелилась. – Ответьте мне, откуда вы узнали об измене ее величества? Эти сведения достоверные?

– Откуда узнал? Да из ее собственного письма, дьявол ее забери! Вот это письмо, – Генрих встал, достал из сумки на дорожном поясе бумагу и подошел к Хэнксу. – Вы можете читать?

– Попробую, – мастер Хэнкс вытащил руку из-под одеяла и взял письмо. – Прошу вас, ваше величество, отойдите от света, мне не видно.

– Хорошо, – Генрих вновь уселся на кресло. – Читайте, я не

стану вам мешать.

Через минуту рука Хэнкса опустилась, и письмо легло на одеяло.

– Что, уже прочитали? – удивился король. – Быстро, однако. Глаза и голова у вас еще, слава богу, работают.

– Вы правы, ваше величество, мне еще не время умирать. Служебный долг возвращает меня к жизни. Он побеждает болезнь, как не могут победить ее доктора и лекарства, – сказал Хэнкс, и голос его прозвучал гораздо бодрее, чем в начале беседы.

– Я никогда не сомневался в вас, мой верный Хэнкс, – отвлеченно произнес король и нетерпеливо прибавил: – Но говорите же, что вы думаете по поводу наказания для королевы? Что мне с ней делать? Будь я частным лицом, клянусь, я убил бы ее сразу же, как только заполучил это письмо! Но я король, – в данном случае и впервые в жизни должен добавить: к сожалению, – и как мне, королю, поступить со своей преступной женой?

– Может быть, дать ей развод под благовидным предлогом? Например, под предлогом неспособности ее величества родить вам наследника? Как уже было с королевой Екатериной? – борода Хэнкса вновь повернулась к королю.

– Вы с ума сошли! – закричал Генрих. – Сравнили тоже: Анна и Екатерина! Екатерина была мне верна, – я сам хотел с ней разойтись, поэтому развод был оправдан. Но с Анной я разводиться не хотел, она мне изменила, – какой же может быть развод? Неужели не понимаете, черт возьми!

– Да, сейчас, кажется, понял, – борода Хэнкса чуть дрогнула. – Простите меня за глупый совет, ваше величество.

– Вы ничего не смыслите в супружеских отношениях! – с раздражением продолжал король. – По-вашему, я должен наградить жену за измену и предательство, дав ей развод, которого она сама хочет? Где справедливость? Нет, Анна понесет кару по высшему разряду, ведь я – король, будь я проклят! Я накажу ее по праву государя!

– То есть вы хотите наказать ее как король за обиду, которую она нанесла вам как мужу?

– Да, именно так, в самую точку! Теперь, наконец, вы меня поняли! – Генрих стукнул каблуком сапога об пол.

– Каким же должно быть наказание для ее величества? – борода Хэнкса замерла.

– Смерть! – жестко и решительно выкрикнул Генрих. – Другого быть не может. Смерть!

– Вы уверены, ваше величество?

– Смерть ей! – твердо повторил король.

– Хорошо. Тогда нам следует представить королеву государственной преступницей, заговорщицей, пытающейся узурпировать престол. Если помните, вы в свое время хотели начать подобный процесс против королевы Екатерина, но тогда это было нецелесообразно. Сейчас, в отношении королевы Анны, это будет логично и оправдано, – голос Хэнкса становился все бодрее и бодрее.

– Логично и оправдано? – переспросил Генрих.

– По двум причинам, ваше величество. Первое, суд не сможет вынести ее величеству смертный приговор, если за ней не будет числиться тяжелейшее преступление. Заговор против короля по нашим законам и есть такое преступление.

– Это ясно! – перебил король Хэнкса. – А вторая причина?

– Второе, королева Анна невольно стала причиной реформ, проведенных в последние три года.

– Ну и что? – вновь перебил Хэнкса король. – А при чем тут заговор?

– Дело в том, ваше величество, – терпеливо продолжал Хэнкс, – что часть этих, как бы их назвать… реформаторов, неправильно поняли свою задачу и попытались поставить себя над королевской властью.

– Вы мне об этом не докладывали! – в третий раз перебил Хэнкса король.

– Пока ничего страшного не случилось. У нас была возможность держать этих людей в узде. Но они усиливаются и не исключено, что в ближайшем будущем станут угрозой для власти вашего величества. Нельзя забывать, что даже самые верные наши союзники, чрезмерно усилившись, превращаются в наших врагов. Поэтому надо нанести по ним удар сейчас, сокрушить их так, как мы сокрушили сторонников папской церкви. Это – государственная необходимость, и заговор королевы дает нам возможность расправиться с особо опасными реформаторами, – рука Хэнкса сжала письмо Анны.

– Кого же вы хотите приписать к заговору? – настороженно спросил Генрих.

– Приписать? – в голосе Хэнкса прозвучало крайнее изумление. – Но, ваше величество, они и есть заговорщики, просто некоторые из них пока не знают этого.

– Ладно, я вас понял! – воскликнул король. – Кто же они? Назовите имена.

– Королева через своего кузена поддерживала отношения с сэром Арчибальдом, который, обманув доверие сэра Джеймса, организовал заговор против вашего величества, – уверенно сказал Хэнкс. – В этой цепи, вероятно, были и другие злоумышленники,

но их имена я назову вам позже.

– Сэр Арчибальд? Председатель Особого Комитета по проведению церковных и земельных реформ?

– Да.

– Помощник и друг сэра Джеймса?

– Да.

– Святые угодники! Чем же он нам опасен? – спросил король.

– Сам сэр Арчибальд представляет опасность для государства лишь своим корыстолюбием, – с величайшим терпением объяснял Хэнкс. – Против вашего величества он не пошел бы никогда. Но сэр Арчибальд сосредоточил вокруг себя тех людей, о которых я говорил: тех, кто может осмелиться посягнуть на вашу власть. Сэр Арчибальд – их штаб, и этот штаб должен быть разгромлен.

– А сэр Джеймс? Как он отнесется к суду над Арчибальдом? Все-таки он его друг, – Генрих с сомнением посмотрел на бороду Хэнкса.

– Сэр Джеймс – благоразумный человек. Он знает, что дружба это ненадежная почва, на которой нельзя построить крепкий дом. Деньги и власть – вот главные ценности в жизни сэра Джеймса, – уж конечно, он не станет жертвовать деньгами и властью во имя дружбы. Узнав об аресте сэра Арчибальда, и тех обвинениях, которые против него выдвинуты, сэр Джеймс поспешит отречься от своего бывшего друга. Кстати, дело сэра Арчибальда бросит тень на самого лорд-канцлера и легко может послужить основанием для его ареста, если он попытается выйти из воли вашего величества. А для того чтобы прочнее привязать сэра Джеймса к вам, я бы посоветовал, ваше величество, назначить его одним из судей на процессе о заговоре королевы, – при этих словах Хэнкс изобразил в постели что-то вроде поклона.

– Вы полагаете, он согласится? – хмыкнул король.

– Полагаю, что сэр Джеймс согласится с величайшей готовностью, и будет беспощаден к сэру Арчибальду. А другими судьями было бы неплохо назначить сэра Гуго и сэра Хью. Сэр Гуго сможет провести процесс с искусством опытного политика, а сэр Хью, в силу своего характера, не обойдет вниманием ни одну деталь, связанную с преступлением королевы. Сэру Хью можно будет вручить выдержки из письма ее величества, указав, что это – шифрованное послание, которое кузен королевы должен был передать сэру Арчибальду и прочим заговорщикам.

– Никогда! – возмутился Генрих. – Никогда я не допущу того, чтобы это мерзкое письмо обсуждалось на суде!

– Виноват ваше величество, но я говорю только о некоторых выдержках из послания, – заметил Хэнкс. – Само письмо мы уничтожим, если хотите. Или вы предпочитаете сохранить его?

– Нет, уничтожьте его, когда оно станет не нужным. Не хочу видеть эту гадость, – сказал Генрих, сморщившись.

– Как прикажете, ваше величество, – послушно откликнулся Хэнкс.

– Приятно иметь с вами дело, мастер Хэнкс, – сказал ему король. – Не то что с вашим помощником.

– Вынужден еще раз признать свою ошибку. Я не разобрался в этом человеке. Но поверьте, он будет наказан.

– Делайте с ним что хотите, мне всё равно, – махнул рукой король. – Скажите лучше, когда вы выздоровеете? Мне очень хотелось бы, чтобы вы вернулись в столицу вместе со мной.

– Приказ вашего величество для меня священен, – сказал Хэнкс и в его голосе прозвучали торжественные нотки. – Даже если бы надо мной уже прочитали отходную молитву, я бы и тогда встал и последовал за вами.

– Вот, вот, это мне и нужно! – обрадовался король. – Итак, завтра мы выезжаем! И я желаю, я приказываю, чтобы в самый короткий срок моя жена-шлюха и ее любовник отправились в ад!

* * *

Трактир «Свиная голова» пользовался доброй славой среди молодых джентльменов, желающих приятно провести время. Обстановка там была небогатая, зато было чисто, вкусно готовили, подавали неплохое вино, – а главное, хозяин не заламывал чрезмерную цену за обед и охотно делал скидки для постоянных клиентов. Помимо этих очевидных преимуществ, трактир был еще безопасен, – его владелец каким-то непостижимым образом ладил и с полицией, и с разбойниками, хозяйничавшими в этом квартале Лондона.

Сэра Джона в «Свиную голову» впервые привел его дядя сэр Френсис, любивший покутить здесь в обществе таких же старых повес, каким был он сам. После смерти дяди Джон стал приводить в «Свиную голову» своих друзей, которые полюбили это заведение настолько, что решили собираться тут каждый четверг.

Сегодня как раз и был четверг, а поскольку все увеселительные мероприятия в городе были отменены в связи с раскрытием заговора королевы и судом над ней, то в «Свиной голове» собралось много молодых людей, не знавших, куда пойти, и не желавших скучать в своих домах.

Председателем пирушки был единогласно избран сэр Джон, и он умело возглавил застолье, командуя им, как опытный капитан

кораблем. Под началом сэра Джона его флотилия успешно дошла до нужного градуса и перед пирующими открылись новые горизонты.

– Джентльмены, прошу внимания! – раздался голос капитана. – Мне пришла в голову забавная идея!

– Протестую! – закричал краснолицый гуляка. – К чертям собачьим все идеи! Никаких идей! Да здравствует полная безыдейность!

– Так об этом-то я и говорю! – подхватил сэр Джон. – Я вижу, здесь собрались честнейшие джентльмены, готовые без обиняков заявить, что наш мир не стоит ломаного гроша, ибо он наполнен мерзостью и обманом, которые являются нормами его жизни. И от нас требуют соблюдать эти нормы?! Черта с два! С какой стати? Когда мы пьем, веселимся и посылаем к дьяволу все приличия, – мы поступаем честнее и благороднее, чем те чванливые идиоты, лицемерные негодяи, величественные ничтожества, которые заправляют всем на свете и воображают, поэтому, что они выше других. Джентльмены, я предлагаю понизить их до уровня грязи – родной им среды, – а мы посмеемся над тем, как они будут в ней барахтаться.

– Отлично! Молодец, сэр Джон! Но как мы это сделаем? – послышались крики.

– Учредим клуб, джентльмены! Клуб Диогена, клуб Циников! – сказал сэр Джон. – Заседания по четвергам в этом трактире; и пусть на каждом заседании будет избран для нашего обсуждения герой дня из числа людей, наделенных властью, влиянием и богатством.

– Слава сэру Джону! Здорово придумано! Да здравствует клуб Циников! – возликовала вся веселая компания. – Долой авторитеты! – засвистел кто-то за боковым столом, его свист подхватили остальные.

Сэр Джон помахал рукой, призывая к тишине:

– Внимание, джентльмены! Для начала позвольте предложить вам рассказ о заседании суда по делу королевы Анны.

– Ба! – вскричал гуляка, протестовавший против любых идей. – Откуда вы, порази меня Юпитер, можете знать о закрытом заседании суда? А, понимаю! Ведь наш сэр Джон удостоен чести завтракать с самим королем!

– Один раз, только один раз я завтракал с ним, – быстро возразил сэр Джон, переменившись в лице и бросив злой взгляд на гуляку. – Я – плохое блюдо к королевскому столу, от меня портится аппетит.

– Ну, так и радуйтесь, что вас не съедят! – оглушительно захохотал гуляка.

– Я и радуюсь! – подхватил сэр Джон. – Я не хочу быть среди тех, кого пережевали, переварили и исторгнули в клоаку двора! Однако же у меня есть хорошие знакомые среди господ золотарей, и они рассказывают мне о том, кто что ел минувшим днем.

– Фу, сэр Джон, вы, действительно, плохое блюдо! Вы и нам хотите испортить аппетит? – сморщился все тот же гуляка.

– Отбросьте брезгливость, дорогой сэр, если хотите быть членом нашего клуба, – с насмешливой назидательностью сказал ему сэр Джон. – Могут же обходиться без нее врачи, политики, проститутки, банкиры, деловые люди и золотари? Нам надо научиться у них делать свое дело, не морщась и не зажимая нос.

– Верно! Дайте же сказать сэру Джону! Говорите, сэр Джон! – закричали собутыльники. – И засуньте факел в горло тому, кто попытается вас перебить!

Краснолицый гуляка с шутливым испугом зажал рот руками, показывая, что будет молчать.

– Суд над королевой! – торжественно провозгласил сэр Джон. – Слушайте, верные подданные его величества, и ужасайтесь коварству королевы Анны! Слушайте и ужасайтесь сейчас, ибо завтра вам вообще запретят упоминать ее имя!.. Итак, – продолжал он, – обвинительное заключение составил сэр Хью на основании перехваченного письма королевы к другим заговорщикам. Сразу хочу отметить, что в этом процессе много загадок, и одна из самых больших – почему именно сэру Хью поручили написать обвинительное заключение? Возможно, его величество захотел избавиться от сэра Хью или наказать его за какую-то большую провинность: во всяком случае, надо признать, со всем уважением к нашему государю, что королю цивилизованной страны применять подобные пытки к своим подданным, – это чересчур жестоко! Лучше бы его величество распорядился поджарить сэра Хью на медленном огне, а заодно и судей, и обвиняемых, – клянусь святым Лаврентием, это было бы более гуманно по отношению к ним. Сам сэр Хью на суде не присутствовал: он слег от перенапряжения, сочинив злосчастное заключение; впрочем, доктора, разбирающиеся в болезнях мозга, уверяют, что сэр Хью, хотя и утратил безвозвратно большую часть своих умственных способностей, но все же сможет заниматься государственными делами…

Председательствовал на процессе сэр Гуго, а его помощником был сэр Джеймс. О, они оба выступили великолепно! Начнем с сэра Гуго… Ну, что можно сказать о сэре Гуго? Джентльмены, снимите ваши шляпы перед сэром Гуго! Наши деды были молоды, когда он уже заседал в парламенте. Сколько политиков с тех пор

умерло, – кто своей смертью, а кто насильственным образом, – сколько правительств пало, сколько раз переизбирался парламент, а сэр Гуго все заседает и заседает в нем. Умер старый король, новый венчался на царствование, а сэр Гуго все заседает и заседает в парламенте. Король Генрих стал уже немолод, и королева Екатерина отправилась в изгнание и умерла, и новая королева появилась у нас, и ее обвинили в заговоре, но сэр Гуго все заседает и заседает в парламенте, – и, уверяю вас, он будет заседать там и тогда, когда нас с вами уже не будет на этой земле! Какую надо иметь неслыханную ловкость, какое тончайшее чутье, чтобы уловить все изменения в политике и приспособиться к ним! А все потому, что сэр Гуго никогда не изменял своим принципам, как верно подметил мой покойный дядюшка, а принципы эти сводятся к одному простому правилу: своя рубашка ближе к телу. Предлагаю избрать сэра Гуго почетным членом нашего клуба и выпить за великий принцип беспринципности!

– Виват сэру Гуго! – поддержала сэра Джона вся компания. – И выпьем за беспринципность!

– Виват! – осушил свой стакан сэр Джон. – Но, если позволите, я вернусь к суду над королевой.

– К дьяволу королеву! Выпьем! – перебил его краснолицый гуляка.

– Нет, нет, пусть сэр Джон доскажет! Черт возьми, дайте ему сказать! – зашикали на гуляку остальные собутыльники.

Тот проворчал что-то, и, запрокинув голову, выплеснул себе в глотку все содержимое своей большой глиняной кружки.

Сэр Джон с сомнением посмотрел на него, кашлянул и продолжил свою речь:

– Как я уже сказал, обвинительный документ против королевы был составлен на основании письма Анны к заговорщикам. Для того чтобы замаскировать свои преступные замыслы королева придала этому письму вид любовного послания и адресовала его своему кузену сэру Джорджу. Но суд обмануть ей не удалось: сэром Хью было неопровержимо доказано, что письмо Анна носило политический характер и было зашифрованным руководством к действию для заговорщиков. Сэр Хью доказал это в обвинительном заключении со всей очевидностью, не оставив никаких сомнений. Например, слова: «Я не могу без вас жить», – явно свидетельствуют о том, что королева торопит заговорщиков с осуществлением их планов. Она прямо-таки сгорает от нетерпения единолично занять престол. Об этом же говорит нам и следующая фраза Анны: «Вы можете упрекнуть меня за нескромность, но не за холодность». Как верно заключил

сэр Хью, эта фраза свидетельствует о том, что королева горячо стремилась узурпировать власть, забыв о какой-либо сдержанности. Еще одна фраза: «Забудьте о моем муже, как забыла о нем я», – тут комментарии не требуются! И, наконец, как вам такое высказывание королевы: «Я не стану мучить вас бесполезными воспоминаниями о нашей общей слабости; давайте лучше решать, как нам быть теперь?» По справедливому предположению сэра Хью, среди заговорщиков, вероятно, были сомневающиеся в успехе, поэтому осуществление заговора было отложено, но королева требовала преодолеть сомнения и приступить к решительным действиям.

Таким образом, есть неоспоримые доказательства преступления королевы, – и с точки зрения закона они вполне достаточны, чтобы осудить ее. Преступный замысел королевы, кроме того, был подтвержден и показаниями самих обвиняемых; сэр Джордж, правда, начал было нести какую-то высокопарную чушь о божественных любовных чувствах, но сэр Гуго пригрозил ему пыткой, и тогда сэр Джордж признался, что участвовал в заговоре. Что же касается сэра Арчибальда, который наряду с королевой руководил заговорщиками, то он чистосердечно раскаялся в содеянном и просил только об одном: сохранить ему жизнь. Сэр Джеймс ответил на это, что сэр Арчибальд, повинный в столь тяжком преступлении, должен был бы умолять судей не о спасении своей жизни, а о том, чтобы его казнили как можно скорее, и избавили, тем самым, от позора и мучений нечистой совести.

Другие участники заговора также признали свою вину, одна лишь королева не пожелала последовать общему примеру. Она до конца продолжала настаивать на своей непричастности к каким бы то ни было умыслам против его величества. Разумеется, подобная неуступчивость настроила судей против Анны, и сэр Джеймс потребовал приговорить ее к публичному колесованию. Однако сэр Гуго посчитал, что достаточно будет простого обезглавливания; при этом он настоял, чтобы в протокол был внесен специальный пункт о принцессе Елизавете. Там сказано, что Елизавета не виновата в грехах матери и сохраняет все свои права. Ранее сэр Гуго столь же рьяно выступил в защиту принцессы Марии, поэтому теперь его прозвали «Покровителем принцесс». Удивительную заботу о королевских дочерях проявил сэр Гуго!

А что же государь, – спросите вы? Его величество, по слухам, вначале хотел утвердить приговор, предложенный сэром Джеймсом, но затем проявил милосердие и утвердил вердикт сэра Гуго. Таким образом, королева Анна будет без лишних

мучений обезглавлена в Тауэре.

Сэр Джон замолчал. Приумолкли и его приятели за столом.

– Что вы заскучали, джентльмены? – сказал тогда сэр Джон. – Бросьте! Кому что на роду написано, то ему и будет! А королева… Что же, у нее своя судьба, она ее сама выбрала. Давайте выпьем за судьбу, джентльмены, – за судьбу, которую мы выбираем! – воскликнул он, поднимая стакан.

Эпилог

Веселый месяц май быстро развеял все печали. Король Генрих, много пивший в последнее время, вдруг как-то встряхнулся, приободрился, и его двор ожил вместе с ним. Воспоминания о казненной королеве поблекли и перестали волновать придворную знать, тем более что покойную многие недолюбливали. Дамы шептались между собой, что несчастному Генриху не повезло, как с первой женой, так и со второй. Вообще, женщины гораздо больше жалели сэра Джорджа, чем Анну; некоторые прямо обвиняли ее в гибели прекрасного молодого человека, наделенного замечательными талантами. Рассказывали, что перед казнью сэр Джордж прочел великолепное стихотворение собственного сочинения, в котором описывался нежный цветок, сожженный извержением вулкана в тот момент, когда этот цветок тянулся к другому нежному цветку. Текст стихотворения каким-то образом был передан одной из придворных дам; она тайком зачитала его своим приятельницам, и все они плакали, говоря: «Бедный, бедный сэр Джордж!»

Что же касается сэра Арчибальда и других заговорщиков, то их забыли настолько быстро, что когда некий заезжий провинциал подал на утверждение сэру Джеймсу бумагу о приобретении прав на земельный участок, подписанную еще сэром Арчибальдом, то сэр Джеймс с недоумением посмотрел на своих помощников, как бы прося напомнить ему, – а кто такой сэр Арчибальд?…

Дела в королевстве шли всё лучше и лучше, – никогда еще общество не было так тесно сплочено вокруг государя. Если и были недовольные, то их голоса тонули в общем благодарственном хоре, прославляющем Генриха.

Любовь народа, может быть, и встряхнула короля. Он вышел из тяжкого жизненного испытания заметно постаревшим, но дух его, в конце концов, превозмог лишения, и Генрих приказал устроить пышный праздник в своем загородном дворце. На праздник выехал весь королевский двор, а также гости из числа провинциального дворянства, сумевшие получить приглашения. С неделю продолжались непрерывные пиры, танцы, игры, фейерверки, мистерии, – и все на фоне незаконченных построек, больших гор строительного мусора, в грязи будущего парка. Из-за недостатка места для ночлега пристанищем многих дворян стали комнаты слуг во дворце; большой популярностью пользовались огромные каменные ступени в недоделанном каскаде фонтанов: на этих ступенях, устелив их тюфяками и закрывшись навесами

от солнца и дождя, расположилось более сотни человек, – здесь было самое веселое место.

Генрих, морщась от приступов боли в ноге, старался поспеть повсюду: танцевал с дамами, лично запускал фейерверки, играл в мяч, составлял партию в карты, пел под лютню, вставлял реплики во время театральных представлений. Чувствуя одобрение короля, дворяне расшалились вовсю, так что к исходу третьего дня священнослужители вынуждены были покинуть праздник, прозванный ими Новыми Дионисиями. Вслед за священнослужителями уехали и наиболее благоразумные гости; но уж те, кто остались, долго потом вспоминали Новые Дионисии короля Генриха!

В предпоследний день праздника Генрих все время приглашал на танцы одну и ту же девицу. Она была ладно сложена и имела премиленькое личико с выражением то ли хитрости, то ли крайней наивности. Девица эта охотно шла танцевать с его величеством и хохотала до упада, слушая его комплименты и остроты. А Генрих, действительно, был в ударе: вспотевший, раскрасневшийся, задыхающийся от сильного сердцебиения, – он выделывал и выделывал танцевальные па, припадая на больную ногу. По странному совпадению девицу эту звали Анна. Здесь явно был виден знак судьбы: одна Анна ушла, пришла другая Анна!..

Вечером того же дня Генрих, смертельно уставший от танцев, распорядился позвать актеров, дабы те представили гостям очередное лицедейство. В соответствие с настроением публики, актеры решили показать пантомиму «Аполлон и Дафна».

Сцена для представления была устроена на нижней террасе дворца у основания каскада фонтанов; для короля здесь поставили кресло, он приказал поставить рядом второе для Анны. Дворяне, расположившиеся на верхней террасе и на ступенях каскада, смотрели с одинаковым интересом как на игру лицедеев, так и на заигрывание короля с молодой девицей.

Пантомима началась с выхода Аполлона. В сверкающей золотисто-белой одежде, с венком на голове он прогуливался по сцене туда и обратно, демонстрируя свое божественное величие и изящество телесных форм. Публика встретила его аплодисментами.

Вслед за Аполлоном на сцену вышел златокудрый мальчик, изображающий Эрота. Он вынул стрелу из колчана, висящего на бедре, вложил ее в тетиву лука и стал целиться в зрителей. Это вызвало у них взрыв восторга и массу фривольных шуток. Король наклонился к Анне и прошептал ей что-то, отчего уши у нее покраснели; она засмеялась, закрывая рот веером.

Между тем, Эрот нацелил лук на Аполлона. Тот всем своим видом изобразил крайнее возмущение и строго погрозил мальчишке пальцем. Тогда шаловливый Эрот отбежал на край сцены и спрятался там, присев и закрыв голову руками.

Появилась Дафна. Молодой актер, играющий роль нимфы, был чрезвычайно смазлив и строен, он пикантно выглядел в женской одежде, что вновь вызвало восторг публики. Дафна принялась танцевать под чудесную мелодичную музыку, разбрасывая цветы по сцене. Аполлон, однако, равнодушно взирал на этот танец и зевал от скуки.

Тут в дело вступил озорник Эрот. Он подкрался к Аполлону и выпустил в него стрелу с надетым на нее вместо наконечника красным атласным сердцем. Аполлон охнул, томно вздохнул, провел рукой по лицу, как бы отгоняя наваждение, и устремился к Дафне.

Она, испуганная этим внезапным порывом, задрожала. Для того чтобы успокоить ее и уверить в своей любви, Аполлон закружился вокруг нимфы, стараясь прикоснуться к ней. Дафна вроде бы стала поддаваться, но снова вмешался каверзный Эрот и всё испортил. Он пустил в нимфу стрелу с наконечником из парчового сердца холодного стального цвета.

Дафна застыла на мгновение, а после с возмущением оттолкнула от себя Аполлона и попыталась ускользнуть от него. Однако Аполлон продолжал ее преследовать, они суматошно забегали по сцене на забаву смеющемуся Эроту. Наконец, Дафна пала на колени и в мольбе протянула руки к небесам.

На сцене появились три статиста. Они своими плащами загородили Дафну от зрителей; когда же открыли, то на ней оказалось буро-зеленое покрывало с пришитыми листьями лавра, и в ладонях ее трепетали ветки этого благородного растения.

Аполлон, ошеломленный произошедшей с нимфой метаморфозой, изъявил признаки глубокой печали, с которыми покинул арену представления. За ним удалился отомщенный Эрот, а Дафну статисты подняли на свои плечи и унесли со сцены.

Бурные рукоплескания зрителей наградили игру актеров. К аплодисментам присоединился и король, а Анна хлопала так сильно, что у нее слетел перстень с пальца. Генрих, с трудом нагнувшись, поднял перстень, и сам одел его Анне, задержав ее руку в своей руке. Девушка вовсе не сопротивлялась этому, а напротив, поощрительно улыбнулась королю, показав ровные ряды жемчужных зубов.

После пантомимы придворные и гости его величества были поражены необыкновенным по зрелищности и

продолжительности фейерверком, а затем состоялся прощальный ужин, продолжавшийся до утра; впрочем, король ушел из-за стола еще до полуночи, Анна ушла с ним.

* * *

Генрих снова заболел: праздники расстроили его здоровье, едва начавшее восстанавливаться после пережитых потрясений. Он никого не принимал; к нему в покои допускали только лекарей, хлопотавших над королем с утра до вечера. Дважды приходил с докладом сэр Джеймс и не удостоился аудиенции его величества; приходил за указаниями назначенный на должность Главного Королевского Судьи сэр Хью, – и его не пустили к государю. Исключение было сделано лишь для одного человека – мастера Хэнкса: король сам вызвал его, когда почувствовал себя лучше.

– Итак, докладывайте. Какая обстановка в стране? Все ли спокойно? Что наши враги за границей? – спрашивал Генрих деловитым голосом, нащупывая на столике рядом со своей кроватью стакан с теплым шафрановым вином.

– Обстановка в стране спокойная, никаких серьезных волнений нет и не предвидится, – монотонно докладывал Хэнкс. – Нашим врагам за границей не до нас, – у них в своем доме смута. Если бы император и папа не порвали с нами столь решительным образом, они, пожалуй, еще и помощи у нас попросили.

– Вот как? – рассеянно сказал Генрих, делая маленькие глотки из своего стакана.

Хэнкс терпеливо ждал дальнейших вопросов.

– А хорошую кашу мы с вами заварили, мастер Хэнкс, – долго ее придется расхлебывать! Удивительно, – ведь мы затеяли всю эту историю с реформами исключительно для того, чтобы я смог развестись с Екатериной и жениться на Анне. И вот, я добился своего, – и проиграл! – с горькой усмешкой произнес король. – Но дела моего королевства при этом, как ни странно, пошли в гору. То, чего мы опасались, не случилось, зато свершилось то, чего мы не ждали. Ах, Анна, Анна, чего тебе не хватало? Я так тебя любил!

Генрих облокотился на левую руку и тяжело задумался. Хэнкс молча стоял перед ним.

– Так, вы говорите, она умерла спокойно? – спросил король.

– Я уже не раз докладывал вашему величеству: ваша бывшая жена и наша бывшая королева Анна умерла без видимого волнения, со словами молитвы. Когда ее привели на место казни,

она сказала: «Я прощаюсь с миром и от всего сердца прошу вас молиться за меня». После этого она упала на колени и до последнего повторяла: «Иисус, прими мою душу». Ее губы еще шевелились, когда все было кончено. Тело нашей бывшей королевы накрыли простыней и отнесли в дворцовую часовню. Потом ее положили в гроб, причем столяр ошибся в его изготовлении, так что отрубленная голова королевы едва поместилась в домовину, – отвечал Хэнкс и голос его был скучен.

– Со словами молитвы… – король поставил стакан на столик. – Гнусная шлюха! – вдруг закричал он. – Со словами молитвы! Нет, вы подумайте, какая святая великомученица! Блаженная Анна! Целомудренная Анна! Тьфу! Развратная тварь! Ее надо было жечь на медленном огне, рвать клещами ее поганую плоть! Зачем вы отговорили меня, черт возьми?! Умерла со словами молитвы!..

Хэнкс вздохнул и принялся разъяснять в десятый раз:

– Вы, ваше величество, не могли поступить со своей бывшей женой чересчур жестоко. Ваше величество – не варвар; мы – цивилизованная страна и должны показывать пример всему остальному миру. Наша бывшая королева Анна совершила тяжкое преступление: она пыталась свергнуть законную и данную от Бога власть вашего величества. Суд справедливо, на законных основаниях, приговорил за это нашу бывшую королеву к смерти. Такова наша политика.

– Политика, политика, политика! – с яростью повторил король. – Как мне надоела эта чертова политика! Из-за нее я не смог отомстить Анне так, как хотел, как требовала моя поруганная честь. Мерзкая шлюха умерла слишком легко, сознание этого жжет меня и не дает мне покоя. Знаете, я даже на того молодца… Ну, на того, который с Анной… Ну, на ее кузена, дьявол меня побери!.. Я даже на него не так злюсь, как на мою жену, проклятую гадину! В конце концов, мужчина всегда хочет женщину и ищет ту, которая доступна ему. Каждая женщина понимает это. Но одни женщины хранят себя, заботятся о своей душе и своем добром имени, а другие пускаются во все тяжкие. Ах, Анна, Анна, я думал, она не такая! Из-за нее я теперь не могу смотреть на мою дочь, на Елизавету, – слишком уж она напоминает мать!.. С чем я остался к концу жизни? Жены нет, моя старшая дочь Мария, хоть я и люблю ее, зла и некрасива, а младшая – порождение шлюхи.

Генрих достал откуда-то из-под кровати начатую бутылку бренди и наполнил свой опустошенный стакан.

– Мои эскулапы запрещают мне пить бренди, – пояснил король Хэнксу. – А мне без него не жить, лишь оно дает мне

успокоение. Я читал, что сам великий Цельс признавал целебные свойства бренди и особенно рекомендовал употреблять его мужчинам.

– Бренди – славный напиток, ваше величество, – согласился Хэнкс.

– Вот, вот, вы меня понимаете! – обрадовался Генрих. – Выпейте со мной. Возьмите мензурку с ночного столика. Ту гадость, что в ней налита, выплесните в ночной горшок, я так всегда делаю. Держите бутылку, налейте себе бренди! Только немного, а то мне не дадут больше, эту-то бутылку с трудом выпросил у своего обер-лакея. Дожили! Королю, государю, правителю Англии – и не дают того, чего он хочет! Они утверждают, что мне стало плохо после праздников из-за несдержанности в пище и питье. Дураки! Меня доконали чулки с подвязками и узкий камзол! Ужасная у нас мода на мужскую одежду, просто ужасная, я не перестаю это повторять! И ведь не меняется, будь она трижды проклята, не меняется, – вот что страшно! Одно хорошо – гениталии не стеснены; наоборот, застой крови в ногах способствует ее усиленному обращению в паху. Результат потрясающий! На празднике я встретил прелестную юную девицу, которая мне весьма приглянулась. Вы не поверите, мастер Хэнкс, но ее имя – Анна! Каково совпадение, а? Эта девица – не кривляка и не ломака, она ответила мне симпатией, и перед отъездом мы провели с ней восхитительную ночь вдвоем. Я сделал пять атак, и она теряла сознание от наслаждения. Я не представлял, что еще способен на подобные любовные подвиги. Новая Анна мне очень нравится, – она молода, красива, проста и нежна. Вот я и подумал, – а не жениться ли мне на ней? Мне почему-то кажется, нет, я почти уверен, что она родит мне сына! Правда, она не очень умна, но зачем мне умная жена? У меня были две умные жены, – и я хлебнул с ними горя! Да и чем я рискую? После того как я выгнал Екатерину, которая любила меня, после того как я казнил Анну, которую я любил, – чем я рискую, женившись в третий раз? Как вы считаете, мастер Хэнкс, жениться мне на Анне-второй или нет?

– Как вы соизволите, ваше величество, – сказал Хэнкс и выпил свое бренди. – По моим данным, эта девица не представляет угрозы для государственной безопасности.

– А, так вы ее знаете? – король вопросительно посмотрел на Хэнкса.

– Естественно, – ответил тот. – Моя обязанность знать обо всех, кто приближается к вашей особе.

– Не представляет угрозы для государственной безопасности… Странно вы оцениваете особенности молоденьких

девушек, – ухмыльнулся Генрих. – А если она тоже родит мне дочь, а не сына? А если у меня будут с ней какие-нибудь личные проблемы? Что тогда?

– Тогда? Вы разведетесь с ней, как с Екатериной, или казните ее, как Анну-первую, – невозмутимо сказал Хэнкс.

Король снова посмотрел на Хэнкса, пытаясь определить, не шутит ли он?

– Вы это серьезно? – спросил Генрих.

– Да, ваше величество. Почему нет? – бесстрастно ответил Хэнкс.

– Вы поистине удивительный человек, – король покачал головой. – Скажите, Хэнкс, у вас есть мечта? – спросил он через секунду, глядя ему в глаза.

– Да, ваше величество.

– Отройте мне ее.

– Я мечтаю увидеть конец света и Страшный Суд, – сказал Хэнкс; лицо его дрогнуло, и приняло на миг нечеловеческое, надмирное выражение.

Генрих с ужасом смотрел на своего начальника секретной службы и молчал.

– Вот мечта, которая обязательно исполнится, – пробормотал он, наконец.

– Кто знает, – криво улыбнулся мастер Хэнкс.

– Вы и в это не верите? – поразился Генрих.

– Кто знает, – повторил Хэнкс с уже обычным, замкнутым выражением лица.

– Но если будет последний Суд, то и вы ответите на нем за все свои прегрешения, – сказал Генрих, прищурившись, – И боюсь, что вам, мастер Хэнкс, будет уготовано место не в небесном граде Иерусалиме.

– Возможно, но уже за одно зрелище Страшного Суда я готов вечно гореть в аду. Оно того стоит, – сказал Хэнкс и прибавил: – Ваше величество.

– Ладно, Хэнкс. Налейте себе еще бренди, так и быть, – Генрих потупился и махнул рукой. – Пока еще не наступил Страшный Суд, давайте выпьем. И я женюсь на Анне номер два, а там посмотрим… Ваше здоровье, мастер Хэнкс!

– Ваше здоровье, ваше величество! – возразил Хэнкс.

– Спасибо. Выпьем!

– Женюсь, – сказал в заключение Генрих. – Женюсь обязательно. Три – хорошее число, и с третьей женой мне повезет. Женюсь и буду счастлив. Имею же я право на счастье, черт меня возьми!

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2015
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»